

Ирма Гринева

из цикла «Голубые глаза»

**А сколько ещё неизведанного!
Найду! Обниму! Не отдам никому!**

**От ненависти до любви и обратно
Что обещает её лицо
*из цикла «Карие глаза»***

Ирма Гринёва

**А сколько ещё неизведанного!
Найду! Обниму! Не отдам
никому! От ненависти до любви
и обратно. Что обещает её лицо**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67424883

SelfPub; 2022

Аннотация

Наверное, у каждого была в жизни ситуация, когда ему хотелось бы, чтобы у него были сестра или брат близнец? Каково это – иметь рядом настолько близкую тебе душу?

Ирма Гринёва
А сколько ещё
неизведанного! Найду!
Обниму! Не отдам
никому! От ненависти
до любви и обратно.
Что обещает её лицо

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Голубые глаза встречаются примерно у 20% населения Земли.

Голубые глаза означают холодность природы, отстраненность и обособленность от окружающего мира. Чем чище цвет глаз, тем сдержаннее в проявлении своих чувств их обладатель. Часто такие глаза встречаются у талантливых, оригинальных, одаренных людей с неординарным подходом к действительности. Голубоглазые люди – это творцы. Их интеллект выше, чем у представителей с другим цветом глаз.

Голубоглазые молниеносно, без тени сомнений принимают решения, а при изменении обстоятельств не теряются,

быстро адаптируясь к ним. Они довольно требовательны, строги по отношению к себе и окружающим. Для достижения цели они готовы на все. И дело не только в упрямстве, которое, несомненно, им присуще. Голубоглазые люди не получают, да и не ждут подарков судьбы. Они не выигрывают в лотерее, у них нет нужных влиятельных знакомых. Они всего достигают сами.

Под внешней отстраненностью может скрываться сентиментальность, романтичность, однако не всем удастся пробиться к ней, поэтому часто голубоглазые остаются непонятыми, одинокими. Таким людям свойственна обидчивость, даже по пустякам, ранимость, повышенная чувствительность, которые они тщательно пытаются от всех скрывать.

Не пора ли решиться? *(продолжение рассказа «Куда смотрят мужики?» из сборника «Зеленые глаза»)*

А сколько ещё неизведанного!

Настоящая итальянская жена

Найду! Обниму! Не отдам никому!

Любовь стоит того, чтобы ждать

Чистой воды блеф

Всё, возможно, будет не так уж и плохо!

Ты ворвалась в мою жизнь непрошено...

А если это любовь, то...

Наш неоконченный роман

Так вот она какая – любовь!

Пять слов на букву «Л»
Все цветы в твоих руках
Кто бы мог подумать?
Молчун ты мой любимый!

А сколько ещё неизведанного!

1

«Нет, ну каков, нахал! Сколько презрения в голосе: «... Раз я её не помню – значит, внешность не приметная. Такие серые мышки, как правило, самые хорошие работники. Так что я не против – берите...», – Ане так и врезались в голову слова её шефа слово в слово. И целый день не давали покоя, периодически возникая в памяти, заставляя раздражение вспыхивать с новой силой.

И чего её понесло заскочить в конце обеда в эту кафешку? Ах, да, жара в Москве стояла вот уже которую неделю невероятная. Захотелось проглотить чего-нибудь холодненького-вкусненького. А что может быть в жару лучше, чем мороженое? Вот и нарвалась на шефа с замом. Владлена Ивановича сразу узнала по голосу, о шефе догадалась по разговору. За 3 месяца её испытательного срока Аня видела шефа только мельком, ни разу с ним не разговаривала. На работу

её принимали Владлен Иванович и Маргарита Борисовна – главбух, как непосредственный начальник. И зачем небожителю общаться с обыкновенным экономистом, да ещё и на испытательном сроке? Вот и надо было сразу же уйти из кафешки, когда поняла, кто сидит за соседним столиком за углом. Ведь даже дернулась уйти, так нет же, вот ведь характер! – решила, что она ничего не нарушает (обеденный перерыв), а значит, имеет полное право! Тем более что такого вкусного мороженого, как в кафе Московское, больше нигде и не было на всю Москву. Можно было бы, конечно, махнуть в Космос (второе в Анином рейтинге кафе-мороженоых, ассортимент большой, в отличие от Московского, где мороженое было только одно – фирменное. Третье – ГУМ). Но она уже не успевала до конца обеденного перерыва, а опаздывать было нельзя – ни-ни. И дело было не только в том, что Аня ещё находилась на испытательном сроке. Шеф, Игорь Олегович, отличался маниакальной пунктуальностью и, хотя сам частенько отсутствовал по каким-то своим поднебесным делам, от подчинённых требовал строжайшей производственной дисциплины, причем, это касалось даже зама и главбуха. Поэтому Аня решила остаться, тем более что начальники её не видели. И их разговор ей не мешал, она вообще выключила слух, чтобы полнее насладиться тремя белоснежными сладкими шариками, политыми густым темно-коричневым шоколадом с глянцевой блестящей корочкой, в котором утопали половинки поджаренного и слегка подсоленного ара-

хиса, и гордо торчала, как парус у ладьи, рассыпчатая печенюшка. М-м-м... Слух сам включился, автоматически, когда Владлен Иванович упомянул её, Анину, фамилию, в связи с окончанием испытательного срока. Вот так и получилось, что она подслушала мнение шефа о себе...

И чего завелась? Справедливости ради, надо сказать, что она сама стремилась к незаметности (хватило приключений на прошлой работе). Косметикой не пользовалась, свои пышные волнистые волосы каждое утро тщательно выпрямляла и умиряла заколками. Тонкую талию и соблазнительную попку прятала в балахонистые кофты (грудь пряталась там же, хотя Аня и не считала её своей выигрышной частью тела, о чём поспорил бы с ней любой мужчина, но кто их будет слушать?!). Ну а длинные стройные ножки – в классических черных брюках. Туфли на каблуках были закинута в дальний ящик, а им на смену пришли удобные непритязательные мокасины. Но даже в облике серой мышки Анино появление вызвало некий всплеск заинтересованности со стороны мужской части фирмы, составляющей большинство сотрудников, что и не удивительно для IT-компании. Но волна также быстро и схлынула, натолкнувшись на острые льдинки в голубых Аниных глазах.

– Видимо, придётся звать на помощь Яну, – так и не справившись с раздражением, решила Аня. А пока надо начать сбор информации о шефе, чтобы Яна смогла составить план действий.

Сказано – сделано. Тем более, что для поиска информации о шефе никаких особых титанических усилий от Ани не потребовалось. Стоило лишь раскрыть уши да немного подтолкнуть разговоры в нужную сторону – и лавина информации буквально обрушилась на неё. Учитывая, что большая половина женской части сотрудников фирмы была так или иначе влюблена в шефа, Ане не составило труда собрать мозаику под именем «Игорё-ё-ша» (так с предыханием звала за глаза шефа влюбленная в него женская половина сотрудниц). И то, что её, конечно, записали в эту самую половину, девушку совсем не расстроило. Пусть думают, что хотят. Её даже позабавил сочувственный взгляд Маргариты Борисовны, которая в общую копилку информации добавила только одну фразу: «Шеф на работе шашни не заводит. Не того мы, деточка, поля ягода». (Аню тронуло это «мы» пожилой женщины пенсионного возраста).

Итак, Игорь Олегович – 37 лет, не женат и никогда не был, про детей тоже никто не слышал. Это хорошо – в семье, какие бы там ни были взаимоотношения, ни Аня, ни Яна никогда не лезли. Образование – высшее техническое. МВТУ им.Баумана – здесь было за что уважать шефа, так же как и за то, что фирму он свою создал сам с нуля. Ну, это ещё предстояло проверить. Мало ли какие подвиги могут поме-

решиться влюбленным женщинам?

Бывшие подруги все как на подбор модельной внешности. Ну, с этим у Янки всё в порядке. Судя по их профессиям: модель, актриса, радиоведущая, модель (глубже Аня копать не стала) – с интеллектом и кругозором дела обстояли не важно. Это для Яны было плюсом: красивая женщина с мозгами явление редкое и запоминающееся.

На данный момент шеф расстался с очередной подружкой и новой, как доносила разведка, пока не обзавёлся. Если ориентироваться на длительность предыдущих перерывов в отношениях в 3-4 месяца, у Ани было пару месяцев на тщательную подготовку «нечаянной» встречи Яны с будущим бой-френдом. Так что это тоже был плюс, даже два плюса.

Расставания с бывшими подружками никогда не проходили гладко (истерика последней Аня видела своими глазами), а, значит, им было чем дорожить. По крайней мере, никакой материальной составляющей в разрыве отношений не было. Инициатором разрыва всегда был Игорь Олегович, щедрые подарки в виде шуб, драгоценностей, машин и даже квартир всегда оставались у подруг. Судя по их истерикам, в сексуальном плане тоже всё было на уровне, а судя по разговорам – так просто супер. Единственное, чего так и никто из них не добился – это штампа в паспорте. Ну, это нам и не нужно. А остальное проверим опытным путём.

По части кулинарных пристрастий и даже парфюма неис-

черпаемым источником информации стала секретарша Мариночка (вообще-то по возрасту Марина Николаевна – тоненькая, вездесущая, небольшого росточка молодящаяся дама предпенсионного возраста). Со скоростью 200 слов в минуту она буквально утопила Аню в информации об «Игорё-ё-ше», и та справедливо заподозрила, что именно Мариночка была автором прозвища шефа. Она же сообщила о магазинах, в которых одевается её любимый начальник, и покупает подарки подругам, о ресторанах, в которых обедает сам или покоряет очередную пассию. Кулинария вполне себе соответствовала вкусам Яны, так что с этой стороны сложностей не ожидалось.

Что касается хобби – здесь оказалось сложнее. Мариночка доподлинно знала об увлечении рыбалкой, а вот информация о любви к опере, балету и классической музыке вызвала у Ани недоверие: скорее всего его походы в театры были больше связаны с желанием пустить пыль в глаза иностранным партнёрам, чем с руководством собственными интересами, поскольку Мариночка затруднилась сказать, ходит ли шеф туда же со своими подругами. Вот здесь для Яны было бы лучше наоборот, поскольку классику она любила, а рыбалку – категорически нет. Оставалось надеяться, что доведение шефа до кондиции влюбленности не потребует от Яны жертвы в виде поездки на рыбалку.

Аня уже неделю сидела дома на больничном: из носа текло, как из прохудившегося шланга, а кашель выворачивал наизнанку не только душу, но и содержимое желудка. Но даже при таком раскладе толком поболеть ей не дали. Не успела главбух укатить со своим мужем в отпуск за границу (а они были страстными любителями-яхтсменами, и уходили целой компанией в кругосветное путешествие по какому-нибудь из морей, причем маршрут готовил муж Маргариты Борисовны, и подготовка эта длилась целый год, и начиналась, как только яхты возвращались из очередного похода), как её заместитель – Галина Ивановна попала в больницу со сломанной ногой. И тут, как назло, на фирму наехала внеочередная аудиторская проверка. Случилось это во вторник, когда из всей бухгалтерии на работе были только бухгалтер Ирочка и кассир Татьяна Ивановна, поскольку жесточайший грипп настиг Аню в субботу, и уже с понедельника она не вышла на работу. В этой ситуации, конечно, больше всего было жалко Ирочку, потому что сказать, что шеф был зол, как чёрт – это не сказать ничего. Так вот и пришлось двум болящим, одной дома, а другой в больнице, заниматься не просто работой, а ещё и не своей работой, и не с 10 до 19, а как получится, то есть весь день, вечер и дальше как сложится.

К концу недели Аня была измотана до предела. И если бы не боязнь подвести хорошего человека – Маргариту Борисовну, конечно, а не «Игорё-ё-шу», она бы уже давно по-

слала всё к чёрту. Но, слава богу, к очередным выходным болезнь хоть чуть-чуть отпустила, по крайней мере, кашель налетал редко, да и не такой сильный, а капель уже хватало для двухчасового дыхания без соплей. Из аудита они, похоже, выбрались с минимальными замечаниями (без них вообще не бывает), осталось доделать заключительный документ и отдать его шефу в понедельник не позднее 12 часов. И тут Аню осенило, что она может поваляться дома ещё пару дней, а не бежать в понедельник на работу с незакрытым больничным, как собиралась, и выпустить, наконец, на сцену Яну!

4

Игорь с нетерпением ждал 12 часов понедельника, чтобы подписать итоговый документ и отправиться, наконец, на долгожданную рыбалку. Его друзья и так перенесли из-за него уже на полторы недели свои отпуска. И больше он не хотел задерживаться в Москве ни на минуту: скорей надо было выпустить весь пар, иначе он взорвётся: неожиданный аудит, бухгалтерия, считай, отсутствует, женщины у него нет уже больше двух месяцев, одна надежда – на рыбалку...

Ровно в полдень Игорь Олегович выскочил из кабинета и накинулся на бедную Мариночку – документов-то ещё не было! Та пыталась вставить в гневную тираду шефа хоть слово о том, что курьер поехал в больницу к Галине Ивановне, а документы обещала привезти сестра Анечки, и они вот-

вот будут, но шеф слушал её в полуха, всё больше распаляясь сам от себя. Но даже у него, наконец, закончился воздух в лёгких, и в образовавшейся паузе неожиданно прозвучал мелодичный женский голос с приятной хрипотцой:

– Я так понимаю, Вы и есть грозный начальник моей сестры?

Грозный начальник развернулся на голос и тут же весь его гнев улетучился, растворившись в бездонных темно-карих глазах незнакомки. В этот момент на этаж выкатился запыхавшийся охранник парковки и с разбегу начал докладывать, что эта девица заблокировала джип шефа своей машиной. Игорь Олегович взглядом остановил служебное рвение своего сотрудника и спросил строгим голосом:

– Вы кто?

– Я – Яна, сестра Ани. Вот Ваши документы, не кипятитесь.

– Вы опоздали, – сказал он, а сам подумал: «Наглая девица, но... чертовски красивая!»

– Я к Вам в курьеры не нанималась. Скажите спасибо, что вообще согласилась!

Игорь сложил руки на груди и прошёлся своим фирменным высокомерным взглядом сверху вниз: от миндалевидных глаз по точёному носу, поперёк соблазнительных губ с чуть припухлой верхней губой, вдоль красивой длинной шеи (о таких говорят – лебединая), не пропустил высокую грудь, сжатую облегающим кожаным пиджачком с кокетли-

во расстёгнутой до середины молнией, мимо тонкой полоски кожи на талии между пиджачком и кожаными же, обтягивающими стройные длинные ножки, брючками. Оканчивались ножки симпатичными кедами, но Игорь прекрасно знал, сколько стоили такие «тапочки» – сам недавно покупал их для теперь уже бывшей подружки Вики. Осмотр его более чем удовлетворил. А сколько ещё оставалось всего неизведанного!

Яна поняла, что произвела должное впечатление, хотя бы по тому, как шеф сглотнул, скользя взглядом по её губам, и непроизвольно задержал дыхание, споткнувшись о полоску кожи на талии. Игорь тоже понял, что она всё поняла, по блеску, промелькнувшему в её глазах, и насмешке, слегка приподнявшей уголки губ. «А у девицы есть характер», – подумал он.

– Ну, благодарности, я вижу, тут не дождешься. Пойду освобождать из плена машину грозного начальника, – и с этими словами Яна удалилась.

Шеф подозвал переминающегося с ноги на ногу охранника и велел задержать машину девушки на сколько возможно, ну, или на крайний случай, записать её номер.

Когда Игорь Олегович через 10 минут спустился к парковке, его джип был уже разблокирован, а незнакомка спокойно докуривала тонкую сигарету, присев на капот своей красной спортивной Ауди. Такая доступность даже слегка разочаровала Игоря, но с другой стороны порадовала – значит, он то-

же зацепил её внимание.

– Приглашаю на ужин в ресторан, ... в качестве благодарности за оказанную услугу, – добавил Игорь после крошечной паузы.

Он подошёл к девушке чуть ближе, чем приличествовал разговор между незнакомыми людьми, но Яна не отодвинулась, а, выдержав чуть затянувшуюся паузу, сказала полутвердительно-полувопросительно:

– Судя по столь стремительному переходу на «ты», ужин должен плавно перетечь в завтрак...

«Ого, кажется, меня поставили на место, но – не отказали», – подумал с невольным восхищением Игорь.

– Ресторан Il Pittore. Куда за тобой заехать?

– Сама найду.

– Жду к семи часам, – припечатал Игорь и, резко развернувшись, зашагал к своей машине.

«Н-да, уважения к женщине ни на грош. Какая самоуверенность! Что ж, тем интереснее игра!», – заключила Яна, провожая задумчивым взглядом отъезжающий джип, в котором ловко управлялся с рулём одной рукой Игорь Олегович, другой поддерживая телефон.

А Игорь в это время уже разговаривал с одним из своих друзей-рыбаков:

– Серёга, слушай, езжайте без меня. Мне ещё на пару деньков тут придётся задержаться.

– Проблемы с проверкой?

– Да возникли тут новые обстоятельства... Я попозже подскочу.

– Ну, давай, ни пуха тебе.

– Ладно, до встречи!

5

От нечего делать Игорь приехал в ресторан заранее, хотя и был уверен, что Яна опоздает, хорошо ещё если на полчаса, а то и на целый час, и поэтому был крайне удивлён, когда девушка появилась минута в минуту, можно сказать, с седьмым ударом часов. Она пришла в ресторан в коротком темно-вишнёвом платье и туфлях на высоких каблуках (хорошо, что не, как их там, лабутенах, что ли – Игорь считал, что они уродуют ноги девушек, делая их похожими на коровьи с копытами), которые звонко цокали по мраморному полу ресторана, и сердце Игоря, кажется, начало биться в ритме её шагов. Когда он встал, чтобы самому пододвинуть ей стул, его обдало тонким ароматом её духов, и он непроизвольно потянулся вслед этому чарующему облаку запаха, что не осталось незамеченным Яной, – «Ага, Belle Cherie как всегда не подвели». А Игорю в это время мучительно захотелось прикоснуться пальцем к нежной коже девушки, просвечивающей через кружевную спинку платья. Он с трудом выравнивал дыхание и, ревниво подумав, что не позволит никому в ресторане пялиться на эту красоту, велел официан-

ту принести ширму и отгородить их столик от посторонних взглядов.

Яна спрятала улыбку за меню, и на несколько минут за их столом воцарилось молчание. Девушка изучала объёмистый фолиант, а Игорь рассматривал то, что было видно из-за него: пушистые слегка волнистые волосы сочного каштанового цвета с проблесками золотых прядей, небольшие бриллиантовые сережки, спускающиеся на тонкой золотой цепочке от нежной мочки уха вдоль всей длины лебединой шеи, тонкие музыкальные пальцы с удлинёнными аккуратными ноготками, покрытыми лаком в тон платья. Кажется, когда она шла к нему, в ложбинке тоже сверкнула разноцветная искорка бриллианта, а вот на пальцах не было ни одного кольца, и Игорь сразу решил, что он обязательно подарит Яне бриллиантовое кольцо в комплект к сережкам и кулону.

– Надо же, – первой нарушила молчание Яна, – у них и Ледяное вино¹ есть в меню и не одно.

– А что – это редкость?

– Я первый раз в ресторане в Москве, где оно есть.

– Никогда не пробовал.

– Да тебе вряд ли и понравится («тебе» было приятной лаской для слуха Игоря). Сладкое женское вино. Мы на него с сестрой подсели в Австрии, а потом всегда, когда бывали за границей, искали. Попробовали и немецкое, хотя откуда в Германии виноградники с морозами не понятно, и швейцарское, и венгерское. А здесь есть какое-то из Канады. Вот на

нём я, пожалуй, и остановлюсь.

– Какой интересный ресторан, – сказала потом Яна, внимательно изучив горячие блюда из рыбы (как ни странно, наш рыбак любил не только ловить рыбу, но и кушать её – по информации Мариночки). – Читаешь, и уже слюнки текут.

И Яна с чувством зачитала: «СУП МОРСКОЙ: рыба волк, золотая рыбка, осьминог, моллюски, мидии, креветка тигровая, сельдерей, лук, морковь, вино белое, чеснок, соус «Пеллатти». – И настолько же вкусно, как красиво написано?

– Даже вкуснее

– Тогда я в замешательстве: хочется и суп попробовать, и угорь, и как они сибас готовят...

– Так в чём проблема – бери всё!

– Я же лопну!

– А по-моему, твоей фигуре ничего не угрожает...

И их разговор плавно потёк по гастрономическому руслу. Яна сочно рассказала о великолепном зелёном супе, который они с сестрой ели в Италии. Когда его принесли в огромной дымящейся кастрюле, из которой торчали красные клешни рака, хвост целой рыбины и много чего ещё по мелочи, а край кастрюли, как ожерельем, был украшен розовыми королевскими креветками, члены их группы никак не решались попробовать это чудо из-за его густого зелёного цвета. А потом вычистили до блеска не только свои тарелки, но и кастрюлю, кусочками хлеба, сначала промокая ими суп, а потом опуская в ароматную оливковую заправку с чесночком и

ещё какими-то специями. Морской суп ресторана Яне очень понравился, хотя и был совсем другого вкуса, чем тот, итальянский.

Сибас обоих привёл в восторг, и они дружно поставили его на первое место, сместив чемпиона из маленького рыбного ресторанчика рядом с собором Дуомо в Милане у Яны, а у Игоря из мишленовского ресторана в Португалии.

Угорь разочаровал как по вкусу, так и внешнему виду, особенно, когда Яна показала Игорю фотографию шикарного блюда с угрём, которое они ели с сестрой всё в той же Италии. Это было настоящее произведение искусства, пусть и кулинарного, но достойного кисти художника, специализирующегося на натюрмортах.

На 36 видов десерта элементарно не хватило места.

Странный это был вечер. Яна вела себя свободно и раскрепощено, как будто была сто лет знакома с Игорем. Он расслабился, от сексуального напряжения, зажавшего его в тиски в начале вечера при появлении Яны, не осталось и следа. Но зато он ощутил какой-то покой в душе, граничащий со счастьем, много шутил – и они вместе весело хохотали. И весь напряг последних месяцев куда-то растворился без остатка. А когда принесли рыбу и они начали кормить друга друга маленькими кусочками, градус сексуальности опять взлетел до небес, как самолёт с вертикальным взлётом с палубы эсминца. Так весь вечер, как на качелях, и летало настроение Игоря: от любовного напряжения к умиротворённой расслабленности и обратно. Последней каплей его тер-

пения был медленный танец, во время которого он, наконец, смог дотронуться до обнаженной кожи девушки через изящное кружево.

– К тебе или ко мне? – хрипло спросил он, приблизив свои губы к её маленькому ушку.

– Лучше на нейтральной территории...

Поняв, что если они сейчас же не уйдут из ресторана, он просто не сможет остановиться и овладеет девушкой прямо на середине танцпола, Игорь резко развернулся и потащил Яну за собой, крепко схватив за руку.

Какое всё-таки благо быть постоянным клиентом ресторана и гостиницы при нём – иначе можно было бы опозориться на глазах у всех!

¹ – Ледяное вино (фр. *Vin de glace*, итал. *Vino di ghiaccio*, англ. *Ice wine*, нем. *Eiswein*) – тип десертного вина, изготовляемое из винограда, замороженного на лозе. Лишь виноград, замороженный исключительно естественным путём (прибитый морозом -7° – -8° С), может называться «ледяное вино». Ледяное вино имеет средний уровень алкоголя (9-12 %), значительное содержание сахара (от 150 до 350 г/л) и высокую кислотность (10-14 г/л).

Из-за трудоёмкого и рискованного процесса производства с крайне малым выходом готовой продукции ледяное вино значительно дороже столового (*из Википедии*)

На следующее утро Игорь проснулся в абсолютно благостном состоянии, по-другому никак и не скажешь. Нет, можно ещё, конечно, сказать и так: проснулся котом, объевшимся накануне сметаной. Он растянулся на широкой двуспальной кровати, заложив руки за голову, и категорически не хотел открывать глаза, чтобы продлить ещё хоть чуточку это неведомое состояние блаженства от прошедшей ночи, из-за которого, в противовес стоящей вокруг тишине, хотелось кричать, смеяться и двигать горы.

Так, стоп, – тишина... Почему тишина? Яны рядом не было, а, значит, она могла быть только в душе. Но льющейся воды было не слышно... Игорь пружинисто вскочил с кровати и, всё ещё надеясь на чудо, заглянул в ванную комнату. Чуда не произошло. А когда вернулся в комнату, увидел, наконец, металлическую крышку, которой обычно в гостиницах накрывают еду. Ага, такое у него уже было – под крышкой должна была обнаружиться визитка с телефоном, но... там был только его любимый завтрак – оладушки со сметаной, уже остывший, и записка: «С добрым утром! Приятного аппетита!». Ни телефона, ни адреса, ни места и времени следующего свидания в записке не было. Такого в его практике ещё не было. «Что ж, – решил через короткое время размышлений Игорь, – девочка, очевидно, любит игру в кошки-мышки, только сделала очередной ход первой». Ему это не очень понравилось, поскольку он любил сам контро-

лиловать ход событий, но, может быть, так даже интересней. Крепкий ему, видимо, попался орешек. Он сам первым собирался слинять на рыбалку, через пару-тройку знойных ночей, чтобы, так сказать, подогрев градус отношений дать им настояться, наполниться до краёв неудовлетворённым отложенным желанием, чтобы сорвало крышку и неудержимо вытекло наружу...

Ну, и ничего страшного! Наверстаем эти ночи потом, после его возвращения. Но как-то ехать на любимую рыбалку уже почти не хотелось. А хотелось немедленно броситься в погоню. Но Игорь взял себя в руки, расплатился по счетам в гостинице и ресторане, заехал на работу, чтобы дать поручение начальнику охраны пробить записанные охранником парковки номера красной спортивной машины, вскочил в свой джип, в котором вот уже почти две недели томились в багажнике в ожидании рыбалки рюкзак и рыболовные снасти, и погнал по направлению к Астрахани, догонять свою рыбацкую компанию.

Как он ни отгонял от себя мысли о Яне, но волей-неволей, всё равно к ней возвращался. Странная всё-таки девушка. В офисе при первой встрече вела себя как обычная капризная модель (таких много было в «послужном» списке Игоря к 37 годам, так что опыт имелся). В ресторане – как давняя подруга, приятель, с которым есть о чём поболтать, приятно и легко провести время, отдохнув душой, но не телом. А в гостинице – как неуправляемая тигрица. Первый секс был

таким бурным и коротким, что они даже не успели толком раздеться, а сразу после него оба почти потеряли сознание. Зато второй был томительно-нежным и, похоже, это тоже отвечало интересам обоих. Потом... потом Игорь помнил не очень отчётливо, потому что ему казалось, что они вообще не рассоединялись, вместе, синхронно, выплывали из сладкого сна, любили друг друга, и также одновременно проваливались обратно в сновидения. Или это и были сновидения?

Подобные мысли, конечно, не способствовали спокойному управлению машиной, приходилось останавливаться, курить, пытаясь успокоить расшалившееся сердце и поднявшееся желание. Или он вдруг ловил себя на мысли, что строит совместные с Яной планы: куда пойти, что купить в подарок, куда поехать на отдых. Так можно допланировать и до детей, прошибло его вдруг холодным потом. Таким образом, к моменту, когда он въехал на базу, где расположились его друзья, Игорь чувствовал себя разбитым, так что рыбалка не задалась с самого начала. Рыба упорно не шла на его крючок или срывалась с него, извиваясь блестящей чешуёй гибкого тела, издевательски махала напоследок ему хвостом и уплывала восвояси. «Как Яна», – обречённо думал Игорь и вёл обратный отсчёт дням, когда можно будет вернуться в Москву и начать поиски беглянки.

Почему-то узнать координаты Яны у своей сотрудницы, серой мышки Ани – её сестры, ему ни разу не пришло в голову...

С каждым километром, который приближал его к Москве, настроение Игоря улучшалось. Он гнал машину на пределе возможного и уже на середине пути далеко оторвался от своих друзей. Утром сразу же поскакал на работу в надежде уже иметь на руках необходимые сведения о Яне: фамилию, телефон, адрес и так далее, всё то, что так и не удосужился узнать в первый день их знакомства.

Но здесь его ждало разочарование: машина была зарегистрирована на некоего Шевчука Сергея Даниловича. Все сведения, которые содержались в паспорте этого гражданина начальник охраны добыл, но какое он имел отношение к Яне было не понятно. В отличие от Игоря Олеговича, начальник охраны сразу подумал о тех сведениях, которые можно получить от Ани, но без разрешения шефа делать этого не стал (связи с шефом на рыбалке не было). По возрасту, указанному в паспорте, Шевчук С.Д. годился девушкам в отцы или деды, и с отчеством Ани – Сергеевна, это предположение совпадало. Но фамилия-то у неё была не Шевчук, и в анкете, которую она заполняла при приёме на работу, значилось, что замужем она не была, и девичья и сегодняшняя фамилии совпадали. А Сергеевна – что ж, мало ли в России Сергеев! И у Игоря противно засосало под ложечкой, кто он Яне, С.Д. – ухаждёр? отчим? или всё-таки, отец?

Дальше было ещё интересней – оказывается, Шевчук имеет двойное гражданство, практически безвылазно живёт в Италии (вот первое совпадение с тем, о чём говорила Яна – Италию она упоминала чаще всего), хотя и имеет в России свой бизнес в Москве и Санкт-Петербурге: торгует современной живописью. И, наконец-то, первая ниточка: адрес картинной галереи-бутика в Москве. Правда, в перечне сотрудников галереи не было ни Аниной фамилии, ни Шевчук, но надо же было с чего-то начать! Что ж, значит, очередным иностранным партнёрам придётся наслаждаться современным искусством вместо беспроектной классики.

Аня, конечно, была в курсе изысканий начальника охраны и Игоря Олеговича. И это было очень приятно – значит, Яна зацепила внимание шефа. Так что, когда Мариночке было поручено организовать экскурсию в галерею современной живописи, она услышала, что единственным днём в период пребывания делегации французов в Москве для посещения галереи является суббота, поскольку только в этот день у них возможны экскурсии на французском языке. Ну, что ж, суббота, так суббота! Игорь Олегович был готов пожертвовать традиционным походом в баню ради возможности отыскать Яну.

8

А в галерее Игорю Олеговича сказочно повезло. Когда он

вместе с тремя худосочными французами вошёл в галерею, милая девушка-администратор, попросив их подождать одну минутку, куда-то позвонила, очевидно, вызывая на вход экскурсовода, и вскоре к ним вышла... Яна собственной персоной! Только это уже был четвёртый облик девушки: доброжелательно-отстранённый профессионал в строгом деловом костюме с макияжем без намёка на сексуальность. Единственное, чему Яна не изменила в своём облике – это духи. Всё тот же зовущий запах заставлял Игоря непроизвольно принюхиваться, ощущая себя собачкой, которую приманивают сахарной косточкой.

Яна дежурно улыбнулась и начала экскурсию на беглом французском языке, который Игорь ни черта не понимал. Французы заметили, что их партнёру стало скучно (на самом деле партнёр наливался нетерпением – когда же можно будет уже отправить французов в гостиницу, а самому подступиться к Яне?!) и предложили перейти на английский, чтобы все понимали «такой живой и удивительно интересный рассказ» гида. Но Игорь быстро сообразил, что он может и при французах разговаривать с Яной на русском под видом вопросов о живописи, и быстренько отказался. И, делая вид, что задаёт вопрос об очередном «шедевре», спросил первое, что его волновало:

– Почему ты сбежала?

Яна ответила невозмутимо, как будто продолжала экскурсию:

– Мне надо было на работу, а ты так сладко спал, что не захотелось тебя будить.

И дальше опять на французском...

– Могла оставить хотя бы свой телефон

– Но ты у меня его не спрашивал.

И опять на французском...

– Как ты помнишь, нам было некогда, – почти пропел Игорь, стараясь вложить максимум многозначительности в свой голос.

Но Яна и бровью не повела, продолжая с улыбкой что-то рассказывать французам.

– Кто такой Шевчук?

– Шевчук? – встрепнулись французы и Яна, укоризненно взглянув на Игоря, что-то прошебетала им на их родном языке, а Игорю буквально прошипела:

– Тебе это знать не обязательно

«Всё равно узнаю», – надулся Игорь. Он не собирался ни с кем делить то, что уже считал своим, касалось ли это деловых вопросов или человека.

Экскурсия между тем подошла к концу, жадные французы ничего, конечно, не купили, а Игорь отметил себе не забыть поручить Мариночке купить в галерее самую дорогую картину. Выпроводил французозв за дверь, а сам, развернувшись и не обращая внимания на девушку-администратора, взял Яну за руку, чтобы та опять не убежала и в лоб спросил:

– Во сколько ты освобождаешься сегодня?

Яне не понравилось такое бесцеремонное обращение с собой на глазах у сотрудницы, но вынуждена была ответить:

– В семь.

– Я за тобой заеду.

– Зачем?

– Пойдём в ресторан.

– Я сама приеду.

– Я за тобой заеду, – придав голосу железобетонную твёрдость, повторил Игорь. – И не вздумай сбежать, – добавил он шёпотом едва слышно.

«А никто и не собирался!» – весело подумала Яна.

9

Игорь решил не менять ресторан, коль уж им понравилось меню и у них так всё удачно там сложилось. В конце концов, их ждали 36 видов о-о-очень соблазнительных на вид десертов. Ну, и наличие гостиницы над рестораном также было приятным и вполне существенным бонусом.

Яна всё-таки успела переодеться из своего строгого костюма в очаровательное платье в пол с молнией на спинке через всю его длину. Игорь заметил это уже в ресторане, галантно усаживая её на стул, и руки сами тут же потянулись её расстегнуть, но... увы и ах, пока этому было не время и не место. Поэтому он только позволил себе погладить нежную кожу девушки своими большими пальцами, положив ру-

ки ей на плечи, и прикоснуться лёгким поцелуем к тому месту шеи, где начинались волосы. Яна заколола все свои пушистые волосы вверх, и эта какая-то детская беззащитность тонкой девичьей шеи тронула Игоря до глубины души.

Девушка, к сожалению, не одела сегодня свои бриллиантовые украшения, а подобрала к насыщенному фиолетовому цвету платья более светлые по тону аметисты. Но Игорь всё равно незаметно поставил коробочку с бриллиантовым кольцом на середину стола, пока Яна с сосредоточенным видом изучала меню, что, впрочем, его совсем не обмануло: он прекрасно осознал, как выбил девушку из колеи своей мимолётной лаской, – не всё же только ему одному должно доставаться...

Наконец, Яна отложила в сторону меню и увидела подарок, но не спешила хватать его и хлопать в ладоши, как это частенько бывало с другими.

– Примерь, угадал я с размером? – первым не выдержал Игорь.

Яна со спокойным достоинством открыла бархатную коробочку и примерила кольцо, которое оказалось ей впору.

– Должна тебя предупредить, что я не умею выражать восторг и благодарность, – более хриплым, чем обычно, голосом сказала она.

– Достаточно сказать, что оно тебе нравится, – ответил Игорь, которому эта дополнительная хрипотца, сказала больше, чем театральные рукоплескания.

– Очень нравится... А картину тоже ты купил?

– Да, – кивнул головой Игорь, решив не отпираться.

– А вот это уже было лишним. Ты же ничего не понимаешь в современном искусстве.

– Это так очевидно?

– Абсолютно!

– Но у меня теперь есть один знакомый эксперт, который о нём всё расскажет и посоветует, на какой стене в доме лучше повесить картину, не так ли?

– Кто же это? – и Яна скорчила рожицу и картинно захлопала ресницами, после чего они дружно расхохотались.

– Только не сегодня, – добавила девушка, когда они отсмеялись.

– Но мы же не позволим картине отчаяться в ожидании? – решил перевести разговор в шутку Игорь.

– Нет-нет, мы не такие злыдни, – поддержала шуточный тон Яна.

– И ты утром не сбежишь? – решил брать быка за рога мужчина.

– Давай компромисс: я уйду, но дам тебе свой номер телефона?

– Этого мало.

– Адрес в интернете?

– Теплее, но всё равно не годится. На следующей неделе выходные проведём у меня дома.

– Нет, не пойдёт. Это же за городом?

– Ну и что, что за городом?

– А как же я тогда сбегу? Придётся ехать на своей машине.

– Зачем? Я встану рано-рано в понедельник и отвезу тебя на работу.

«Ещё чего не хватало!», – испугалась Яна и чтобы не нарваться на новые неприемлемые условия решила уступить:

– Хорошо, следующие выходные у тебя, только я буду на своей машине и уеду сама.

– А мой номер телефона тебя интересует?

– Игорь, не обижайся, но я мужчинам только перезваниваю...

10

«Странно, – рассуждал Игорь, направляясь вечером в очередную пятницу к себе за город и периодически посматривая в зеркало заднего вида на следующую за ним Яну на своей красной спортивной машине, – от предыдущих отбивался, чтобы не лезли ко мне домой, а здесь счастлив, что затащил. Что же такого происходит с ней будни, что не удаётся уговорить встретиться? Зачем обязательно убегать утром?»

Он всё-таки рискнул заехать к ней как-то на неделе в галерею – очень соскучился, но нарвался на неожиданную информацию, что Яна бывает в галерее только по субботам, и то не каждую неделю. А в обозримом будущем и вообще не появится, поскольку он не собирался отпускать её от себя.

Странно, обычно ему хватало 2-3 месяцев общения, чтобы первые порывы страсти улеглись, дальше всё становилось ясным, как день, и через полгода он, как правило, уже искал способа избавиться от надоевших отношений. С Яной же так не получалось. Чем дальше, тем чаще ему хотелось быть с ней. Может виной тому встречи только на три ночи и два дня по выходным? Но с прежними пассиями он встречался не чаще, если не реже. И нельзя сказать, что у них с Яной был такой уж разнообразный секс. Она сама была каждый раз разной. С ней он не успевал задумываться над разнообразием поз, всё происходило так естественно, на таком накале чувств и сил, что утром в понедельник ему казалось, что он просто не выползет из кровати самостоятельно (права была Яна, что настояла на своём самостоятельном раннем отъезде), поэтому первый рабочий день недели, как правило, проходил в анабиозе. А с ночи на вторник он уже начинал по ней скучать. И дело было не только в сексе. Элементарно не хватало простого человеческого общения, голоса, взгляда, смеха.

Телефон не спасал. Кстати, с ним тоже была связана странность. На дневные звонки Яна никогда не отвечала сразу, и лишь через некоторое время перезванивала сама (стала понятна её фраза в ресторане три месяца назад, когда он её нашёл после первого расставания). Голос был каким-то странным, как из бочки, и всегда быстренько, будто на бегу. И тогда он приспособился звонить по вечерам. Здесь Яна

поднимала трубку почти сразу, как будто ждала его звонка, что очень грело ему душу. Опять же разрешилась проблема с ревностью, которая душила его весь первый месяц их отношений: где она, чёрт побери, днем? С кем? Почему, ну почему, не хочет встретиться? Сходить элементарно хотя бы в кино вместе? А с вечерними разговорами, плавно перетекающими в ночь, ревность утихла. Значит, у неё, действительно, никого не было, кроме него.

Эти же вечерние разговоры подсказали идею купить или снять квартиру в городе, и вечера и ночи будней проводить вместе. От этого уже был всего один шаг до предложения выйти замуж, что в случае с Яной его почему-то почти не пугало. Она же категорически отказалась от идеи совместного проживания. Они даже впервые поссорились. У Игоря разыграло мужское самолюбие, он обиделся, и они не общались целую неделю. И когда он уже совсем готов был сдаться, Яна сама сделала первый шаг к примирению, приехав в субботу утром к нему домой. В первую минуту Игорь опешил, решив, что у него галлюцинации после бессонной ночи, а потом молча обнял её, и они пошли в дом, а после утоления первого порыва страсти проговорили почти всю оставшуюся ночь, как будто расставались не на неделю, а на целый год. Инцидент был исчерпан. И Игорь почти смирился с ритмом их общения.

А недавно у него возникла новая идея: Яна же обожает путешествовать! А ему уже давно надо было смотаться во

Францию. Уже и так целый месяц промурыжил своих французских партнёров. Так вот, они могут поехать вместе! Ну, какая женщина сможет отказаться от поездки в Париж? Но Яна не дала Игорю возможности договорить свою идею, сказав, что ей тоже надо уехать по делам галереи в Италию, и они могут согласовать свои отъезды так, чтобы вместе улететь, и вместе вернуться.

– А нельзя разве согласовать так, чтобы вместе побыть в Париже, а потом вместе полететь в Италию? – начиная закипать, предложил Игорь. – Яна, серьёзно, когда это всё закончится?

Яна сжалась от боли и хрипло проговорила:

– Как только ты скажешь. Я не буду устраивать истерики. Просто исчезну из твоей жизни.

– Ты о чём? – растерялся Игорь.

– Ты же сам сейчас сказал, что хочешь всё закончить...

– Я хочу, чтобы ты закончила свой бесконечный бег от меня. Я уже не знаю, что о тебе и думать. Ты то, как будто, под кожу мне забираешься, то так бесконечно далеко. Доверься мне, наконец, любимая...

На слове «любимая» Яну прорвало. Они ещё ни разу не говорили между собой о любви, и то, как Игорь назвал её, да ещё таким нежным голосом, выбило девушку из колеи. Она разрыдалась, кинулась в ванную и там закрылась. Что же это такое, что с Яной?

Яна уже давно находилась на грани нервного срыва. Та игра, которую она затеяла, обернулась против неё же самой. Она предполагала лёгкий флирт со своей стороны и некую влюблённость со стороны Игоря, с расчётом бросить его первой на пике этой влюблённости. Просто чтобы немного прочувствовать этого зарвавшегося самоуверенного нахала. Почти с самого начала всё пошло не так. С каждым общением она открывала в нём всё новые и новые стороны его личности, и это было так увлекательно, что она сама не заметила, как влюбилась. И это было ещё не самым страшным! Ну, расстались бы они с ним, она заползла бы в свою норкулизывать раны, а он пошёл бы своим путём лёгких необязательных отношений. Но он, похоже, тоже влюбился. И, значит, она причинит боль их расставанием не только себе, но и ему. Да и не было у неё сил расстаться с ним добровольно. Как же ей распутать клубок лжи, которую она наворотила? И Яна зарыдала ещё горше. «Ну, вот, обещала не устраивать истерику, а сама рыдаю в три ручья. Он же, бедненький, вообще не понимает, что происходит. Всё-таки надо уговорить его на это недельное расставание. Он немного отвлечётся, а я соберусь с духом посоветоваться с папой».

Игорь тоже за это время бесцельного брожения около двери ванной, где рыдала Яна, пришёл к выводу, что не будет давить на неё с поездкой. Может эта неделя расставания что-нибудь сдвинет в их отношениях хоть в какую-нибудь сторону? Да и как тут давить, когда любимая вышла с опухшим по-

красневшим лицом, больше похожая на маленькую обиженную девочку, чем на самоуверенную девицу, какой он увидел её в первый день знакомства, от чего сердце его стянуло горячим обручем боли. Он молча поднял девушку на руки, отнёс в спальню, и там баюкал её пока она не заснула. И эта была их первая совместная ночь, проведённая без секса.

11

А на следующей неделе оба улетали из Шереметьево примерно в одно и то же время: он – в Париж, она – в Рим. Всю неделю не общались друг с другом. Только накануне вылета состыковались по электронной почте и договорились вместе поехать на такси в аэропорт. В машине висела гнетущая тишина. Яна из последних сил сдерживалась, чтобы не разрыдаться, обижалась на Игоря, что он отвернулся от неё и смотрит в окно. Даже за руку не взял. Не обнял при встрече. А Игорь боялся не то, чтобы дотронуться до Яны, но даже взглянуть на неё... Чтобы не послать всё к чёрту: партнёров, работу, свою гордость и умолять любимую хотя бы оставить всё как есть с её непонятными дневными делами, скрытностью, редкими встречами... Но маленькая толика надежды, что всё может измениться кардинальным образом в лучшую сторону сдерживала его. И надежда эта питалась обещанием Яны всё рассказать после возвращения из Италии. Хотя он и не был до конца уверен – давала ли она такое обещание

и не было ли это грёзой на границе сна и яви утром после того дня, когда у неё была истерика. Когда он окончательно очнулся после той практически бессонной ночи, Яны уже рядом не было, но он явственно помнил, как она погладила его по волосам и сказала: «Я всё расскажу тебе после возвращения, любимый. И будь, что будет». Впервые назвав любимым. Утром он был уверен, что это было наяву. К вечеру его уже начали одолевать сомнения. Но позвонить и уточнить он не решился. Куда делся тот самоуверенный самец, каким он был всего 3 месяца назад? Хочет ли он его возвращения? Вопросы, вопросы...

12

Париж, действительно, пошёл Игорю на пользу. Во-первых, он успокоился и, чтобы отвлечься, с новыми силами вгрызся в работу. Во-вторых, с кокетством парижанок, не пропускающих взглядом высокого красивого русского, к нему вернулась самоуверенность. В-третьих, он решил, что предложение руки и сердца Яне снимет все непонятки в их взаимоотношениях. И даже купил зашибись какое красивое и дорогое кольцо на помолвку. В-четвертых, отойдя от любимой во времени и пространстве, он уверился, что не только *он* любит её, но и *она* его тоже, а остальное всё не важно. Всё в жизни преодолимо, кроме смерти...

Миссия его в Париже подходила к концу. Поработали

они с французами плодотворно. Осталось пережить «шикарный» сюрприз, который устроили ему партнёры по бизнесу: памятуя сколько раз он водил их на разные оперы-балеты в Москве, они решили масштабом своего сюрприза перекрыть все его вместе взятые. И пригласили Игоря на «Дона Карлоса» в Венскую оперу с «вашей примадонной» Мариной Мещеряковой в роли Елизаветы. Мало того, что надо было лететь в Вену, а потом возвращаться обратно, так ещё и вытерпеть оперу, жанр, который Игорь считал скучнейшим из искусств. Но деваться было не куда. Пришлось лететь. Но зато Игорь дал себе слово, что теперь он будет водить партнёров на то, что интересно ему, во избежание в дальнейшем, так сказать, подобных недоразумений.

В ложе Игорь расположился так, чтобы можно было незаметно прикорнуть, когда погаснет свет в зале и начнётся действие, а пока развлекал себя рассматриванием дам в бинокль. Впрочем, это ему быстро надоело. Австрийки были ещё менее привлекательны, чем француженки, мнение о блеске и шарме которых были сильно преувеличены с его точки зрения. Какие-то они все были небрежные, что в одежде, что в причёсках, неухоженные что ли. И одевались наши женщины не в пример лучше, ярче. А уж про выражения лиц и говорить нечего. Какие-то иностранки были все как в масках, выражающих плоскую театральную доброжелательность. То ли дело наши, русские женщины, с их открытыми, яркими эмоциями. Впрочем, вот, кажется, его объектив вы-

хватил из ложи на противоположном конце зала вполне себе симпатичное лицо. Ну-ка, подкрутим резкость...

И тут сердце Игоря остановилось – в ложе напротив сидела Яна. Это её пышные волнистые волосы, это её точёный нежный профиль, это её музыкальные пальцы переворачивают странички оперного либретто. Сердце застучало в удвоенном ритме: Яна в Риме, Яна в Риме. А трезвый разум возражал: ты тоже должен быть в Париже, а не в Вене. А с кем это она в ложе? К кому она развернулась и что-то говорит? И хотя разглядеть в глубине ложи человека было достаточно сложно, Игорь всё-таки был уверен, что это мужчина, и довольно пожилой. Может быть, в нём и кроется разгадка её поведения? Игорь решительно выскочил из кресла, чтобы рвануть к Яне и разрубить одним махом этот гордиев узел, но в этот момент в зале погас свет, а выскочив в коридор, понял, что свет погасили и здесь тоже. Пришлось ему возвращаться обратно. Всё действие Игорь высчитывал ложу, в которой сидела Яна, чтобы не упустить её в антракте и не сводил направленного на неё бинокля. Девушка как будто чувствовала, что кто-то упорно смотрит на неё и несколько раз оборачивалась, но в темноте огромного зала разглядеть ничего было нельзя. А Игорь застыл от холодной ярости, но мозг его работал чётко. Он точно рассчитал, когда надо было выйти из своей ложи, чтобы не упустить Яну.

В шуме выходящих из своих лож зрителей, обменивающихся впечатлениями от увиденного и услышанного, для де-

вушки было полной неожиданностью, когда чья-то жёсткая рука схватила её сзади за локоть и развернула на 180 градусов. Имя «Яна» уже готово было сорваться с уст Игоря, когда его взгляд столкнулся с голубыми глазами Ани. («Почему голубые глаза? У Яны же карие», – впал в ступор Игорь, ещё сильнее сжимая ей руку.)

– Игорь Олегович?! – растерянно произнесла Аня («Как он здесь оказался? Он же должен быть в Париже?!»)

Пожилой мужчина, который вышел первым из ложи, обернулся на голос девушки и, нахмурившись, стал пробираться обратно.

– Папа, это мой начальник, Игорь Олегович. Игорь Олегович, это мой папа – Сергей Данилович.

– Очень приятно, – сказал низкий мужской голос и отодрал руку Игоря от локтя Ани для рукопожатия («Это Аня, а не Яна, – как-то с задержкой подумал Игорь и вспомнил, как ему впервые представилась Яна: «Я – Яна, сестра Ани»).

Потом они о чём-то говорили с Сергеем Даниловичем («Всё-таки Шевчук С.Д. – это их отец, одной загадкой меньше») и Игорю всё время почему-то казалось, что во взгляде пожилого человека, обращенного на него, проскакивает какая-то жалость. А сам Игорь невольно нет-нет, да и посматривал на Аню, которая не принимала участие в разговоре, а смиренно держалась чуть сбоку. Теперь Игорь уже и сам видел различия во внешности сестёр. Помимо цвета глаз, отличался и цвет волос – у Ани они были заметно светлее, без

золотых прядей, как у Яны, которые так красиво блестели на солнце. Пахло от Ани приятно, но не так завораживающе, как от Яны. И кожа у Ани была светлее, вернее, бледнее, а лицо худее. Пожалуй, нос и губы были очень похожи и весь её облик был какой-то более утончённый, что ли. Но подвижное лицо Яны всё равно нравилось Игорю куда больше. И вообще, если их поставить рядом, Яна была куда красивее Ани, роднее. К Ане он никогда бы и не подумал подойти познакомиться. Было заранее понятно, что это довольно скучно. Такие, как Аня, предназначены, чтобы стать верными жёнами, варить борщи и растить детей, но заечь мужчину, вывернуть ему душу наизнанку под силу было только таким, как Яна. Но и из Яны со временем получится верная жена и хорошая мать для их детей. Игорь не сомневался, что уж кому-кому, а ему это под силу.

13

Через 2 дня Игорь вернулся в Москву. Яна должна была вернуться ещё раньше, и Игорь надеялся, что она встретит его в аэропорту. Но Яны не было. Плохой знак. Но Игорь убедил себя, что она ждёт его дома. Надежды на это рухнули, когда за открывшимися воротами не обнаружилась её ярко-красная машина. А на его звонки отвечал равнодушный механический голос: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Примчавшись на следующий день на работу, Игорь с удивлением узнал, что Аня уволилась пару недель назад. Странно, что при встрече в Вене разговора об этом не было. Хорошо ещё, что запасливый Владлен Иванович сделал копии Аниных документов, откуда Игорь выписал адрес прописки. Даже если она ещё не вернулась из Вены – всё равно больше обращаться было некуда. В галерее Яна больше не появлялась, он проверил.

Приехав по адресу, указанному в паспорте, Игорь оказался перед высотным зданием с внушительной охраной. Когда начал задавать вопросы об Ане в ответ услышал вежливое, но холодное:

- Представьтесь, пожалуйста.
- Городецкий Игорь Олегович.
- Предъявите документы, пожалуйста.

Игорь и так был на взводе, а тут просто пар из ушей пошёл, но делать нечего, приходилось терпеть. Может быть, он сейчас увидит Аню и узнает что-нибудь о Яне? А вдруг случится чудо, и он увидит саму Яну? Но после внимательной проверки паспорта охранник наклонился к столику, выдвинул ящик и достал оттуда письмо на его имя. Игорь судорожно вскрыл конверт и застыл над его содержимым. Видя, как трясутся руки сильного молодого мужчины, охранник пожался и сказал:

– Уехала она. Сказала, что раньше, чем через год, не вернётся.

Игорь ошарашено посмотрел на него и пошёл к своей машине. А там развернул письмо и ещё несколько раз прочитал три короткие фразы, которые никак не мог уложить у себя в мозгу: «Игра затянулась. Я проиграла. Прости, но я так больше не могу» и подпись: «Аня». А ещё в конверте была пара контактных линз карего цвета...

Взяв билеты на ближайший рейс до Рима с открытой обратной датой, Игорь вылетел к отцу Ани, Шевчуку Сергею Даниловичу. Его адрес он получил в галерее, наехав с такой яростью на бедную милую администраторшу, что потом даже самому стало стыдно. Но он извинится перед ней потом. Потом, когда до конца разберётся в ситуации, в «игре», как написала в письме Аня. В галерее, кстати, подтвердили, что никакой Яны не существует. У их хозяина только одна дочь – Аня, и они просто ей подыгрывали. Но у Игоря образы Яны и Ани никак не желали сливаться в один, даже после той встречи в Вене, где Аня предстала перед ним отнюдь не серой мышкой.

14

– Проходите, молодой человек, – Сергей Данилович встретил Игоря так, как будто они договаривались о встрече. Игорь молча последовал за пожилым человеком вглубь дома. Проживал отец Ани в небольшом с виду домике, приле-

пившемся к горе, откуда открывался чудесный вид на море и песчаный пляж бухточки городка, а по нашим меркам – посёлка, с поэтичным названием Позитано. Впрочем, внешние размеры дома были обманчивы, поскольку внутри располагалось несколько комнат, большая музыкальная зала, светлая столовая с современной кухней, а широкая открытая терраса опоясывала ту часть дома, которая не соприкасалась с горой. Более чем достаточно для одного человека. И виды прекрасные. Но Игорю сейчас было не до видов.

В уютном и достаточно просторном кабинете хозяина дома, куда тот проводил гостя, две стены были заняты библиотекой с книгами, а на двух красовались картины старинных мастеров. «Сам старину собирает, а нам современную мазню продаёт», – подумал Игорь неприязненно (сколько Яна, извините, Аня, не пыталась приобщить его к современной живописи, ничего у неё не вышло. Русские художники-реалисты, больше знакомые по фантикам конфет, чем по картинным галереям, так и остались у него в приоритете). Но сейчас опять же было не до этого. Весь полёт и поездку по серпантину на такси Игорь раздумывал, как начать разговор. Рассказывать историю отношений с Яной-Аней не хотелось, это было что-то сокровенное, личное, только между ними двумя (или тремя? как правильно считать?). Так он ничего и не придумал. Но Сергей Данилович помог ему, начав сам: – Аня мне всё о Вас рассказала. Садитесь, молодой человек. История длинная...

Мы с Дашей, женой моей, жили душа в душу, но детей у нас долго не было, не получалось почему-то. Так что, когда Дашенька забеременела, счастьем нашего не было предела. А уж потом, когда сказали, что будет двойня, девочки, – и тем более. (Игорь дёрнулся, когда Сергей Данилович сказал о двух девочках – значит, их всё-таки двое?!, но тот жестом остановил его порыв и продолжил рассказ). Последний месяц перед родами Дашу забрали в роддом на сохранение в палату со смешным названием «Старородящие». Рожала она трудно, давление зашкаливало. Ещё первую девочку кое-как смогла родить, а вторая малышка никак не выходила, застряв ножками. Решили делать кесарево. Малышка вся была обвита пуповиной и не дышала. Пока с ней возились – упустили Дашу. У неё прямо на столе случился инсульт. И малышку не спасли, и Дашу потеряли. Так мы и остались с Анечкой вдвоём. Мы с Дашей имена девочкам придумали сразу, как только узнали по УЗИ, что у нас будут две девочки. Договорились, что первую назовём Аней, а кто второй на свет выйдет – Яной. Забавно нам так показалось...

Да, если бы не Анечка, меня бы уже и на свете не было. А тут волей-неволей приходилось жить, работать, чтобы обеспечить малышку. Я очень долго не замечал в ослеплённости своей родительской любви, что с Аней что-то не так. Растёт нормально, развивается тоже, даже с опережением своего возраста, болеет редко, не капризная, общительная, весёлая... В школу пошла в шесть лет. И тут вызывает меня на разговор её учительница, заводит в класс, сажает за Анину парту и с места в карьер говорит: «Что же это Вы, папаша, самодеятельностью занимаетесь? Одну дочку в школу водите, а вторая у Вас дома сидит? Или она у Вас инвалид?» Меня как обухом по голове ударили. «Нет, – говорю я, – у меня второй дочки, умерла она при родах вместе с женой». «А кто же такая Яна?»

Как Аня почувствовала, что была у неё сестра, как имя узнала – никто из тех многочисленных врачей, у которых мы с ней потом консультировались, так объяснить мне и не смог. А диагноз поставили: раздвоение личности².

Целый год Аня провела в специальном детском учреждении и вроде бы даже вылечилась. По крайней мере, превращения в Яну не наблюдались, идентифицировала она себя, как Аня, ежедневно и без временных пробелов. И когда она, серьёзно так, попросила забрать её домой, и я кинулся с этой просьбой к главврачу, тот без колебаний нас отпустил. А уже вне стен своего кабинета, на улице, когда нас провожал, ска-

зал мне, что большего родная медицина сделать всё равно не сможет. Надо просто побольше положительных эмоций, свежего воздуха, лучше морского, солнца, и лучше всего для этого подойдёт Италия.

Так у меня появилась цель. Как мы с Аней к ней шли – рассказывать не буду, сейчас это не важно. Но к окончанию Аней школы цель была достигнута. И мы летом поехали по Италии, нашли этот симпатичный городок, оба влюбились в него и так здесь и остались. А через год Аня затосковала по России и уговорила меня отпустить её учиться в Москву. Одну. Я был уверен, что она пойдёт по моим стопам и будет поступать на искусствоведческое отделение МГУ, но она выбрала скучную экономику. А современным искусством занималась, как хобби. И всё у неё получалось! Более того, в Москве открылся её талант организатора. Вы, молодой человек, знаете, что обе галереи и в Москве и в Питере – это её рук дело? Причем, коммерчески выгодного.

– А я думал, что галереи Вам принадлежат...

– Неужели я похож на ценителя современного искусства? – укоризненно посмотрел Сергей Данилович на Игоря. – Вот моя любовь и страсть, – и указал на картины, висящие на стенах кабинета. – Ну, да не обо мне речь... Начальный капитал, конечно, давал я, и Аня настояла, чтобы на меня они и были оформлены... И вроде бы всё у нас в жизни было хорошо. Аня закрепилась в Москве, ко мне приезжала каждый месяц на парочку дней, мне уже самолёты труд-

новато переносить. Но примерно четыре месяца назад мне позвонили из московской галереи и предупредили, что Аня попросила называть её Яной. Я забеспокоился, но у Ани ничего спрашивать напрямую не стал, а стал настаивать на её приезде ко мне, тем более, что уже давно её не видел. Она отнекивалась, ссылаясь на какие-то неотложные дела, а голос был счастливым. Тогда я предложил приехать к ней в Москву, но она явно не обрадовалась этой идее. А две недели назад позвонила сама и сказала, что приедет на целую неделю. Вот, собственно, и вся история...

– Сергей Данилович, где сейчас Аня? Мне очень надо её увидеть...

– Анечка сейчас в одной специализированной клинике под Миланом. Сама туда попросилась. И я не думаю, что ваша встреча – это хорошая идея на данный момент...

– Но мне необходимо..., – начал Игорь, но Сергей Данилович перебил его:

– Я сказал «на данный момент», а не навсегда. Поймите, Ане надо отдохнуть. Какой бы энергичной она Вам не казалась, у неё неустойчивая психика. А Вы? Вы понимаете, что это заболевание не лечится? Она может вести совершенно нормальный образ жизни, но такой стресс, как предательство любимого человека, может навсегда выбить её из колеи. А я не хочу, чтобы моя дочь закончила свои дни в психушке. Простите, Вам сколько лет?

– Тридцать семь. При чём тут мой возраст?

– Вы были женаты? У Вас есть опыт или хотя бы желание заботиться о ком-нибудь? Отвечать не только за себя, но и за любимого человека? Простите, но Вы не производите впечатления человека, ведущего монашеский образ жизни. Вы, вообще, любите мою дочь?

– Мне кажется, что люблю...

– Вам «кажется»? А мне вот не кажется, я знаю, что она Вас любит. Но со своей любовью в одиночестве она справится, а вот с Вашей, когда окажется, что Вам это только показалось – нет. Поэтому давайте договоримся так: я не дам Вам сейчас адрес клиники, где лежит Аня. Вы крепко подумаете, над тем, о чём мы с Вами сейчас говорили. И если решите, что жить без Ани не можете – напишите мне на мой электронный адрес, – и с этими словами Сергей Данилович протянул Игорю свою визитку, – и я Вам его сообщу.

² – Диссоциативное расстройство идентичности (также используются диагнозы: расстройство множественной личности, раздвоение личности, расщепление личности) – очень редкое психическое расстройство из группы диссоциативных расстройств, при котором личность человека разделяется, и складывается впечатление, что в теле одного человека существует несколько разных личностей. При этом в определённые моменты в человеке происходит «переключение», и одна личность сменяет другую. После «переключения» активная в данный момент личность не может вспомнить, что

происходило, пока была активна другая личность (*из Википедии*)

15

И Игорь вернулся в Москву. Попытался наладить свой прежний образ жизни. Возобновил походы с друзьями в баню. Даже решил завязать новые отношения с женщиной. Но всё ему было пресно, скучно и даже тоскливо.

Тосковал по ранним Яниным побудкам, благодаря которым выходные он начинал со вкусного свежего ароматного завтрака, плавно (или не плавно) переходящего в игривое занятие любовью... Почему-то все остальные его женщины, в том числе и нынешняя, предпочитали дожидаться в постели сваренного им кофе...

По веселым совместным приготовлениям ужинов (Игорь не терпел присутствие чужих людей в доме, поэтому не держал прислуги. Завтрак кое-как варганил сам, а обедал и ужинал в городе, домой приезжая только для сна, да и то не каждый день, особенно в период очередных отношений). Яна тоже была не профи в кулинарии, но к каждым выходным находила в интернете интересные рецепты с рыбой, они вместе по дороге за город закупали продукты, Игорь чистил и разделывал рыбу, а Яна пыталась делать всё остальное. Иногда даже получалось вполне себе ничего. Это когда они вовремя успевали прервать поцелуи и ужин не превращался в черные

угольки. На такой случай у них была дежурная упаковка сосисок и пакет картошки. Яна виртуозно освоила рецепт приготовления какого-то болгарского лечо³ и разогретые в них сосиски приобретали удивительно ароматный вкус. А съедались они наперегонки с двух сторон и заканчивались поцелуем – и это делало их ещё вкуснее...

Скучал даже по Яниныным лекциям о современном искусстве. Первое время она притаскивала ему какой-нибудь альбом с очередным намечающимся гением и с горящими от вдохновения глазами пыталась рассказать «что хотел сказать художник». А он больше смотрел на неё, чем на картины, и слушал не то, что она говорила, а *как* она это говорила. Ну, и понятно, чем заканчивались эти лекции...

Он даже не успел за 3 месяца до конца изучить её прекрасное тело! Начинал то с волос, то с пальцев ног, но ни разу не дошёл до конца. Где-то в середине её тела зияло огромное неизученное пространство. Вернее сказать, неизученное глазами, руками-то и губами он изучил каждую её ложбинку, но хотелось закрепить знание всеми органами чувств. Стыдно сказать, про её сумасшедше красивые музыкальные пальцы он вспомнил только в конце второго месяца их отношений, когда она открыла рояль, стоящий в зале для престижа или пафоса (Игорь уже не помнил по каким соображениям он купил этот дорогуший Bechstein⁴. Играть ни на одном музыкальном инструменте он не умел. Бренчание на гитаре в турпоходах по молодости не считается), и очень чувствен-

но сыграла какую-то щемящее-грустную красивую мелодию, а потом начала импровизировать, играя известные песенки в совершенно не свойственных им стилях, и это было так увлекательно-весело! Ну почему, ну почему, ему не пришло в голову снять этот момент на видео? Чёрт побери, у него даже фотографии её не было!..

Про секс можно вообще не говорить, он превратился из захватывающего приключения в обычную природную необходимость, рутину...

³ – рецепт болгарского лечо

Ингредиенты:

1 кг помидор,

300 г репчатого лука,

300 г моркови,

300 г сладкого болгарского перца,

40мл 9% уксуса,

80г сахарного песка,

17г соли,

0,5 стакана растительного масла

Способ приготовления:

Пошинковать лук и слегка поджарить его на масле до золотистой корочки. Остальные овощи также мелко порезать. Всё смешать, добавить соль и сахар.

Если лечо предусматривается для хранения, то: довести до кипения, в последний момент добавить уксус и закатать в стерильные банки.

Если – для немедленного употребления, то: варится на медленном огне при постоянном кипении до готовности моркови без уксуса. Уксус по вкусу можно добавить перед подачей, сбрызнув им готовое блюдо.

⁴ – производятся в Германии с 1853 года – это мировая элита среди фортепиано.

16

Так прошла осень. Наступила ранняя зима, и Игорь отправился с друзьями на подлёдную рыбалку. В этот раз ему сказочно везло – он вытаскивал из проруби рыбу одну за другой. А потом мужчины грелись водкой в снятой на прокат избушке местного рыбака. Последнее время алкоголь не брал Игоря, он наливался им не пьянея, а потом попросту вырубался. Вот и сейчас он чувствовал неотвратимое приближение момента, когда выключится сознание, но на этих последних минутах успел ухватить и запомнить кусочек разговора между друзьями.

О чём бы ни говорили пьяные мужики, тему женщин они всё равно не могут пропустить. И кто-то из них, кажется, Колян, принялся рассуждать о том, что совершенства в мире не бывает. Ну не может одна женщина быть днём хорошим работником, вечером умелой хозяйкой, любящей женой и заботливой матерью, на людях уметь вести себя как скромная интеллигентка, а ночью – как проститутка. Где-нибудь да будет прокол. И все с ним соглашались. Кроме Игоря. Но высказать своё мнение он не успел – отключился.

А наутро встал с ясной головой и твёрдо принятым решением. Быстренько собрал свои вещички и умотал домой ещё до пробуждения своих вчерашних собутыльников.

Ну, какого чёрта он столько времени промаялся дурью? У них нет такой женщины, ни у кого нет, а у него-то есть! Как бы её не звали в какой-то конкретный момент – Аня или Яна.

Вечером того же дня он имел на руках адрес клиники под Миланом, билет до Рима (ждать 2 дня прямого перелёта до Милана не было терпения) и арендованную машину из римского аэропорта до клиники. А во внутреннем кармане пиджака грело сердце кольцо, купленное ещё в Париже.

17

В Риме было тепло и дождливо, а Милан встретил Игоря прохладной, но солнечной погодой. И он увидел в этом хороший знак. Впрочем, если бы было наоборот, он всё равно посчитал бы это добрым предзнаменованием.

Клиника утопала в разноцветной осенней листве деревьев и кустарников и больше походила на дом отдыха, чем на серьёзное медицинское учреждение. Может быть потому, что он ни на ком из праздно прогуливающихся по зелени газонов или спешно передвигающихся по асфальтовым дорожкам не увидел ни белой медицинской формы, ни серых больничных халатов?

Сначала Игоря проводили к доктору (Сергей Данилович предупредил клинику о приезде гостя). Тот кратко проинструктировал, что можно делать, а чего нельзя, и проводил на уединённую полянку, где Игорь увидел стоящую к нему спиной Аню. Дальше гость пошёл один.

Аня стояла за мольбертом и что-то увлечённо рисовала. Когда Игорь смог заглянуть через её плечо, то с удивлением увидел свой собственный портрет, уже явственно складывающийся из мелких штришков уголька, которым рисовала Аня. Он даже узнал свою «фирменную» позу в гневе: руки сложены замком, глаза смотрят в направлении сверху вниз, одна бровь чуть приподнята, а противоположный уголок рта чуть опущен. Всё вместе это создавало у визави ощущение оценивающей насмешки, как-то так. Именно таким он предстал перед ней в первый день знакомства с «Яной».

Аня, видимо, почувствовала, что её одиночество нарушено и обернулась. Вопрос в её голубых глазах сменился на удивление, потом в них вспыхнула радость, но она, не решаясь ещё шагнуть навстречу, сказала с хрипотцой:

– У меня не оказалось ни одной твоей фотографии, так что вот приходится...

И эта хрипотца включила Игорю ощущение узнавания, образы Яны и Ани, наконец, окончательно слились воедино. А когда он обнял её и прижал к себе, все изгибы её тела так уютно и знакомо совпали с его телом.

– Я тоже на себя ругался, что ни одной фотки не сделал...

– Мне так много надо тебе рассказать...

– Да, уж...

– Только пойдём в мою комнату, а то меня ноги не держат.

– Может на нейтральную территорию? Боюсь, в твоей комнате я с собой не справлюсь, – и с этими словами Игорь слегка отстранил от себя Аню, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Я очень на это надеюсь, – с чувством произнесла девушка, и глаза её потемнели от сдерживаемого желания.

– А разве здесь можно? – удивился Игорь, а сам в это время подумал: «Какие красивые у неё глаза, и почему они ему показались в Вене холодными?»

– Здесь лечебница, а не тюрьма. И комнаты, кстати, звукоизолированы, – добавила она с ноткой кокетства.

Игорь сдерживал себя, сколько мог, обращаясь с Аней вначале как с хрупкой фарфоровой статуэткой, но её страсть пробила брешь в плотине его самообладания, и они бурно и неистово закончили вместе. А потом лежали, нежно прижавшись друг к другу, и Аня начала свой рассказ с того, что волновало её больше всего – с дня сегодняшнего:

– Знаешь, а доктор Вебер не согласен с диагнозом «раздвоение личности». Он считает, что это просто феномен близнецов плюс богатое воображение. Я папе это пыталась сказать ещё тогда, в детстве, когда мне его поставили. Я же прекрасно всё помню и осознаю, чего не может быть при раздвоении, но он мне не поверил, и я постаралась сделать так, чтобы он больше никогда не узнал, что я играю в общение с воображаемой сестрой. И чем взрослее я становилась, тем меньше к ней обращалась. А когда вернулась в Москву, тут вообще так закружило: поступила-то я на экономический, а вращалась в основном среди богемы. Потом возникла идея создания галереи. Крутиться приходилось много, но работа как-то сразу пошла. Деньги на старт дал папа, знакомые среди художников и потенциальных покупателей имелись у меня, плюс помогало моё экономическое образование. Так дело и раскрутилось. Появилась, наконец, возможность вернуть долги папе, и не только в смысле тех, что он дал в качестве стартового капитала, но и моральные...

Только вернувшись в Москву, я поняла, сколько же он трудов положил на меня, на то, чтобы вырваться в Италию, там обосноваться и закрепиться, выучить меня... Он же у меня специалист по итальянской живописи эпохи Возрождения. Что за границей и уж тем более в России, люди вокруг старинной живописи ходят на грани с законом и криминалом. Папа старался всеми силами избегать консультаций по краденым вещам, но иногда они всё равно попадались, и

тогда он вежливо, но твёрдо, отказывался от общения, но и в милицию не доносил. Так постепенно наработал себе уважаемое имя и авторитет. В Италии дела пошли ещё лучше, ведь приехать туда коллекционерам было куда проще и безопаснее, чем в Россию. К современной живописи он всегда относился и сейчас относится с холодком, но, когда увидел, что дела у меня в Москве наладились, помог с иностранными партнёрами, так появилась возможность открыть галерею ещё и в Санкт-Петербурге.

Постепенно бизнес стабилизировался, и я решила попробовать себя в профессии по образованию. Зря я, что ли, пять лет училась? Работу по специальности нашла с трудом, я же уже несколько лет назад окончила институт, нигде по профилю не работала, экономика ушла давно вперёд и такой «специалист», как я, был никому не нужен. Наконец, как я считала, мне повезло, и я с бешеным энтузиазмом вышла на работу. Вкалывала, параллельно училась и у коллег, и по книжкам, и по интернету. И только потом поняла, что взяли меня на работу из-за яркой внешности, а не из-за каких-то других соображений. Я же на работу при полном параде вышла, привыкла, что в моей среде людей ценили за талант и на красоту смотрели совсем другими глазами. А тут хозяин – гнида попался, даже бабник будет слишком мягко сказано, глаз на меня положил. Приставать начал конкретно. Но и я уже не девочка наивная, двадцать семь как-никак, мужиков вроде умела ставить на место. А он сначала с подходцем, а потом

перешёл на силу. Пришлось звать на помощь друзей. Они его хорошенько так припугнули. А мне пришлось уволиться, конечно. Но, зато, шикарную положительную характеристику подписал.

(Игорь про себя отметил узнать потом кто это, и добавить ему от себя). А Аня продолжала:

– Поэтому, когда я пришла в твою фирму, уже учла свои ошибки и постаралась максимально притушить свою внешность, чтобы оценивали по уму, а не по одежке...

– И это тебе здорово удалось!

– Да знаю я, сама слышала, как ты меня серой мышью обозвал.

– Не помню такого...

– В кафе. Владлен Иванович спрашивал можно ли меня взять на работу после испытательного срока, а ты сказал, что «такие серые мышки хорошие работники». Это меня и завело. Сразу было понятно, что ты – бабник...

– Я бабник?!

– Конечно! Женщин меняешь, как перчатки. Другого замеса, конечно, чем мой первый начальник, но всё равно – бабник, пусть и женщины сами за тобой бегают, а не ты за ними... И я решила тебя проучить. Пусть твои подруги были и не семи пядей во лбу, но и у них были чувства к тебе, и им было больно, когда ты с ними расставался. И я захотела, чтобы ты хоть немного испытал это же на себе. И начала со сбора информации о тебе...

– Ничего себе, комплексный подход. Прямо как военная разведка...

– Да, а вдруг ты бы оказался сексуальным маньяком? Мне и одного раза хватило... Ну вот, пока сведения о тебе собирала, кажется, потихонечку начала в тебя влюбляться...

– А почему же тогда сбежала после первого свидания?

– Ну, надо же было простимулировать твой охотничий инстинкт? А то слишком просто бы всё получилось...

– Так ты у меня ещё и стратег, – рассмеялся Игорь.

– Какой там стратег! Папу переполошила. Он стал мне названивать и требовать приехать в Италию, а когда я отказалась – сам в Москву засобирался. В общем: он мне звонит, ты мне звонишь, а я же не могу с вами с рабочего места разговаривать. Приходилось в туалет бегать...

– А я всё гадал, почему голос такой странный, как из бочки.

– Конечно, в кафеле же всё... Девчонки уже стали на меня косо посматривать: что это я каждый час куда-то бегаю. Дальше – больше. Ты предложил выходные за городом – опять проблема. Одно дело на нейтральной территории одна ночь, а другое дело выехать в пятницу. Это же надо у Маргариты Борисовны на полдня отпрашиваться: волосы помыть оттеночным шампунем, уложить, накраситься, линзы в глаза вставить, переодеться, переобуться, где-то рядом, но так, чтобы никто с работы не видел, держать машину. Весь свой гардероб, все украшения, косметику пришлось разделить на

две части: это на работу для Ани, это к тебе для Яны, чтобы ничего не перепутать и не дёргаться. Я, между прочим, чтобы с тобой по пятницам выезжать, перешла на обеденный перерыв за пятнадцать минут и стала на целый час раньше выходить на работу.

– Бедненькая ты моя, – и Игорь погладил Аню, как маленькую девочку, по голове, – Теперь понятно, почему ты отказывалась встречаться в будни...

– Знаешь, как хотелось? Элементарно в кино сходить, к руке прикоснуться. Да хотя бы просто запах вдохнуть...

На этих словах Игорь счастливо рассмеялся, а Аня сердито толкнула его в бок кулачком:

– Что смешного?

– Я представил, как ты ко мне в офисе подходишь и обнюхиваешь...

И они захохотали уже вместе. А отсмеявшись, Аня продолжила:

– А как хотелось спать... думаешь, я не люблю понежиться по утрам в мягкой постели?

– А что же ты даже у меня по выходным вскакивала ни свет, ни заря?

– Я линзы на ночь снимала, в них же нельзя сутками ходить, а утром до твоего пробуждения надо было их обратно вставлять...

– Ну вот, а я думал, что ради завтрака любимому мужчине.

– А это так, дополнительная тропочка к сердцу через желудок... И вообще, если бы не ты, я уже не знала, что и делать. Оказывается так трудно изо дня в день играть чужую роль, сдерживать свою натуру. Я ведь только с тобой, называя себя Яной, была такая как есть на самом деле – Аня, а на работе всё время приходилось зажимать себя. Вот и доигралась... То, что увольняться придётся в любом случае, это я уже давно поняла. А когда ты так неожиданно возник в Венской опере, я так испугалась, чуть в обморок не шлёпнулась. Не знала как себя вести, что говорить. Судорожно соображала в чём одета, какими духами надушилась... И на следующий день в панике рванула в Москву, чтобы обрубить концы... Весь полёт проревела... А знаешь, сколько вариантов писем я тебе написала? Да я и сама не знаю сколько... От варианта вообще исчезнуть молча до объяснения в любви на трёх страницах.

– Последний вариант мне нравится больше всего... Я, когда прочитал твою записку – просто вылетел из реальности. Ничего не мог понять. Такое отупение первый раз в жизни. Звуки все исчезли, только звон в ушах, а за окном машины всё рваное, как стоп-кадры из фильма. Я теперь понимаю, что такое убийство в состоянии аффекта, увидел бы тебя в тот момент – не заметил бы как придушил... Хорошо, что пока доехал до галереи, немного пришёл в себя, и то твоим сотрудницам знаешь, как досталось?! Вытряс из них адрес твоего отца и рванул к нему...

– Подожди, я запуталась. Когда это было?

– Сразу, как вернулся из Парижа в Москву. А уже через пару дней вылетел в Италию...

– Так ты виделся с папой ещё осенью? Или вы с ним не встретились?

– Почему, сразу встретились, как только я добрался до Позитано.

– Странно, папа мне ничего не сказал...

– Он тогда, осенью, и мне ничего не сказал, отправил во свояси, так и не дав твоего адреса. Велел подумать, люблю ли я его дочь один раз и на всю жизнь...

– И ты думал все эти три месяца?

– Нет, – честно признался Игорь, – пил, тосковал, пытался заменить тебя на других, злился, а когда понял, что полный придурок – рванул к тебе.

А потом он потянулся к пиджаку и со словами: «Ты выйдешь за меня замуж?», – вручил Ане кольцо, купленное ещё в Париже. Когда она счастливо кивнула головой, не в силах сказать ни слова, подумал, сколько же ещё интересного, неизведанного ему предстоит узнать, когда они будут вместе...

Декабрь 2016

Найду! Обниму! Не отдам никому!

Последнее время Светлана всё глубже погружалась в депрессию и никак не могла найти оттуда выхода. Работа её не радовала, как раньше, хотя как раз карьера складывалась вполне удачно. В свои 32 она уже была заместителем начальника подразделения огромного холдинга, и начальник – Владимир Витальевич, не скрывал, что готовит её на своё место. Но внезапно для Светланы, её это совершенно перестало интересовать. Нет, она никого не подводила на работе. Она физически не могла работать спустя рукава. И, если уж бралась за какое-нибудь дело, всегда доводила его до конца, до победного конца. Но... того удовлетворения и гордости, которые Светлана испытывала раньше, когда удавалось расколоть очередной «трудный орешек», уже не было. Что же делать, чтобы выйти из эмоционального тупика? Резко сменить работу? Переехать в другой город? Выйти замуж? Или проще – умотать в отпуск куда подальше? Как и в любом трудном деле, Светлана всегда искала некую точку, оттолкнувшись от которой можно было распутать весь клубок. Но здесь-то с точкой, после которой депресняк и начался, всё было понятно. Только вот ответов пока не находилось.

А началось всё с очередной встречи одноклассников. Когда Светлана с радостью занималась организационными хлопотами, ничего подобного не предвещало. Это уже была вторая встреча их класса после окончания школы.

Первый раз они встретились через 10 лет после выпуск-

ного. Собрать удалось немногих. Хотя, что значит «немногих»? 11 человек – это уже, считай, треть класса. Тем более что встреча была практически спонтанной: копаясь в интернете, Светлане на глаза попалась заметка о некоей адвокатской конторе, с успехом выигравшей громкое дело против крупного государственного учреждения, и в ней, в этой заметке, среди прочих упоминались имя и фамилия одного из адвокатов, полностью совпадающие с её школьной любовью. Ильшат Бусламиуллин – не такое уж распространённое сочетание, не так ли? Не Сергей Иванов или Иван Сергеев... И Светлана загорелась найти Ильшата. Очень было интересно узнать, как сложилась его судьба. А ещё...

А ещё стоило, наверное, попросить прощения за то, что не пришла на свидание. Хотя она и сейчас считает, что она его совершенно не подвела, ведь предупреждала, что не обещает на все 100%. Но мама так её ругала за то, что в итоге она всё-таки не пошла, что и у Светланы где-то шевелился червячок сомнения в собственной непогрешимости...

Фотография в газете была не очень чёткой, и Света так и не пришла к окончательному выводу: есть на ней Ильшат или нет? И она написала электронное письмо на адрес конторы: не Вы ли тот Ильшат Бусламиуллин, с которым я училась в одном классе «Б» средней школы №2 в городе Ромашинск? Если не Вы – то, типа, извиняйте за беспокойство. А, если это ты, то хотелось бы пообщаться.

Ответ пришёл довольно быстро, поскольку Ильшат ока-

зался тем самым и, хотя в адвокатской конторе уже не работал, а ушел в самостоятельное плавание, письмо ему контора переслала. А в ходе переписки Ильшат предложил встретиться с одноклассниками в ближайшие июньские праздники в Ромашинске, поскольку в этом году как раз десятилетие окончания школы. У него же нашлись и старые домашние телефоны некоторых ребят, по которым он и позвонил. И стоило найти одного одноклассника, как по цепочке стали появляться и следующие. В Ромашинске остались не многие, поскольку класс на половину состоял из детей семей военнослужащих (как и Светлана, и Ильшат) с одной стороны, а с другой – был очень сильным, и все те, кто решил подать заявления в московские ВУЗы, все поступили. А после их окончания в родные пенаты не вернулись. Во время учебы в Москве – общались довольно плотно, а потом жизнь закрутила и контакты растерялись.

До назначенной даты в июне удалось найти всех ромашинских и тех, кто остался жить в Москве, это составило примерно половину класса, но на встречу в Ромашинск из иногородних смогли приехать только Света и Ильшат, поскольку оба были свободны от семейных отношений (Света строила карьеру и семьей обзаводиться не спешила, её вполне устраивали свободные необременительные отношения – сплошной праздник и никаких обязательств, а Ильшат недавно развелся). Кто-то уже построил планы на лето, у кого-то были маленькие дети, оторваться от которых не удалось, а кто-то

и вообще не горел желанием встречаться.

Встретились на даче Елены. Погода стояла шикарная, так что ребята даже умудрились искупаться в Цне. Вспоминали добрым словом своих учителей, особенно классную руководительницу – Антонину Алексеевну, которая всего месяца не дожила до этой их встречи. Пусть земля ей будет пухом! Жарили шашлыки, пили красное абхазское вино, пели песни под аккордеон Натальи, танцевали и разговаривали, разговаривали, разговаривали...

– Ты на меня больше не сердись?

– Не понял – ты о чем?

– Ну, что не пришла тогда на ваш новогодний праздник в военный институт...

– Да я и сразу не сердился...

– Ну, конечно, а что же тогда так резко прекратил общение?

– Ты не пришла, а я с девушкой познакомился, стремительно так всё закрутилось, и в итоге мы поженились. И по распределению уже уехали вместе.

– Это та, с которой сейчас развелся?

– Нет, это уже вторая жена, а Светлана была первой.

– Ну, ты, многостаночник. Сколько же у тебя браки длятся?

– Со Светкой меньше года прожили...

– Что ж так быстро?

– Быстро познакомились, быстро сошлись, быстро разбе-

жались...

Ильшат слукавил, когда сказал, что не сердился тогда. Ещё как расстроился и рассердился. Он ребятам все уши прожужжал про свою красавицу-одноклассницу, которую пригласил на праздничный вечер. А она взяла и не пришла. Конечно, она что-то там такое говорила, что, может быть, не сможет прийти, но он пропустил это мимо ушей, посчитав женским кокетством.

То, что Светка была влюблена в него ещё с третьего класса школы (когда он появился у них в классе), он прекрасно знал, но ничего особенного в ней, кроме, конечно, толстенных кос по колено, не находил. А ещё она была отличницей, а это тогда казалось скучным и неинтересным. В середине восьмого класса Светкиного отца перевели в другой город, и они уехали. И встретились Светлана с Ильшатом уже учась на четвертом курсе своих институтов в Москве. Ильшат нашёл Свету сильно изменившейся. Ну, во-первых, она отрезала косы и щеголяла пышными волнистыми волосами до плеч, а во-вторых, в ней появился какой-то столичный лоск и море женского кокетства. Ильшат принял всё на свой счёт и решил, что старая школьная любовь ещё не заржавела.

Командиры напрямую предупреждали курсантов последнего курса, что лучше бы им найти жену сейчас, чем потом мыкаться одним по военным городкам (неизвестно в какую тмутаракань может забросить судьба военного и, хотя военные юристы и не окажутся в чистом поле, как это может слу-

читься с кадровыми военными, но всё же, всё же...)). И Ильшат начал серьёзно продумывать вариант женитьбы на Светлане. Новогодний вечер мыслился ему, как определяющий. И вдруг такой облом! Он прождал её на КПП¹ лишних полчаса, замерз, и вдруг ему показалось, что в толпе девушек, жаждущих попасть к ним на вечер, мелькнули знакомые пушистые волосы и блеснули ярким льдистым всполохом голубые глаза, и он окликнул:

– Светлана!

Девушка заулыбалась, бойко пробралась через толпу менее удачливых соперниц, и тут Ильшат увидел, что это не *та* Светлана, но ему уже было всё равно. Голубоглазая тёзка коварной одноклассницы оказалась его спасением от насмешек однокурсников и вообще, вполне себе была на уровне. К концу вечера ему даже показалось, что он влюбился.

А тёрки начались уже когда они прибыли по месту его назначения. И хотя служить его направили во вполне себе симпатичный город Рыбинск, молодой жене после бурлящей Москвы он показался затрапезной деревней. А Ильшату город понравился. Он сильно напоминал любимый Ромашинск, хотя, конечно, узенькая извилистая Цна не могла тягаться с широкой величавой Волгой. Но атмосфера в Рыбинске была такая же уютная, домашняя. Кроме того, совсем рядом, рукой подать, был ещё более крупный Ярославль с величественным Кремлем и кучей достопримечательностей, маленький, тихий уездный Мышкин с крошечными уникаль-

ными музеями и сказочный Углич, весь пропитанный духом Древней Руси.

Есть чем занять свой досуг. Есть, где найти работу. Но жена только кривила губы, не желая ни путешествовать, ни искать себя в специальности, ни налаживать их совместный быт. Она никак не могла найти себе место в новой жизни, а красавец муж не мог одним собой заменить ей целый мир. И они разбежались...

Светлана же не пошла на Новогодний праздник к Ильша-ту поскольку своим женским чутьем прекрасно поняла, в каком направлении текут его мысли. Её детская влюблённость в него давно прошла. Когда она появилась в середине учебного года в новом классе, на неё, как на новенькую, обрушилась такая лавина внимания ребят, что мама, не горюй. Клеймо отличницы, так мешавшее ей в ромашинской школе, здесь, в подмосковной, наоборот, вызывало уважение. Так что у Светланы появилось время и возможность отточить своё женское кокетство, чем она с радостью и воспользовалась. Да и раннее замужество не входило в её ближайшие планы, тем более за военного. Уж она-то прекрасно понимала, какой это тяжкий труд быть его женой. Всё время жить не в своём ритме, а в ритме службы мужа, да ещё и переживать за каждый его уход на работу, как за, возможно, последний. Всю жизнь на чемоданах. Работать не по своему призванию, а тем, кем удастся пристроиться. Ломать голову, как сделать

жизнь детей богатой и интересной, живя в военном городке, состоящем всего-то из пары-тройки домов офицеров... Но сказать маме, как жене военного, что себе она такой участи не желает, не смогла. Пусть лучше ругает её, что подвела одноклассника, но о глубинных причинах не догадывается...

На первой встрече одноклассников сразу договорились, что встречаться будут раз в 5 лет, как говорится, в этом же месте, в это же время. Ко второй встрече за 5 лет многих удалось найти, даже тех, кого разбросало по необъятным просторам нашей Родины. Поскольку даты оговорили заранее, многие смогли приехать, скорректировав свои летние планы под встречу одноклассников. Так что собралось их уже 27 человек. Почти весь класс! Встретились как родные, как будто и не было этих пятнадцати лет расставания после школы. И вот там-то за разговорами о своих жизненных достижениях, семьях, детях на Светлану и налетела депрессия. Она вдруг почувствовала, что куда-то не туда ведёт её жизненная колея.

Она, умница и красавица, была единственным из их класса человеком, который не попробовал ещё семейной жизни и единственной, у кого не было детей. Ребята с гордостью рассказывали о своей работе, но это было ничто по сравнению с тем счастьем, которое плескалось в их глазах и отражалось в голосе, когда они рассказывали о своих детях. Первым, в ком Светлана заметила огромные перемены, был Ильшат. Он умудрился за 5 прошедших с их последней встречи лет же-

ниться и настрогать двоих детей. И она невольно задумалась: были бы они также сейчас счастливы *вместе*, если бы она не сделала вид, что не поняла его подкатов на прошлой встрече? А ещё было ужасно унижительно, когда пьяненький Валера предложил ей познакомить её со своим соседом-вдовцом. Значит, и остальные одноклассники тоже воспринимали её жизнь как не особо счастливую и сочувствовали. А это совсем не те ощущения, которые Светлане хотелось вызывать в людях. Пришлось сделать «хвост трубой» и остановить Валеру в его поползновениях стать свахой, сказав, что варить борщи и стирать чужие носки не её голубая мечта...

Да и выйти замуж для Светланы проблемой не было. И её нынешний бой-френд Юрик, и многолетний поклонник Никита преданно ждали, когда же она созреет для семейной жизни. Но она чувствовала, что это всё не то... А что же тогда *то*?

¹ – контрольно-пропускной пункт

2

«Что же это *то*, что сделает меня счастливой?» – задумалась девушка, не донеся до рта надкушенный чизбургер, который застыл на полдороге в поднятой руке. Светлана последнее время предпочитала обедать в одиночестве, а не с сотрудниками в их офисном кафе. Удаляться далеко от ме-

ста работы было нельзя, поскольку её в любой момент могли дернуть начальники или заказчики, а потому приходилось довольствоваться близлежащими Макдональдсом или Крошкой картошкой. Из ступора её вывел звонкий детский голос:

– Мама, мамочка! Я тебя нашла!

И на Светлану налетела маленькая девочка. Малышка удивительно ловко вскарабкалась к ней на колени, крепко обхватила ручками за шею и прижалась всем телом. Следом перед растерявшейся Светланой возник мальчик лет 10-12, который со словами: «Это не наша мама!», попытался отодрать девочку. Но у него ничего не получилось. Малышка ещё сильнее вжалась в Светлану так, что той стало трудно дышать, но она инстинктивно тоже обняла девчущку, защищая от сердитого мальчишки.

У Светы комок застрял в горле. Она вдруг остро ощутила исходящий от девчущки сладкий молочный запах, горячее дрожащее тельце, нежную бархатистую кожу щеки, прижавшуюся к её шее, и на неё такой всепобеждающей лавиной накатила *любовь*, что стало жарко, а сердце забилось в унисон мелкому и частому ритму сердца ребёнка: тук-тук-тук-тук-тук...

Сквозь набежавшие слёзы Светлана разглядела силуэт мужчины, растерянно застывшего чуть поодаль с горой еды на подносе в руках... И тишину, воцарившуюся в обычно шумном от людских голосов огромном зале Макдональдса.

В ней сработал инстинкт начальника. Она взяла себя в руки, сконцентрировала зрение и прошипела:

– Да садитесь уже ко мне за стол...

Когда мужчина с мальчиком уселись, стало сразу понятно, что это отец с сыном, так они были похожи. Но Светлана отметила это краем глаза, поскольку вся была сосредоточена на малышке. Нежно гладила её дрожащее тельце и ласково шептала всякую чепуху, которая только приходила в голову, чтобы успокоить ребёнка. И только когда малышка немного успокоилась и расцепила ручки, удобно угнездившись на её коленях, Светлана обратила внимание на гору фастфуда, которую накопил детям отец.

– Разве это можно есть детям? – строго высказала она мужчине и отправила покупать его то, что по её мнению ещё хоть как-то можно было детям: салат Цезарь с кусочками курочки и запеченный картофель по-домашнему.

Мужчина недовольно поморщился, передёрнул плечами, что можно было интерпретировать и как «какая разница?!», и как «не твоё дело!», но указание, хоть и нехотя, выполнил. Ели молча. Отец с сыном сосредоточено жевали, не поднимая глаз от стола, а Светлана кормила малышку, пока та, разморенная едой и духотой зала, не уснула у неё на руках.

Боже мой, так не хотелось передавать малышку отцу! А хотелось сесть с ней в следующее такси и уехать домой, наплевав на работу.

– Проснётся – опять истерику закатит, – буркнул маль-

чишка.

– Скажите, что мама ей приснилась, – грустно посоветовала Светлана.

3

Долго грустить было не в характере Светланы, тем более, что она теперь чётко определилась, что ей надо для счастья. Вернее – кто! Ребёнок, дочка! Как воспитывать сына Светлана совершенно не представляла, другое дело девочка. Здесь и надо-то было не допустить развития тех качеств, которые Светлана считала лишними в себе (излишняя самостоятельность, категоричность суждений, завышенная требовательность), и добавить то, чего ей не хватало (женственность, мягкость, домовитость). Она уже даже распланировала, в каком возрасте чем они будут заниматься: английский с пелёнок, с трех лет – рисование и лепка, с пяти – танцы и горные лыжи, с семи – музыкальная школа (кто бы подумал, что ненавистная в собственном детстве музыкалка войдёт в обязательную программу воспитания собственной дочери? Но мама оказалась в своё время однозначно права, когда воспользовалась их необычно долгим проживанием в Ромашинске, где музыкальная школа наличествовала. Только вот надо будет что-то придумать, чтобы ребёнок занимался с удовольствием, а не так, как Светлана в своё время – из-под палки). И даже была готова начать ремонт в одной из комнат

своей трёхкомнатной квартиры.

Для осуществления планов всего-то и нужно было выдержать 9 месяцев беременности с жесточайшим токсикозом (здесь Светлана не обольщалась надеждой, что её минует участь её мамы и бабушки. Но они ведь выдержали? И она выдержит. Это того стоит!). Ну, и, конечно, надо перед этим забеременеть. Здесь проблем Светлана не ожидала. Мужчина рядом был – Юрик. Спрашивать его мнение – хочет ли он стать отцом? Светлана не собиралась, поскольку замуж за него тоже не собиралась. Хватит с него того удовлетворения, которое он будет получать в процессе. И Светлана с удвоенной энергией приступила к осуществлению своего плана.

Юрик был чрезвычайно рад произошедшей со Светиком переменой. Помимо того, что сам процесс доставлял несказанное удовольствие, он вообразил, что любимая, наконец-то, увидела в нём не мальчика, но мужа (Юрик был младше Светика на 4 года и страшно по этому поводу комплексовал, хотя, по идее, комплексовать и переживать должна была женщина, а не он). Возможное появление ребёнка было для него настолько абстрактным и далёким событием, что он над ним совершенно не задумывался.

Терпения Светланы хватило не на долго, и, когда к исходу второго месяца беременность так и не наступила, она забеспокоилась. А ведь она не пустила всё на самотёк, а предпринимала дополнительные усилия для увеличения вероятности зачатия, те, что смогла отыскать в интернете: соблю-

дала здоровую диету (Макдональдс был забыт напрочь) с головой окунувшись в готовку, пила рекомендуемые витамины, следила за днями овуляции, после каждого секса поднимала ноги вертикально, старалась не нервничать на работе и за версту обходила места для курения. И, хотя начиталась в интернете, что переживать нужно начинать только после года отношений без наступления беременности, её деятельная натура так долго ждать не могла. И Светлана поскакала к врачу.

А потом долго не могла осознать свой страшный диагноз: непроходимость маточных труб. Было ли таково строение её половых органов или это было последствие её раннего аборта (она «залетела» на первом курсе института), врач затруднился сказать сразу. Если таково было строение её детородных органов – то её случайная беременность была чудом, подарком небес. А если непроходимость стала следствием аборта – будет чудом, если она сможет вылечиться, зачать и родить ребёнка. Для окончательного диагноза необходимо было провести многочисленные исследования и сдать кучу анализов. И только потом можно будет сделать вывод – имеет ли смысл сначала надеяться на операцию, а потом на то, что все предпринятые усилия и перенесённые муки были не зря. В любом случае получается, что она собственными руками лишила себя *ч у д а* – иметь детей.

И Светлана погрузилась не просто в депрессию, а впала в отчаяние. Лечение и операция с итогом, который ни-

кто не сможет гарантировать, займёт даже не месяцы, а годы, но их у неё в запасе не было. Вернуться в привычную колею? Строить карьеру, зарабатывать деньги, весело жить без обязательств, меняя партнёров? А дальше-то что? Купить пятую шубу или третий комплект бриллиантов? Поменять обыкновенную сантехнику на золотую, как она видела в доме Брынцалова? Заняться коллекционированием какого-нибудь дорогого антиквариата? Ну, да, а потом заказать себе гроб из хрусталя и памятник во весь рост на кладбище. Очень впечатляющая перспектива! Мозг продолжал отчаянно работать в поисках выхода и уже через месяц выдал готовое решение – удочерение. А когда у Светланы появлялась цель, путь к её осуществлению немедленно выстраивался прямой дорогой.

4

А дорога лежала в Управление опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних. Количество документов Светлану не испугало, уровень зарплаты, жилищные условия и здоровье тревоги не вызывали, а вот неофициальный совет, что лучше всё-таки в этом деле быть замужем, заставил задуматься. Дело в том, что Юрий был немедленно отправлен в отставку, поскольку идею с удочерением чужого ребёнка категорически не поддержал. И Светлана подозревала, что и запасной вариант в виде терпеливого Никиты, то-

же не прокатит. Чтобы решиться на такое трудоёмкое дело, надо чтобы душа и сердце пылали у обоих супругов. Или... надо заключить фиктивный брак, а через некоторое время развестись. Ведь и при родных детях расходятся, и дети при этом, как правило, остаются с матерью...

Соблюдать здоровый образ жизни на данный момент было не обязательно, и Светлана расположилась в соседнем с Управлением Макдональдсе (куда не приедешь, везде он отыщется тут как тут), чтобы обдумать идею с фиктивным браком: кто из её двух ухажеров больше подходил на роль «мужа»? Ситуация вырисовывалась как-то так, что не подходили оба, да и чувствовалось, что оба не согласятся.

– У Вас свободно? Можно присесть? – раздался над головой Светланы мужской голос.

– Пожалуйста! – ответила она на автомате, не поднимая головы.

– Что ж Вы, у других фастфуд осуждаете, а сами, видимо, только им и питаетесь...

Светлана, возмущенная таким наглым вторжением в её дела и мысли, подняла голову и совсем уже была готова дать резкую отповедь нахалу, но вовремя придержала язык, узнав в говорившем отца двух детей, с которым столкнулась, опять же в Макдональдсе, 3 месяца назад. Да и смотрел на неё мужчина не осуждающе, а с лукавой искоркой в глазах. И Светлана поняла, что он хотел этой фразой просто обратить её внимание на себя, а потому широко улыбнулась и поддержа-

ла шуточный тон:

– А Вы, я вижу, тоже неисправимый поклонник вредной еды...

– Нет, конечно. Просто я тут рядом по делам был в Управлении опеки, вот и забежал быстренько перекусить в обеденный перерыв.

– Простите, а Вы работаете в этой системе? – с замиранием сердца спросила Светлана, боясь поверить, что ей судьба посылает такой счастливый билет, практически знакомого, которого можно попросить помочь с удочерением или, на крайний случай, хоть проконсультировать.

– Нет. Почему Вы так решили? – удивился мужчина.

– Вы же сказали про обеденный перерыв... А дети у Вас и так есть... – растерялась Светлана.

– Это не мои дети, а моего погибшего брата...

– Ой, простите... А где их мать?

– Брат погиб вместе с женой в автомобильной аварии...

– И Вы будете их усыновлять? А как Ваша жена на это смотрит? – задала Светлана вопрос, который волновал её саму на данный момент больше всего.

– Жена никак не смотрит, поскольку я не женат. А насчёт усыновления ещё думаю. Вот, пришёл разузнать в Управление опеки что да как...

– А у детей есть ещё родственники, которые могут их взять к себе?

– Только старенькая мама жены брата, но ей детей не оста-

вят в силу возраста, да и материальное положение у неё не ахти.

– Так значит, если Вы их не усыновите, их отдадут в детский дом??? О чём же тут тогда думать? Как можно отказаться от родного человека? – возмутилась Светлана и в упор уставилась на мужчину холодными голубыми глазами. Она на секундочку представила себе, как бы она поступила, если бы, не дай Бог!, что-то произошло с её младшим братом и его сын – Костик, остался бы без родителей. И честно, без колебаний ответила себе, что никогда не допустила бы его попадание в детский дом, даже, если бы это произошло до того, как она задумалась о собственных детях.

Мужчине ужасно не понравился поворот их беседы. «Вот колючка!» – подумал он. Сложил руки на груди замком и со сдерживаемой яростью ответил:

– Всегда просто давать советы, когда это не касается тебя лично. А когда ситуация обрушивается на тебя самого – большинство предпочитает умыть руки и слинять.

Он знал, о чём говорил, поскольку не далее как 4 месяца назад, когда погиб брат, и проблема с его детьми стала ребром, Юлька, так много приложившая усилий, чтобы затащить его под венец, тут же развернула оглобли на 180 градусов и быстренько съехала, оставив его, никогда не общавшегося ни с одним ребёнком, наедине и с горем, и с двумя детьми...

– Если они Вам не нужны – отдайте их мне!

– Как это? – растерялся мужчина. Что-то слишком часто эта девица своим поведением ставит его в тупик.

– Очень просто: заключим фиктивный брак, оформим усыновление-удочерение, а потом разведемся через какое-то время, и дети останутся со мной. Вы не думайте, мне от Вас ничего в материальном плане не нужно, – торопливо заговорила Светлана, видя, что мужчина уставился на неё с подозрением в глазах, и ужасно боясь, что он сейчас встанет и уйдёт, сочтя её за меркантильную охотницу или сумасшедшую. – У меня хорошая работа с приличной зарплатой и квартира большая. Я могу сразу детей к себе забрать. И я не сумасшедшая, могу справку показать о психическом здоровье. Хотите? Я ведь тоже здесь в Управлении опеки была. У меня все документы годятся для удочерения, только вот мне шепнули, что лучше быть замужем, чем одной, так больше шансов усыновить ребёнка...

Мужчина смотрел в молящие голубые глаза девушки, в которых растаяли острые льдинки, превратившиеся в голубые озера, которые вот-вот выйдут из берегов и потекут горячими ручьями по щекам и думал: «Сегодня я холостой, а завтра и жена и двое детей в комплекте... Однако...», а сам сказал:

– А знаете, Ваш совет сказать, что мама Алёнке просто приснилась, помог. Она нам с Толей такую истерику закатила, когда проснулась, только этим и успокоили. Долго грустила потом, но хоть не редела.

И Светлана поняла, что озарившая её идея не отвергнута с ходу, а, значит, у неё есть шанс дожать её до победного конца. Весь её профессиональный опыт говорил об этом. А если всё время получалось на работе, то получится и сейчас. Не может не получиться! И она с радостной улыбкой протянула мужчине руку для скрепления сделки рукопожатием:

– Светлана

– Вадим

– Что ж, давайте знакомиться, Вадим!

5

При знакомстве ничего особо интересного они друг о друге не узнали. Если не брать во внимание мужской и женский род, всё остальное было как под копирку: рождение – школа – институт – построение карьеры – квартира и машина есть – ранняя потеря родителей – семейной жизни не пробовали – собственных детей не имели. Последнее Светлана знала точно, а у Вадима по этому поводу были некоторые внутренние сомнения.

Оговорили также принципы совместного существования: на основе добрососедства, уважения и невмешательства в дела друг друга, свободу в интимном плане, но без демонстрации её перед детьми. Юридические вопросы оформления брачного договора и в дальнейшем усыновления-удочерения Вадим взял на себя, вернее, обещал взвалить на свое-

го юриста. Светлана тоже могла бы привлечь кого-нибудь из юридического отдела со своей работы, но, поскольку не хотела распространяться об истинных причинах столь быстрого появления «мужа» и детей, её это устроило. А с брачным договором она и сама разберётся.

Проговорили и ситуацию с проживанием. У обоих были трёхкомнатные квартиры близко к их местам работы, но решили не дёргать детей, которые уже более-менее привыкли к квартире Вадима, да и размерами она была побольше, чем у Светланы, так что ей предстоял переезд. О своём загородном доме и о том, что бизнес свой, собственный, Вадим решил не упоминать. Меньше знает – на меньшее будет рот разевать при разводе.

Ужас накатил на Свету уже дома: «Ой, мамочка, мама, во что же я вляпалась?!!» Она лежала без сна, и страх перед новой неизведанной жизнью вперемежку с составлением планов на завтрашний день и перспективу мешал заснуть. Столько всего предстояло продумать и сделать! Начать придётся с тяжелого разговора на работе с Владимиром Витальевичем. Одно дело быть одиночкой и всю себя посвящать работе, и совсем другое обзавестись, пусть и не совсем нормальной, но семьёй. Потерять работу не хотелось, ведь потом ей предстояло самой поднимать двоих детей. «Боже мой, как же мне подступиться к Толику? Алёнку я уже люблю. Если не смогу полюбить и мальчишку, будут очень-очень большие

проблемы...» Мысли так и перескакивали с одного на другое. А когда в сердце заползал холодок страха, она вспоминала ощущение доверчиво прижавшегося к ней тела Алёнки в собственных объятиях, и страх отступал, таял на глазах...

Но, в конце концов, Светлана, видимо, заснула, потому что утром проснулась бодрой и... абсолютно счастливой! Энергия была ключом. В голове уже выстроился план действий. Во-первых, разговор с начальником: если не пойдёт на уступки по сокращению времени работы – уволюсь. Светлану конкретно переманивали ещё в два места, а здесь уже можно и свои условия выдвинуть, где-нибудь да сработает. Во-вторых, переезд – отличный повод избавиться от кучи ненужных вещей, которыми всё равно обрастаешь с течением времени. Здесь можно и детей привлечь, для них это будет игрой, а она сможет присмотреться к Толику. С Толиком Светлана решила держать себя на равных, по-взрослому, в *мамы* не набиваться, а постараться стать другом. В-третьих, продумала, где и на чём можно экономить свои расходы. Зарплата была приличная и Светлана свои траты раньше не лимитировала, покупала всё, что глянется, в отпуск ездила не ниже, чем в 5*. Были планы поменять машину, на которой ездила уже 3 года, ну да ничего, можно и обойтись. «Так, не забыть разобраться с детским креслом, чтобы самое надёжное было, вот здесь экономить не буду». Всякие там салоны-парикмахерские-массажи-солярии и так далее нужно будет сократить до минимума, а квартиру можно сдать –

ведь до развода и переезда обратно пройдёт не меньше года, приличная сумма накопится...

Вадиму тоже не спалось в эту ночь: «Какого чёрта я пошёл к ней за столик?» С другой стороны ушла самая большая головная боль – дети. В глубине души Вадим знал, что никогда не отдаст детей брата в детский дом. И чего тут было больше: того, что ёкнуло сердце, когда первый раз увидел племянника, как две капли воды похожего на Вальку в детстве, вины живого перед умершим или его вины перед братом-близнецом за то, что поссорились и не общались больше 10 лет, Вадим не знал. А, может, просто первый раз в жизни спасовал перед проблемой? А потому надеялся всё-таки оставить детей с Ириной Петровной, мамой Полины. Конечно, обеспечивал бы их всем необходимым для достойной жизни и даже больше, но на расстоянии, издалека...

Апполинария, блин, Полька, из-за неё и начался разлад в их дружной жизни братьев-близнецов... Сколько Вадим себя помнил, они с Валькой всегда были вместе – двое из ларца, одинаковых с лица. Вадим был старше на целых 5 минут и всегда доминировал в их отношениях. Валентин был более покладистым, уравновешенным. Так что заводилой в их проказах являлся Вадим, а получали от родителей «на орехи» они всегда поровну. Когда выросли, замутили совместный бизнес, строительный, по специальности. Нашли свою нишу и дело попёрло. В личные дела друг друга не вмешивались.

Валентин относился к девушкам уважительно, но подруг выбирал тщательно и отдельно от Вадима, поскольку, когда они были вместе, девушки всегда западали, почему-то, на наглца и грубияна Вадима, а не на тихоню Валентина. Вадим с ходу предлагал понравившейся девушке совместное проживание, но честно предупреждал, что женитьба в его планы не входит, и «залёт» делу не поможет, поскольку единственное, что он в этом случае обещал сделать – это обеспечить высококачественный аборт.

Неожиданно Валька взбух, когда Вадим начал встречаться с Полиной, вернее, когда дело пошло к их расставанию. Он вдруг начал убеждать Вадима, что на таких светлых девушках надо жениться, а не выбрасывать на «помойку», как очередную надоевшую игрушку. Вадим совету не внял, а со смехом предложил Валентину жениться на Польке самому.

Примерно через неделю после разрыва Вадима с Полиной Валька уехал, сославшись на какие-то туманные дела, а вскоре позвонил и сказал, что в Москву не вернётся и что они с Полей решили пожениться. А ещё через какое-то время Вадиму пришло письмо из юридической конторы города Людиново, в котором ему предлагалось выкупить в течение месяца долю Королёва Валентина Анатольевича из их общего бизнеса, в противном случае будет найден сторонний покупатель. Вадим был возмущён до глубины души. Мало того, что брат бросил его с бизнесом одного, и ему приходилось крутиться, как белке в колесе, за двоих, так ещё и такие

грабительские условия выдвигает: срок был просто нереальный, а цена явно завышена. Но больше всего Вадима обидела манера – просто ультиматум врагу, а не общение с родным братом. Что там такого могла наговорить Полина, что спокойный Валентин так взбеленился? А то, что это её женские происки, Вадим ни на минуту не сомневался. Любую проблему можно решить мирным путём, да и не было никогда между братьями проблем до появления Польки. Ничего себе «чистая» и «светлая» девушка...

В Вадиме разыгралась гордость, он закусил удила, всеми правдами и неправдами в срок добыл требуемую сумму и отослал брату официальным путём. Их когда-то общий с братом юрист настаивал на переговорах и обещал снизить цену как минимум на треть, но Вадим упёрся. Тогда он чуть не потерял бизнес, созданный с нуля собственными руками, и ещё несколько лет выплачивал грабительские проценты тёмным личностям, но всё-таки выстоял.

С братом не общался, хотя где-то в глубине души лелеял надежду, что Валька одумается, разберётся в ситуации, и они помирятся. Он даже не собирался требовать извинений, достаточно было, чтобы брат просто позвонил. Он бы тогда сделал вид, что ничего такого между ними не произошло, что всё у них по-прежнему. И даже, скрипя сердцем, принял бы Полину. Но Валька всё не звонил и не звонил. И тогда Вадим позвонил ему сам, решив быть, как старший, более мудрым. Поздравил брата с их общим днём рождения. Через 3

года после разрыва. Валька не выразил ни удивления, ни радости. Вежливо, как чужого, тоже поздравил с праздником. И на этом общение между братьями прекратилось совсем.

Вадим не знал о существовании племянников до того страшного утра, когда в его квартире раздался звонок и какая-то женщина глухим голосом сообщила ему, что Валентин погиб. Вадиму всю ночь снились кошмары, голова утром раскалывалась, на душе было муторно и он никак не мог осознать того факта, что Вальки больше нет...

Вадим сорвался в Людиново даже забыв предупредить своего зама об отъезде. Дальше всё происходило как будто и не с ним, а в каком-то страшно нелогичном триллере: хлопоты с похоронами в чужом городе, не похожий на себя Валька в гробу (неволью закрадывалась спасительная мысль – может это всё-таки и не он, не его брат? Вот же его брат, только ещё маленький, стоит рядом нахмуренный и сосредоточенный), в соседнем гробу совсем не изменившаяся Полина (значит, счастлива была с братом, гадюка, раз так выглядит, а рядом почему-то она же, но ужасно старая и опухшая от слез, с какой-то испуганной девочкой на руках)...

После поминок, когда все разошлись, рыдал на кухне так, как не плакал никогда в жизни, даже на похоронах родителей, ушедших друг за другом с разницей в год, сначала отец, а вслед за ним мама. А старенькая *Полина*, которая оказалась её мамой, Ириной Петровной, гладила его по плечам и голове, и всё говорила и говорила какую-то чепуху, что на-

до держаться, успокоиться, жить дальше, ради детей («Каких детей? Чьих детей? Почему ради них он должен жить?»)...

В Москву, после следующих поминок на девятый день, Вадим уже вернулся с племянниками: десятилетним Толиком и трёхлетней Алёной. И что ему, одинокому, почти сорокалетнему мужику, делать с детьми не представлял совершенно. Но зато эти заботы отвлекали его от горя из-за потери брата и притупили странно огромное чувство вины перед ним за эту их нелепую ссору, которая накатила на него, как только он приехал в Людиново.

Всю эту грустную историю Вадим не рассказал Светлане в ресторане при их первых «переговорах», да и в дальнейшем не собирался делиться. Зачем? Чужой человек. «Жена» на короткий срок. Вообще-то было бы идеально, если бы она согласилась стать няней, а не женой, но предлагать ей это было бесполезно, это он почувствовал сразу.

Утром у него тоже было вполне бодрое настроение. Вадим даже не подозревал, как угнетала его ситуация с детьми, пока проблема не разрешилась. Он почувствовал такое облегчение, как будто снял с плеч огромный груз. «Килограммов этак сорок-сорок пять», – прикинул Вадим суммарный вес Толика и Аленки.

У него тоже к утру был готов план действий, хотя и не такой хлопотный, как у Светланы, поскольку заключался он в выдаче кучи поручений своему юридическому отделу.

Светлана была приятно удивлена брачным договором, подготовленным юристами будущего мужа. Ни на что её, ни во время их брака, ни после развода, Вадим не покушался, также как, впрочем, и не допускал в своё. Содержание на детей и неё выделил более чем достаточное, так что она смело могла свою зарплату отправлять в накопления. А ещё он ей дал карт-бланш по ведению домашнего хозяйства и переустройству двух комнат, в которых она будет жить вместе с детьми. При дополнительном ассигновании средств, которые надо будет с ним согласовывать отдельно и заранее. Но Светлану это нисколечко не смущало. Она по роду своей профессиональной деятельности всё время согласовывала договора, а потому ей очень понравился чёткий язык брачного договора. Всё ясно и понятно, и всё в рамках того, о чём они говорили в их вторую встречу в Макдональдсе.

На работе у неё всё тоже сложилось удачно. Она не знала, что уж там говорил Владимир Витальевич их хозяину, но она получила то, что хотела: укороченный рабочий день (с уменьшением зарплаты, конечно, но это на данный момент было не главным).

Они тихо расписались в районном ЗАГСе и уже через месяц получили на руки документы об усыновлении Королёва Анатолия Валентиновича и удочерении Королевой Елены

Валентиновны. В квартиру Вадима Светлана переехала ещё раньше, как только разобрала свои шмотки. Не смотря на бесконечные хлопоты, Света даже почувствовала некоторое облегчение, поскольку создалась очень необычная для неё ситуация, когда не все проблемы надо решать самой, а часть можно переложить на мужские плечи, и они, эти проблемы, как бы разрешаются сами собой.

А юрист у Вадима оказался вообще чистой воды бриллиантом. Помимо того, что он умудрился со сверхзвуковой скоростью оформить усыновление-удочерение, он ещё и раздобыл потрясающего детского психолога, который подсказал, как настроить детей, чтобы перемена в их жизни не стала для них шоком, и как Светлане общаться с Толиком, из-за чего та сильно переживала.

Сначала с Толиком разговаривал Вадим, разговаривал как со взрослым (так психолог посоветовала). В итоге мальчик остался в полном убеждении, что только с *его* разрешения в их жизни появилась Светлана. Потом они уже вместе разыграли целую сценку появления Светланы перед Алёнкой. Девчушка была счастлива и не отходила от Светланы ни на шаг. С Толиком не было всё так просто. Он находился в переходном возрасте, тонко чувствовал отношение к себе взрослых и остро реагировал. Он понимал, что для дяди Вадима они с сестрой обуза. И тётя Светлана относится к нему с опаской, а совсем не с той любовью, как к младшей сестрёнке.

Психолог хоть и готовила Светлану к неудобным вопро-

сам, которые мальчик может ей задавать первое время, но всё равно долго переживала и расстраивалась после каждого такого происшествия. Сначала Толик спросил:

– Как мне Вас называть?

– Может быть «тетя Света»? (психолог посоветовала по-больше ставить перед мальчиком вопросов, чтобы он сам находил ответы)

– Но ведь Аленка Вас «мамой» называет, а мы с ней брат и сестра...

– Я очень-очень хочу стать для вас мамой, но пока и сама не знаю – как?

– Мама у нас уже была... Другой нам не надо.

– Но ведь кто-то должен о вас заботиться?

– Ну, это пока мы маленькие. А я скоро вырасту и сам буду об Аленке заботиться.

– А когда ты вырастишь, тебе сколько лет будет?

– Наверное, лет пятнадцать...

– И ты в пятнадцать лет пойдешь на работу? А кем?

– Кем-нибудь, уж придумаю кем...

– Но ведь, чтобы много зарабатывать, надо получить какую-нибудь профессию, а для этого надо сначала школу закончить. Так?

– Наверное.

– А школу заканчивают в семнадцать лет. А потом институт ещё пять лет. Это тебе уже двадцать два года будет. А сейчас десять. Вот и получается, что до твоей самостоятель-

ности ещё как минимум двенадцать лет – больше, чем тебе сейчас.

– Всё равно Вы – не мама. Я так и Алёнке скажу, когда она подрастёт.

– Конечно, мы всё Алёнке расскажем. Вместе расскажем. Никогда не надо забывать своих родителей. А пока просто попробуем быть друзьями, хорошо?

Толик очень знакомо передёрнул плечами и, оставив последний вопрос, а вернее, предложение, без ответа, ушел в свою комнату.

Но Светлана была рада хотя бы тому, что специально он не вредничал, сестренку, когда она при нём называла Свету «мамой», не одёргивал. Вадима он просто игнорировал, да тот и редко виделся с новоявленной семьёй. Выходные в строительном бизнесе не предусмотрены, а когда он собственный, так и тем более. А за Светланой Толик наблюдал настороженно-ревниво. Света же старалась уделять детям равное внимание и во все игры и занятия привлекать их обоих. Поначалу Толик от многого отказывался, а Светлана и не настаивала. Но постепенно мальчик почувствовал, что сидеть одному дома не так уж и весело, тем более что Алёнка со Светланой всегда возвращались радостно-возбуждённые, и сестренка сразу же торопилась поделиться новыми впечатлениями с братом. Так постепенно и Толик втянулся в общие прогулки. Но Светлану по-прежнему не называл мамой, вообще никак не называл. Психолог успокаивала Светлану,

что ничего страшного в этом нет.

Месяц отпуска, который брала Светлана для обустройства на новом месте и налаживания отношений с детьми, закончился быстро. Она вернулась на работу. Толик продолжал ходить в школу, а Аленка пошла в детский садик. Жизнь начинала входить в рутинную колею.

7

Для Вадима «семейная» жизнь ознаменовалась новыми запахами. Раньше в городской квартире он только ночевал, и тогда она ничем не пахла. Или в ней временно селилась очередная подружка, и тогда квартира пропитывалась её духами. Четыре месяца после смерти брата в доме пахло терпким запахом горя, так что щипало в носу и наворачивались слёзы. А с появлением Светланы в доме стало пахнуть едой.

Вот и сегодня, как только он поздно вечером переступил порог собственного дома, в нос сладко ударил запах свежей выпечки и чего-то ещё острого. У Вадима от голода заныл желудок, а рот наполнился слюной. Не в силах совладать с собой, мужчина прямым ходом отправился на кухню. На столе в миске аккуратной горкой лежали малюсенькие булочки и, даже накрытые целлофаном, издавали аппетитный аромат. Источник острого запаха впрямую не наблюдался. Вадим стал осматривать содержимое кастрюль на плите и выронил крышку, которая в сонной тишине квартиры звонко

грохнулась на пол и завертелась на набалдашнике.

Через пару минут в кухню заглянула разбуженная Светлана.

– Очень кушать хочется, – виновато произнес Вадим.

– Будешь борщ с пампушками²?

– Буду. А что такое пампушки?

– А это вот эти маленькие булочки, – и Светлана указала на соблазнительно пахнущую миску. Только по правилам их надо с заправкой кушать, а она с чесноком. Делать? Будешь завтра на работе как огнедышащий дракон.

(«Так вот чем так остро и возбуждающе аппетит пахло!», – понял Вадим).

– А, давай! От моих работяг не убудет. А ты как же в своём рафинированном офисе будешь?

– А у меня завтра суббота – выходной. Это у тебя все дни недели понедельник. А к моему понедельнику всё выветрится, – ответила лукаво Светлана, наливая борщ в меньшую кастрюлю для разогрева. А потом приступила к изготовлению заправки, в которую потом вывалила пампушки и тщательно перемешала.

Вообще-то Светлана до этого никогда себе не готовила. Но когда в её жизни появились дети, она очень обрадовалась, что в своё время откопала на одной из кухонных полок старую мамину тетрадь, полную рецептов и заготовок, и повседневных блюд, и праздничных тортов. И рьяно взялась её осваивать. И у неё получалось! И даже понравилось! «Оста-

лось ещё полюбить стирать мужские носки», – подумала она с иронией над собой, когда освоила приготовление борща.

Светлана поставила перед Вадимом полную тарелку с борщом, щедро заправила его сметаной, пододвинула миску с остро пахнущими пампушками и ушла спать. А у Вадима начался пир. Он дочиста выскреб тарелку борща и не смог остановиться, пока не доел все до единой пампушки. Чувствовал себя как удав, целиком проглотивший слона. Но абсолютно счастливый удав. А ночью он себе снился в образе огромного дворового пса, который сидит на задних лапах перед миской в ожидании когда ему хозяйка вынесет сахарную косточку. Пёс радостно вилял хвостом в предвкушении сладкого лакомства, а из его разинутой пасти свисал язык, с которого капала слюна. Не смотря на неприглядность картины, Вадим отправился на работу «дышать огнедышащим драконом», как выразилась Светлана, в самом радужном настроении.

С тех пор Вадим пристрастился по вечерам кушать дома. Светлана не возражала. Она всё время боялась, что порции получатся маленькие, и дети не наедятся, поэтому в итоге готовила большими кастрюлями. И еда всё время оставалась. А так хоть мужчина подьедал.

² – рецепт пампушек

Ингредиенты:

Тесто:

мука,
½ пачки свежих дрожжей,

200г молока 3,2%,

2 яйца,
50г сливочного масла,
½ чл соли,
растительное масло

Заправка:

3-4 зубочка чеснока,
соль по вкусу,
2-3 ст.л растительного масла

Способ приготовления:

Яйца взбить с солью и сливочным маслом, добавить молоко и дрожжи. Всё хорошо перемешать в однородную массу. Постепенно добавлять просеянную муку в кастрюлю с мас­сой и замешать квёклое тесто. Поставить его в теплое место (можно на электрогрелку), чтобы оно подошло. Один раз тесто «осадить», помешать и дать ему ещё раз подойти.

Налить в плоскую широкую тарелку растительное масло и выливать туда примерно по 1/3 теста, расправить по тарелке

и обмакнуть в масле с обеих сторон. Острым ножом, смоченном в растительном масле, отрезать от теста маленькие кушочки (~ 30г), обваливать их в масле и выкладывать на противень близко друг к другу. Выпекать в духовке при температуре 150°-170° до румяного цвета.

Выдавить чеснок через чесночницу, добавить соль и растительное масло. Охлажденные пампушки высыпать в миску с заправкой частями и хорошо обваливать.

8

Алёнка заболела совершенно неожиданно. Утром Светлана отвела её в детский сад абсолютно здоровой, а в обед ей уже позвонили, что у малышки температура 38. В полной панике Света вылетела с работы, по дороге вызвала педиатра и детскую скорую, и сорвала с работы Вадима. В итоге все съехались одновременно и бестолково толклись в коридоре. Особенно недовольна была пожилая врач-педиатр.

– У вас что, ребёнок первый раз в жизни заболел, что мамаша так паникует из-за температуры? – сердито спросила она у Вадима.

– Не знаю, – огорошил врача ответом новоявленный отец семейства.

«Та ещё семейка, – огорчённо подумала педиатр, поскольку адрес был на её участке, – Мамаша паникёрша, а папаша пристукнутый какой-то». Врача тоже можно понять: но-

ябрь, самый пик простудных заболеваний. Врачей не хватает, участок огромный, а годы уже дают о себе знать. Но делать нечего, придётся общаться. И она терпеливо и подробно расписала испуганной женщине, что и как надо делать, а Вадима отправила за кучей лекарств по списку («Надо же! У них двое детей, а дома даже градусника нет!»).

Светлана села на свой первый в жизни больничный, но на работе была очередная запарка, и ей пришлось работать на дому. Благо, что компьютер под рукой. Но всё-таки, кое-какие документы нельзя было пересылать по почте, и Светлана была вынуждена оставлять Аленку на Толика, чтобы съездить за ними на работу. Температуры, слава богу, у малышки уже не было, и она пошла на поправку. Но зато к концу недели с температурой уже свалился брат. И первый больничный плавно перетёк во второй. А на кухне пришлось выделять ящик под лекарства, количество которых росло как на дрожжах.

Следом за детьми температура свалила и саму Светлану, что и не удивительно – детская зараза прилипчивая. Но с собой она справилась быстро. Паники, которая мешала трезво мыслить и четко соображать, когда болели дети, по поводу себя у неё не было. Пара дней убойных таблеток и неделя протечки носа, как из крана, вот и вся болезнь.

А вот уж когда пришлось поплясать, так это когда зараза добралась до Вадима. Сначала ему действительно было очень хреново. Температура то взлетала почти под 40 и то-

гда он плавился от жара, голова раскалывалась от боли, а всё тело ломило, то резко опускалась вниз – и тогда он весь покрывался холодным липким потом и его начинало трясти. А когда эта свистопляска закончилась, ему очень понравилось болеть, потому что за ним ухаживали, почти как в детстве мама. И он капризничал, как малое дитя. Опять же, вкусное трёхразовое питание в постель. М-м-м... Только когда Вадим заметил, какие подозрительные взгляды стала бросать на него Светлана, он понял, что со спектаклем пора завязывать. А то так и схлопотать подзатыльник можно. Ну, это он, конечно, преувеличил, насчет подзатыльника, но так приятно, когда над тобой квохчут и хлопают крыльями...

А ещё Вадим заметил, как сдружились Светлана и дети, даже настороженность Толика куда-то исчезла. И остро почувствовал себя отдельно от них. С мамы мысли перекинулись на отца. Поневоле вспомнилось, как они ходили с отцом на рыбалку, и он учил их насаживать на крючок вертлявого червяка и правильно забрасывать удочку. А потом они с Валькой соревновались, кто больше наловит рыбы и кто поймает самую большую... От этих воспоминаний стало ещё тоскливее...

Была у этого болезненного ноября и положительная сторона: Толик, насмотревшись, как отчаянно сражается с их болезнями Светлана, начал оттаивать и у него даже стало проскакивать в обращении к ней что-то скомканное, но очень похожее на «мама». Когда женщина это осознала –

чуть не разрыдалась, хотя психолог и предупреждала её, что так и будет. Но она-то ей не верила!

А окончательно сорвало плотину отстранённости Толика после того, как Светлана вступила за него в настоящее сражение. Она шла в школу на родительское собрание, когда увидела Толика, окружённого взрослыми пацанами, на заднем дворе. С криком: «А ну, отстаньте, от моего сына!» Светлана врзалась в группу ребят, некоторые из которых были почти её роста, и начала раздавать удары своей сумкой направо и налево. Воодушевленный такой поддержкой начал махать портфелем и Толик. И пацаны ретировались. И «мама» у Толика стала произноситься легко, естественно и чётко.

9

На конец декабря Вадим получил приглашение на Новогодний приём руководителя Департамента строительства города Москвы, как директор одной из подрядных организаций успешно выполнившей работы по государственному заказу в прошедшем году. Помимо торжественной части, на которой будут вручаться Почетные грамоты и Благодарности (что-нибудь Вадим надеялся получить), также, как и в прошлом году, предполагался небольшой концерт, щедрый фуршетный стол и даже танцы под живой оркестр.

В прошлый раз Вадим пошёл на мероприятие один, а в

этот раз сам бог велел взять с собой жену. Тем более что торжество начиналось в 16 часов и уйти после торжественной части можно было в любой момент. Толик уже несколько раз забирал Аленку из садика сам, когда Светлана была вынуждена задерживаться на работе (увы, иногда это всё-таки случалось), еда была заготовлена и разложена по кастрюлям, а к укладыванию детей спать супруги собирались вернуться.

Светлана всё равно очень волновалась и кинулась звонить Толику сразу после торжественной части. Толик, гордый осознанием взрослого поручения и своей самостоятельности, доложил, что они оба чувствуют себя хорошо, покушали, Алёнка играет, а он делает уроки и просит ему не мешать звонками. «Вот нахалёнок!», – подумала Светлана, но от сердца отлегло, и она с удовольствием окунулась в праздничную атмосферу вечера. Как давно у неё не было праздника!

А вот Вадим, если бы знал, какую бурю эмоций ему придётся испытать на этом вечере, десять раз бы подумал – брать с собой жену или нет! Сначала всё было очень даже здорово. Светлана сделала причёску, навела макияж, надела длинное вечернее платье, очень соблазнительно подчеркивающее её фигуру, и классические лодочки на высоком тонком каблучке. Вадим поневоле залюбовался женой. Светлана и дома не позволяла себе затрапезного вида, и на работу ходила при параде, но всё же там был строгий офисный костюм и сдержанный макияж, а здесь – праздничная одежда плюс радост-

ное настроение. Оглядев окружающих, Вадим сделал вывод, что, пожалуй, они со Светланой здесь самая красивая пара, что доказывали ещё и заинтересованные взгляды мужчин, то и дело оборачивающихся на его спутницу. Его настроение и так не плохое, ещё больше поползло вверх. Потом он получил вожделенную Благодарность от Департамента и успел заметить гордость за него в глазах Светланы, что ещё добавило ему градуса радости. Вадим уже предвкушал, как они со Светланой будут плыть в медленном танце, и поэтому очень обрадовался, что концерт был коротеньким.

Он всего-то отошел от Светланы на несколько минут заскочить в туалет и выкурить сигарету, а когда вернулся, никак не мог её найти в праздничной толпе. Настроение начало падать. А когда увидел её танцующей медленный танец в паре с импозантным высоким мужчиной, и при этом они ещё и весело щебетали что-то друг другу на ушко, настроение просто провалилось в тартарары. *Его* женщины так себя не ведут! В глазах потемнело, руки сами собой сжались в кулаки, как смог удержать себя от скандала и сам не знал. Бесконечный танец закончился, но парочка и не думала расходиться, оставшись на месте и продолжая разговаривать в ожидании следующей музыки. Этого Вадим допустить не мог. Хватит! Дудки! Он протиснулся между людей, схватил Светлану за руку и бросив фразу: «Нам пора уходить!» поволок её из зала.

– Что-то с детьми? – испугалась Светлана.

– Нет. Просто праздник закончился.

В такси Светлана искоса поглядывала на насупившегося Вадима и ничем не могла объяснить его поведение, кроме как... ревностью. Видимо, он из тех неандертальцев, которые считают *своим* всё, что попадает в поле их зрения. И неважно, что она всего лишь фиктивная жена, раз жена, то – к ноге и стоять по стойке смирно. А как же свобода в интимном плане, прописанная в брачном контракте? Светлане было даже трудно представить, как бы Вадим себя вёл, заведи она любовника, если он так вспылит из-за какого-то несчастного танца. Интересно, а у него-то самого любовница есть? Все выходные «работает», домой возвращается поздно, наверное, есть. Правда последнее время стал возвращаться пораньше, но всё равно ни у кого не может быть рабочего графика каждый день до девяти часов вечера...

Чтобы хоть как-то разрядить грозовую обстановку Светлана ответила на вопрос, который так и не задал Вадим:

– Это был мой руководитель дипломной работы, Эдуард Афанасьевич. Он меня в своё время очень уговаривал остаться на кафедре и поступить в аспирантуру, а я не захотела. Ему было любопытно узнать, как сложилась моя жизнь и карьера. Как раз, когда нам пришла «пора уходить», -не смогла удержать себя Светлана от передразнивания грубой фразы Вадима, – я хвасталась мужем и детьми...

Фраза повисла в воздухе, так как Вадим ничего не ответил. Да и что он мог сказать? Вадим и сам не понимал, что на

него нашло. Ревность он раньше не испытывал, как-то никто повода до этого не давал. «Вот я, мудака, – ругал он себя, – не психанул бы, сейчас бы праздник продолжался». «А и Светка тоже хороша, могли бы со своим Эдуардом просто поговорить, а не обжиматься в танце», – всё равно нашёл он себе оправдание.

10

30 декабря дети со Светланой отправились на недельку к бабушке, Ирине Петровне. Вадим посадил их на поезд и опять нашёл повод надуться: почему ему никто не предложил поехать вместе? Он бы, конечно, отказался, но предложить-то можно было? Но Светлане было не до надуманных обид мужа, она очень волновалась, одобрит ли её пожилая женщина? Как отреагирует, что дети её дочери называют чужую женщину «мамой»? Как будут чувствовать себя дети, когда придут на могилы родителей?

Светлана, конечно же, чувствовала, что после Новогоднего праздника, так быстро закончившегося, равновесие в доме нарушилось. Но, в конце концов, она ни в чём виновата не была: ни по сути, ни по букве закона, то есть брачного договора. Поэтому она решила разобраться с этим после возвращения с каникул. А, может, оно и само рассосётся за это время.

А Вадим решил, что раз уж его не взяли с собой, то он имеет полное право оттянуться на всю катушку. И вообще пришёл к выводу, что психованный он стал, потому что у него уже давно не было секса. Что он и собирался восполнить, подцепив какую-нибудь красотку в компании, с которой собирался встречать Новый год. Деньков пять покуролесить, а там и подоспеет время ехать на их традиционную с ребятами трёхдневную подлёдную рыбалку. Мороз, солнце, свежая уха и вяленая рыбка, водочка, банька – эх, хорошо-то как!

Но как-то и этот новогодний праздник у Вадима не задался. Вроде всё было как всегда: и старые друзья, и новые лица, и шикарный стол, и веселая музыка. И женщины поглядывали на него зазывно. Но – не срослось. Еле дождался полуночи и слинял домой. А дома ещё большая тоска навалилась. Как ни странно, очень чувствовалось отсутствие Светланы и даже... детей. Светлана-то ладно, тут ещё кое-как понятно. Оказывается, он уже привык к их ежевечернему, пусть и короткому, общению.

Светлана укладывалась спать рано, сразу вслед за детьми, поскольку была ярко выраженным «жаворонком». Но когда Вадим возвращался домой пораньше, она сама ему подавала на стол ужин. А если поздно, то оставляла записочки, что где взять. И он незаметно для себя стал возвращаться домой раньше, чем обычно. Пока Светлана подогревала ему ужин, а потом он с аппетитом его ел, она успевала расспросить его

о работе и рассказать о том, что произошло в жизни детей за этот день. Так виртуально они присутствовали в его жизни. И оказалось, что ему очень этого не хватает...

К долгожданной рыбалке Вадим отлежал все бока на диване, съел всю заготовленную ему Светланой про запас еду и даже «дежурные» пельмени. Да, шикарно удалось оттянуться на всю катушку! На рыбалку уехал в прекрасном настроении – знал, что время там пролетит быстро, а на следующий день после возвращения ему предстоит встречать *своих* на вокзале.

11

Вадим заскочил в очередной Макдональдс погреться и перекусить. Оглядываясь в поисках свободного места, он чуть не выронил из рук поднос, полный еды, увидев за столиком у окна Светлану с каким-то молодым мужчиной. Они мило беседовали, и, кажется, им даже было весело!

Каникулы закончились. Дети и Светлана благополучно вернулись. Жизнь вошла в привычную колею. Напряженность между взрослыми исчезла сама собой к их обоюдному облегчению. И вот на тебе, опять! Вадим грозно двинулся по направлению к парочке, но в последний момент зарулил за соседний стол, сдвинув в сторону ещё неубранные подносы с остатками еды от предыдущих едоков. Уселся спиной к спине Светланы, чтобы та его не увидела, и подумал зло:

«Очередной преподаватель? Что ж, послушаем!»

– ... Вот так ничем и закончилась моя экспедиция. Ну, а ты как? Выглядишь как-то по-другому.

– Постарела?

– Да, ладно тебе! Выглядишь прекрасно. Только серьезнее, что ли. Не пойму пока. Только Светиком-семицветиком уже не назовёшь...

Светлана рассмеялась:

– Да, уж, порхать стрекозой с цветка на цветок уже некогда. Двое детей, муж, работа...

– Ты ещё и работаешь? Что ж так? Он вроде у тебя не из бедных?

– Он предлагал, но я сама не захотела. («Зачем она врёт?», – подумал Вадим) Ты же знаешь, как я люблю свою работу. Дети замечательные, я всё успеваю. Толик такой серьёзный, знаешь, ещё мальчишка, всего десять лет, а уже маленький мужчина. На него можно положиться. А Алёнка такая забавная, каждый день какие-нибудь перлы выдаёт. Я даже в тетрадку начала записывать. И такая умная. Три года всего, а уже читает сама, представляешь? Мы с ними вместе и на каток, и в кино, и на санках...

– А муж?

– Он тоже вместе с нами, когда может. («Опять врёт», – отметил про себя Вадим). Он так вкалывает. Уходит рано утром, а возвращается поздно вечером. Сидит за ужином, прямо носом клюёт... А ты можешь себе представить, что я

научилась готовить?!

– Ты? Да ладно заливать. Ты же утверждала, что бутерброд – это венец твоих кулинарных способностей.

(«Бутерброды мы, значит, по утрам кушали», – опять начал заводиться Вадим).

– А теперь варю борщи и стираю мужские носки – и счастлива!

(«Во, даёт! Какие носки она стирает?», – удивился Вадим)

– И это *ты* варишь борщи и стираешь носки?! Не узнаю тебя, Светик. Не верю! Ты, которой кофе – в постель, если в театр – то только на первый ряд, а если в отпуск – то не ниже пятёрки в Куршавель³!

– Знаешь, когда дети меня называют «мамой», мне до сих пор плакать хочется, а сердце от любви растекается лужицей, – после небольшой паузы ответила мужчине Светлана.

– И с мужем, конечно, любовь-морковь?

– Хочешь – верь, не хочешь – не верь, но всё прекрасно!

(Сердце у Вадима предательски ёкнуло)

– И он знает, какой у тебя любимый фильм? И какие цветы ты любишь? Может быть, он их тебе даже дарит каждую неделю?

– Никита, а ты чего такой злой стал?

– Извини-извини. Но что-то ты больно приторную картину рисуешь.

– Знаешь, а у тебя как-то очень на зависть похоже. У тебя был шанс, но ты им не воспользовался.

(«Какой это у него был шанс? На что?», – насторожился Вадим)

– Я подумал, что у тебя это просто блажь. Побегашь, по-суетишься и успокоишься. Поэтому и в экспедицию уехал, чтобы дать тебе время одуматься.

– Надо же, а я подумала, что просто струсил, – ехидно припечатала Светлана.

(«Вот, колючка!», – Вадиму даже стало жалко мужика). А Светлана между тем продолжила его добивать:

– И, кстати, возвращаясь к вопросу о цветах. Представляешь, мне на свадьбе Вадим подарил букет из моих любимых белых лилий, хотя и не знал тогда, что они одни из моих любимых, просто почувствовал (Вадим начал судорожно вспоминать, какой букет был у Светланы в ЗАГСе, и ничего не вспомнил. Вроде как, вообще никакого букета не было). Ну, а до моих любимых ландышей в мае ещё надо дожить. Тебе доложить, как получится?

– Светик, ну ты чего так завелась?

– Я думала, что мы друзьями останемся, а ты всё время ёрничаешь и стараешься подколоть.

– Извини-извини.

(Судя по голосу, мужчина совсем поник. «Вот, тряпка!», – с презрением подумал Вадим)

– Ладно, мир! Ты мне, кстати, отличную идею подал. На-счёт лыж. Я, правда, не знаю, катается ли на горных лыжах муж, как-то речь о них не заходила («Ещё как катаюсь!», –

возликовал Вадим), но надо будет с ним поговорить о поездке хотя бы на недельку вместе с детьми. Так что, спасибо тебе большое! Ну, что, давай уже разбежаться, а то я на работу опоздаю...

Они ещё о чём-то говорили, когда уходили вдвоём, но Вадим их уже не слушал. Он думал о том, можно ли в Москве достать зимой букет ландышей?

³ – элитный горнолыжный курорт в Швейцарии

12

Оказалось, можно! Можно достать и ландыши зимой, и подснежники! Так что сказка «Двенадцать месяцев» стала не актуальна, или предвосхитила реальность, как на это посмотреть. После удачи в поиске цветов, Вадим задумался, на какой праздник их подарить. Просто так, с бухты-баракты, вручать не хотелось, до ближайшего более-менее праздника – Дня святого Валентина 14 февраля или Дня всех влюблённых было далеко, да и как-то выглядело претенциозно. Опять выручил интернет. Покопавшись, Вадим нашёл симпатичный такой, с юмором, праздник 21 января День объятий⁴ и уже заранее предвкушал, как удивится и обрадуется Светлана. Опять же, обнимашки-прижимашки!

21 января был обычным рабочим днём. Светлана, как все-

гда, после 17 часов забрала Алёнку из садика и по дороге домой строила планы: что приготовить на ужин и как подкатиться к Вадиму с идеей поездки за границу с детьми, чтобы покататься на горных лыжах. Любимая Швейцария отпала сама собой даже не из-за дороговизны, а из-за отсутствия детских садиков, куда можно было пристроить Алёнку в первой половине дня (ей встать на лыжи Светлана считала ещё рановато), пока Толик будет в группе по обучению, а она сама сможет пару часиков погонять по склонам. По совокупности всех этих параметров подошла Австрия, особенно Серфаус с огромным детским парком, где не то что полдня, как и целый день пройдёт – и не заметишь.

Они с Алёнкой открыли дверь в квартиру и так и замерли на пороге: их мужчины, одетые в одинаковые по цвету пиджаки и брюки, что делало их копиями друг друга, встретили громогласным:

– С днём объятий! Ура! Ура! Ура!

Толик держал в руках огромного белого медведя, который вдруг тоже заговорил, причём голосом Вадима: "Найду! Обниму! Не отдам никому!", что, как оказалось, было девизом праздника.

А Вадим держал в руках маленькую корзинку с... ландышами. Нет, не так. Большими буквами: ЛАНДЫШАМИ! ЗИМОЙ! ЕЁ ЛЮБИМЫМИ! Но как? Как он догадался? Где достал в заснеженной Москве майское чудо?

Алёнка запрыгала от радости, обнимая мягкого Мишку,

который был почти с неё ростом, а Светлана от радости и смущения уткнулась носом в ароматное чудо.

– А нас обнять? – шутивно-строго произнёс Вадим.

После обнимашек чудеса продолжились, потому что на кухне девочек ожидал праздничный стол с кучей вкусняшек. Алёнку еле за него усадили, поскольку весь потолок был усеян разноцветными воздушными шариками с длинными блестящими ленточками, которые малышке тут же захотелось собрать. «Моя идея», – с гордостью шепнул Толик на ухо Светлане.

Светлана, конечно, замечала, что Вадим с Толиком последнее время сдружились, что и радовало её и огорчало одновременно («Так, об этом пока не думать, – приказала себе мысленно Светлана, – сосредоточься на празднике») но и представить себе не могла, какой сюрприз они готовили. Дети от всей души наслаждались тёплой атмосферой первого семейного ужина. А взрослые коротко поглядывали друг на друга: Светлана – блестящими от радости, но слегка растерянными глазами, а Вадим с удовлетворением от её реакции и хитринкой в глазах: «То ли ещё будет!»

Когда трапеза подошла к торту, Вадим взял слово:

– У меня есть одна идея. Выношу её на всеобщее обсуждение: в конце февраля *всем* взять недельку отпуска и поехать в Швейцарию покататься на горных лыжах. Мы с Толиком – за! А, кстати, наша мама катается на горных лыжах? – добавил Вадим лукаво.

– Катается, – на автомате ответила Светлана, а сама подумала: «Так не бывает...Какой-то всемогущий Дед Мороз получается...»

А Алёнка просто захлопала в ладошки. Ей понравилось, что они все вместе куда-то поедут, это-то она поняла, а куда и зачем ей было не важно.

Остаток вечера прошёл в обсуждении поездки. Загранпаспорта детям взялся быстренько сделать Вадим. Он уже даже успел посоветоваться со своим юристом. Зная волшебные возможности его юриста, сомневаться, что всё будет сделано в кратчайшие сроки, не приходилось. Найти нужный тур поручили Светлане, тем более, что она уже практически вопрос проработала, а замена Швейцарии на Австрию никого не огорчила. Какая на фиг разница?! Главное, что все вместе и всех это радует!

Вадим лежал в своей кровати и очень надеялся, что Светлана, когда уложит детей спать, придёт к нему. А пока минута за минутой вспоминал весь сегодняшний вечер. Как менялось выражение голубых глаз Светланы: удивление – изумление – радость – вопрос – растерянность – грусть (вот это было не понятно) – воодушевление. Вместе с выражением менялся и цвет: от прозрачно-голубого до тёмно-синего. Конечно, в палитре не хватало обожания и желания, но он твёрдо знал, что и эти чувства не за горами.

Но вот квартира погрузилась в сонную тишину, а жена так

и не пришла, и Вадим понял, что ему предстоит очередная ночь с неудовлетворённым желанием. Несмотря на физические неудобства, мужчина был доволен сегодняшним вечером. Вадим никогда в жизни не добивался ни одну из своих женщин: взгляд – ответный взгляд, и всё понятно. А сейчас процесс обаяния и завоевания собственной жены ему чрезвычайно нравился. Это было как новая заковыристая многоуровневая игра, которую точно знаешь, что в итоге пройдёшь, но и не форсируешь конец, заставляя шарики в голове крутиться в поисках правильного решения и с замиранием сердца ожидая, что же там, за поворотом, на следующем уровне тебя ожидает.

То, что жена на самом деле фиктивная, на короткий, оговоренный брачным договором, срок, у Вадима совершенно вылетело из головы. И он заснул со счастливой улыбкой на губах.

⁴ – День объятий – праздник довольно молодой, причем празднуется два раза в год – 21 января (Национальный день объятий) и 4 декабря (Международный день объятий). В этот день принято обнимать не только знакомых, но даже совершенно незнакомых людей. Во время дружеских объятий люди обмениваются положительной энергией. А ученые даже выяснили, что для полного счастья каждый должен обниматься, по крайней мере, 8 раз в день.

А Светлана никак не могла заснуть, мешали тревожные мысли. «Что это было сегодня? Обхаживает он меня что ли?» Если бы не брачный договор, с чётко прописанной неординарной их ситуацией, она бы так и решила. Его взгляды, поступки – всё говорило об этом. Надо бы сесть и откровенно обо всё поговорить, но получалось как-то глупо: он ей – ландыши, а она ему в глаза бумажкой тыкать будет??? Да и не было у неё пока сил на этот сложный разговор. Она ещё разговор с Ириной Петровной не переварила... Как же всё запуталось!..

Ирина Петровна приняла Светлану со сдержанным достоинством, присматривалась к ней несколько дней. На детские обращения к чужой женщине «мама» – никак не реагировала. А Светлана успокоилась и заужала пожилую женщину уже на второй день их приезда, когда Ирина Петровна предложила не брать на кладбище Алёнку, а сходить туда вдвоём Светлане с Толиком. Светлана, которая очень переживала, как отреагирует малышка на такую тяжёлую процедуру, была ей очень благодарна.

Когда Светлана увидела на черном могильном камне цветную керамическую фотографию, чуть не грохнулась в обморок, хотя и понимала теоретически, что братья-близнецы должны быть похожи друг на друга: на неё смотрел Вадим.

Вадим, живой Вадим, только вчера провожавший их на вокзале. Светлана судорожно прижала к себе Толика, как бы ища в мальчике опору, и с трудом перевела взгляд на соседнюю фотографию женщины. Неудивительно, что маленькая Алёнка приняла Светлану за свою маму. Нет, они не были похожи с Полиной напрямую, особенно выражением лица: Светланино лицо отражало её уверенность в себе, а лицо Полины те черты, которые Светлана хотела бы видеть в себе: мягкость и женственность. Объединяло их лица и делало слегка похожими друг на друга только общие черты: голубой цвет глаз, пушистые, чуть волнистые волосы, полноватые губы... Они с Толиком разгребли немного снег перед памятником, установили принесённую с собой корзинку с искусственными цветами и молча вернулись домой.

А дальше каникулы покатались уже без особых переживаний. Они весело катались на санках, лепили снеговиков, подкармливали красногрудых снегирей (в Москве такого чуда Светлана уже давно не видела), вездесущих воробьёв и важничающих голубей. Помогали Ирине Петровне по хозяйству. Её домик хоть и числился в городской черте, но находился на окраине, а потому немудреное хозяйство – огород и кролики, имелось. Огород был под снегом, а кролики, вместе с живущим в будке во дворе ленивым псом Шариком неопределяемой породы, были источником бесконечной радости и игр для обоих детей.

Накануне отъезда Ирина Петровна позвала Светлану на

разговор. Они уложили детей, сели за стол с обязательным ежевечерним чаем, и Ирина Петровна обрушила на Светлану рассказ о семейной жизни брата Вадима – Валентина с её дочерью Полиной.

Полина, оказывается, сначала познакомилась с Вадимом, и они даже жили какое-то время вместе. И хотя Вадим сразу предупредил девушку, что жениться не собирается, влюблённая по уши Полина втайне надеялась, что чудо произойдёт именно с ней. Да и какая девушка на её месте не надеется на сказку? Но Вадим как-то быстро охладел к Полине, а она как раз в это время поняла, что беременна и, зная, что предыдущих своих пассий любимый отправлял на аборт, нашла в себе силы уйти от него, ничего ему не сказав. Уходить было некуда, кроме как вернувшись к мамочке в родной город Людиново.

Ирина Петровна не осуждала дочь, наоборот, была горда первым таким решительным её поступком, поскольку росла Полина мягким до слабости, застенчивым человеком, а, учитывая, что родила её Ирина Петровна поздно, то очень переживала – как Полина будет преодолевать жизненные трудности, когда её не станет? Но, значит, есть в девочке внутренний стержень, а остальное – приложится. А ребёнок – что ж, это радость и счастье! Как-нибудь лет 10-15 Ирина Петровна ещё надеялась проскрипеть, так что поднять его на ноги успеем.

Через неделю в Людинове Полину нашёл Валентин. Изве-

стие о её беременности от брата не охладило его любовь к Полине. И через месяц они расписались. Любила ли Полина Валентина, Ирина Петровна не знает до сих пор. Скорее его любви хватало за двоих. Но жили супруги мирно. На семейном совете Валентин объявил, что в Москву они не вернуться, а будут обосновываться здесь, в Людиново. И ещё: Вадим о ребёнке узнать не должен.

Вскоре молодые купили квартиру в центре Людинова и съехали от Ирины Петровны. Валентин открыл небольшой магазин по продаже строительных и хозяйственных материалов. Откуда у него деньги спрашивать в голову не приходило. Москвич, что тут скажешь, они все богатые. А через семь месяцев родился мальчик, назвали Анатолием в честь дедушки, отца Валентина и Вадима. Анатолий Валентинович. Брату Валентин ничего не сообщил, и вообще прекратил с ним все контакты, и даже, как будто, побаивался его.

Только когда Ирина Петровна познакомилась с Вадимом на похоронах, она поняла, почему Валентин занял по отношению к брату такую жёсткую позицию. В Вадиме чувствовалась сила и власть. Такой *своё* никому не отдаст, и не важно, нужно оно ему самому или нет. Потому Валентин и боялся, что Вадим может забрать сына. Потому и отрезал всё под корень.

– Ты уж сама, Светочка, реши – рассказывать всё это мужу своему или пока нет. Ты, я вижу, деток обоих любишь одинаково, а вот он как к Алёнке будет относиться, когда узнает

про родного сына – не знаю. И дети тебя любят, *мамой* зовут. Ты не переживай, я этому только рада. Ты – сильная, не то, что моя Поляночка была... Ты детей на ноги поставишь, я в этом уверена. Только и меня уж, старуху, не забывайте, хоть иногда навещайте, пока я жива, – закончила разговор Ирина Петровна.

А Светлане в сердце заползла холодная змея ужаса. Разве можно скрывать от отца, что у него есть родной сын? Нельзя не сказать. И сказать нельзя – ведь не отдаст он ей тогда Толика. Перелопатят со своим бриллиантовым юристом брачный договор и найдут, за что зацепиться, чтобы не выполнить его условия. Уж она-то это знала по собственному опыту. Знала бы Ирина Петровна, какую ношу взвалила на Светланины плечи, – не называла бы сильной. Ну, как найти силы на такой разговор? Когда читаешь в книгах или смотришь в фильмах, как герои маются от надуманных проблем, думаешь: чего уж проще, сели бы да откровенно поговорили (правда, тогда как бы сценаристы высасывали из пальца 200 серий?). А, когда доходит до собственной ситуации... Какая она сильная? Хотелось по-бабьи выть, уткнувшись в подушку.

Так и не найдя выхода из этого тупика, Светлана решила отпустить от себя ситуацию. А после сегодняшнего со всех сторон необычного вечера и тем более. «Посмотрим, что будет во время отпуска», – решила она. Трусость, конечно, но на другое решение сил не было.

В Серфаусе Вадим гонял по черным трассам, Светлана рассекала по красным, Толик занимался в группе начинающих сверстников, а Аленка с удовольствием ходила в детский садик. Уходить из него не хотела, ускользала юркой змейкой и пряталась. Приходилось всем вместе её отлавливать, а Вадиму потом тащить, брыкающуюся, в отель. Там она, правда, быстро успокаивалась очередной сказкой или рисованием. Толик был в восторге от лыж, каждый день с горящими глазами рассказывал, чему он научился сегодня, и с нетерпением ждал, когда он сможет прокатиться по горе вместе с родителями.

Хотя взрослые катались отдельно, обедали они вместе. Вадим, как всегда, первым подъехал к кафе около подъёмников и высматривал на красном спуске яркую куртку Светланы. А, вот и она. И вдруг Вадим увидел, как Светлану резко понесло в сторону, и она упала, подняв фонтан снежного крошева. Он бросил лыжи и устремился к горе. Идти, особенно вверх, в тяжелых горнолыжных ботинках, было трудно, и продвигался он медленно, не сводя глаз со Светланы.

У Светланы никак не получалось встать в пушистом снегу и она пыталась отстегнуть лёжа лыжи. И ругала себя последними словами... Вадим был таким обаятельным в отпуске, внимательным, терпеливым, веселым, открытым и ещё ку-

чу подобных эпитетов можно было к нему применить, что Светлана расслабилась и размечталась о том, чтобы их фиктивный брак плавно перетёк в самый что ни на есть настоящий... Отвлеклась, а горные лыжи такого не прощают, – хлоп, и она уже барахтается в снегу. Хорошо, что ещё в мягкий снег занесло, и ничего себе не переломала...

Тут Светлана заметила приближающего Вадима и, увидев его побледневшее встревоженное лицо, поспешила успокоить:

– Со мной всё в порядке, только встать не могу. Помоги лыжу отстегнуть...

Вадим молча сел на колени в снег, внимательно прощупал Светлану и, убедившись, что переломов действительно нет, отстегнул оставшуюся лыжу (с одной Светлана справилась сама), поднялся сам и помог встать жене. А потом крепко прижал её к себе и приник теплыми губами к её рту. По телу Светланы прокатилась горячая волна от губ до самых кончиков пальцев ног, а потом вернулась и ударила в голову. Она вся затрепетала в сильных мужских руках. Воздух в легких закончился, Вадим прервал поцелуй и сначала прижался лбом к лбу Светланы, а потом слегка отодвинул от себя её лицо и заглянул в глаза. И потемневшие до черноты карие глаза утонули в синих от ответного желания глазах Светланы. Вадим взвалил на одно плечо её лыжи, другой рукой взял её за руку и они начали долгий спуск с горы.

До закрытия трасс оставалось еще почти полдня, поэто-

му в кабинке на спуск они были одни. И целовались, целовались... Никак не могли оторваться друг от друга. В номере Вадим, собрав всю свою волю в кулак, ещё раз ошупал уже обнажённое тело Светланы трясущимися руками, а потом... Потом они занялись любовью – сумбурной, страстной, то ли от долгого воздержания, то ли от долго сдерживаемых чувств.

Вечером, когда Светлана привела в номер Толика, а Вадим принёс как всегда сопротивляющуюся Аленку, глава семьи объявил, что завтра они кататься не будут и в садик Аленка не пойдет. Дети тут же закапризничали, но Вадим их быстро успокоил, сказав:

– Наша мама упала и ей нужен выходной. И мы завтра все вместе поедem в одно сказочное место.

Толик тут же переключился на Светлану (он уже сам падал не раз и понимал, что это больно и опасно), а Аленка начала выпрашивать у Вадима в какую сказку они поедут...

Перед сном Вадим переформировал их две комнаты из женской и мужской в детскую и взрослую. Вздурораженные ожиданием завтрашнего приключения дети быстро уснули. А Вадим начал их первую ночь любви с осторожных поцелуев бедра Светланы, где уже вовсю наливался багровым цветом огромный синяк.

После утоления первой страсти Вадим признался, что нечаянно слышал их с Никитой разговор, из которого и родилась идея с праздником и отпуском. Мистика обрела чер-

ты реальности, но от этого не стала в глазах Светланы менее дорога. А Вадим, между тем, приподнялся на локтях над лежащей под ним женой, и, с подчёркнутой серьёзностью глядя ей в глаза, сказал, что больше он не потерпит рядом с ней никаких Никит и Эдурдов. Светлана тоже в долгу не осталась и потребовала таких же шагов и от него.

– Я вообще-то очень верный товарищ, – ответил Вадим, и лукаво добавил, – в каждый *конкретный отрезок* времени.

Шутка шуткой, но в каждой шутке, как говорится, есть доля правды, и Светлана поняла, что её мечты о счастливой семейной жизни рассыпались в прах, поскольку Вадим ясно дал понять, что краткосрочность их отношений остаётся в силе. Та Светлана, которой она была раньше, фыркнула бы на такие слова и послала нахала куда подальше... Но сейчас она была бесконечно далеко от *той*...

15

Следующий день они действительно провели в сказке. А началась она с волшебных улочек Инсбрука, до сих пор утопающих в праздничном оформлении. Над их головами залихватски дули в трубы ангелы с крыльями, переливались разноцветными гирляндами высоченные ёлки, а фасады домов соревновались друг с другом, кто украшен более изобретательно и богато. С городской башни перед ними засверкала на солнце знаменитая "Золотая крыша". Наискосок от

неё так же аппетитно выглядел сверху, как и снизу, с площади, дом Хельбринга – кремовый торт. И даже открылась набережная реки с узенькими фасадами домов, плотно прижавшихся друг к другу и покрашенных в разные цвета: розовый, голубой, желтый... Удивительно, что это отсутствие порядка и гармонии не резало взгляд, а наоборот, радовало своей эклектичностью. Вдалеке за домами виднелись горы с шапками снега на вершинах. Дети забывали закрывать рот от восхищения, и даже Светлану отпустила вчерашняя боль, вызванная словами Вадима...

Следующее чудо ожидало их в церкви Хофкирхе. Алёнка даже сначала оробела от рядов «черных людей» – искусно выполненных в полный рост статуй рыцарей в полном облачении и дам в пышных кружевных нарядах, и спряталась за спиной Светланы. А потом её никак не могли оторвать от королей и королев и она забросала всех вопросами: из каких они сказок? А Толик с жадным интересом рассматривал рыцарей в доспехах и при полном вооружении. Еле их увели, пообещав ещё более волшебную сказку, которой оказался музей кристаллов Сваровски.

На входе в музей их встретил Великан, разлёгшийся на поляне, изо рта которого низвергался целый водопад, растёкшийся перед ним прудом. Алёнка с опаской на него косилась, сидя на руках у Вадима, пока они не зашли внутрь. А там уже и детям и взрослым пришлось крутить головами на 360°, поскольку в каждой витрине и за каждым углом открывались всё новые и новые чудеса из разноцветных камешков, искусно подсвеченных так, что отблёскивали всеми цветами радуги.

Выход из музея был, конечно, через магазин, где каждому досталось по подарку: Алёнке – очаровательное колечко с красным камешком в виде сердечка, Светлане – брошка с цветком из семи разноцветных камешков за не хилую цену. А мужчины выбрали себе скромные авторучки (цена, правда, у них была не маленькой). Когда они всей семьёй вывалились, наконец, наружу, здесь их ждало последнее на сегодняшний день чудо: уже стемнело и каждое дерево в парке могучего Великана светилось тысячью огоньков, что создавало совершенно мистическую атмосферу, которой прониклись не только дети, но и взрослые.

Вадим вёл арендованную машину и изредка поглядывал в зеркало на своё сонное царство на заднем сиденье. Первыми заснули дети, привалившись с двух сторон к Светлане. Полуобняв их, кажется, задремала и она, только, почему-то, хмурилась во сне. «Нога разболелась», – догадался Вадим, вспомнив её огромный синяк. «Отправлю её завтра кататься по синим вместе с Толиком, пусть только попробует возразить!»

Светлана только делала вид, что спала. На неё опять налетел страх за будущее, и она предпочла закрыть глаза, чтобы они её не выдали. Если во время отношений с девушками Вадим хотя бы наполовину вёл себя так, как сегодня, то каково же им, бедненьким, было, когда они расставались?!? Светлана невольно задумалась и о судьбе Полины. Как бы она

поступила на её месте? Смирилась, согласившись на аборт? Или решила защищать своего ребёнка и растить его сама? Или попыталась бороться за любовь Вадима? И что вообще это значит – *бороться* за свою любовь? Часто встречающееся в книгах и фильмах подобное выражение было для Светланы чем-то абстрактным, даже надуманным. Разве можно заечь в человеке любовь какими-то специальными методами?

Начиная с восьмого класса школы, Светлана только благосклонно принимала или отвергала чью-то влюблённость, а позже любовь, но сама никого не добивалась. А когда отношения надоедали, решительно их рвала. И никогда не задумывалась – каково быть на противоположной стороне? Похоже, всё это ей вернулось бумерангом, да ещё с какой силой?!? Утроенной! Ведь она рисковала потерять не только Вадима, но и Толика, и Алёнку. В этой ситуации ещё благо, что у неё своих детей не может быть...

Что же делать? Если будет каждый день так мучить себя, то оставшиеся полгода превратятся в самую иезуитскую пытку. Может, всё-таки, попытаться бороться за шанс стать счастливой? Неужели *она* не достойна любви? И Светлана решила просто быть самой собой. Не угождать, не стелиться, но и не замыкаться и прятаться. Воспринимать каждый конкретный момент таким, какой он будет – счастливым или тревожным, веселым или грустным. И тогда у неё, по крайней мере, предстоят впереди 180 счастливых дней, а не пол-

года ожиданий несчастья. И Светлана заулыбалась...

Вадим поймал её счастливое выражение лица в зеркале и сам невольно расплылся в улыбке. И порадовался, что вовремя вспомнил, как Никита называл Светлану цветиком-семицветиком. А впереди после сказочного дня их ждала ещё более волшебная ночь!

16

Светлану мутило со вчерашнего дня. А после обеда на работе её вообще вывернуло наизнанку, она испугалась, что подхватила какую-то кишечную инфекцию и вызвала скорую. И хотя после рвоты заметно полегчало, но врач скорой намерил ещё и повышенное давление, и Светлана, побоявшись заразить детей, согласилась ехать в больницу.

Звонок от Светланы застал Вадима, когда он проводил совещание. Он очень удивился – что могло случиться? (Жена звонила ему в разгар рабочего дня только один раз, когда Алёнка заболела).

– Вадим, забери, пожалуйста, Аленку из садика в пять часов. Я тут немножко траванулась чем-то и меня везут в больницу, а у Толика сегодня олимпиада по математике, не хотелось бы его срывать...

Вадим скомкал совещание и решил ехать за Алёнкой сейчас же, а уже с ней вместе потом в больницу к жене. Чёрт, не спросил номер больницы! Но тут от Светланы пришло смс

с номером детского сада и номером группы (Вадим ни разу Алёнку из сада не забирал), и он в ответ попросил прислать номер больницы и палаты. Пока ехал за Аленкой по навигатору составил маршрут.

На осторожный стук Вадима в дверь Аленкиной группы выглянула молоденькая воспитательница:

– Вы за кем?

– За Алёной Королёвой.

– А Вы ей кто?

– Отец.

– Сейчас.

Воспитательница исчезла и вскоре вернулась, держа за руку Алёнку. Присела на корточки перед девочкой и спросила:

– Алёнка, кто этот дядя?

Малышка вырвалась от воспитательницы и доверчиво вложила свою ладошку в руку Вадима:

– Это мой папа!

– Извините, – сказала, поднимаясь, воспитательница, – Алёнку всё время мама забирала или брат.

– Мама у нас заболела, а Толик в школе, – пояснил Вадим, которому понравилась бдительность воспитательницы.

В больнице Вадим решил сначала найти врача Светланы, попутно удивившись тому, что она оказалась в гинекологическом отделении, а не в инфекционном, а заодно посмотреть состояние больницы, чтобы сразу определиться: оставлять тут Светлану или искать другую больницу. Врач, прини-

мавший больную, оказался тщедушным суетливым старичком, и Вадим сходу решил, что Светлану он отсюда заберёт сегодня же. Старичок усадил мужчину с девочкой за стол и начал бодренько сыпать словами:

– Беременна Ваша супруга, батенька. Четыре-пять недель. При её строении маточных труб – просто чудо! Кто будет – даже не спрашивайте, рано пока. Ранний токсокоз. Но это не смертельно. Можете забрать супругу, батенька. И к гинекологу на учёт. Вы, наверное, с супругой очень ещё детишек хотели? – и уставился на Вадима добрыми, почти прозрачными, когда-то голубыми глазами.

Вадим знал о диагнозе Светланы, да и никогда не задумывался: хочет иметь он детей или нет *вообще*, а не только *ещё*. И только после вопроса этого старенького Айболита понял: хочет! Конечно же, хочет! Девочку! От Светланы!

Светлана сидела в коридоре в ожидании Вадима и никак не могла привести свои чувства в порядок. Сначала не могла осознать и поверить, что произошло чудо, и она беременна. Потом покрылась холодным потом – как к этому отнесутся дети, особенно Толик. А ведь он спрашивал у неё, ещё когда был весь колючий, как ёжик, что будет с ним и сестрой, когда она родит *своего* ребёнка. А она уверила его, что такого не произойдёт... Выходит, обманула... Ну, ничего, Алёнка ещё маленькая, а с Толиком она уже прошла один сложный этап, пройдёт и второй. Дети увидят, что она всех любит одинаково и доверие будет восстановлено... А вот как к новости

Вадим отнесётся???. Ой, мамочки!.. Аборт? Никогда и ни за что!!! Внезапно вспомнила Валентина и испугалась другой напасти – что Вадим отберёт у неё *своего* ребёнка. А потом Светлана вдруг ясно осознала, что она, действительно, сильная! Она поняла, что если она любит *того* Вадима, каким он ей представляется, то он никогда не посмеет отобрать у неё детей, даже если она сама ему наскучит. А если это *другой* Вадим, то и ей он такой не нужен. И она будет сражаться с ним и с его бриллиантовым юристом за детей, как тигрица! И обязательно победит! И не отдаст ему ни Толика с Алёнкой, ни его собственного ребенка. И ни к селу, ни к городу вспомнила мультяшного про Простоквашино, где Матроскин спорил с Шариком надо ли возвращать новорожденного телёнка вместе с коровой в магазин или он имеет право оставить его себе. И успокоилась.

Такой её и увидел Вадим: Светлана сидела, обняв живот обеими руками, как бы защищая от кого-то, и вся ушла глубоко в себя, и из этой глубины её внутренний свет вырывался наружу.

«Мамочка!», – кинулась к ней Алёнка и, как когда-то в Макдональдсе, вскарабкалась на колени и обхватила ручонками за шею. Светлана прижала к себе малышку и подняла глаза из-за её плеча на приближающегося мужа. Увидела его потрясённо-счастливое лицо и окончательно поняла, что всё у них будет хорошо, они справятся со всеми проблемами *вместе*. А Вадим подошёл к своим женщинам, присел на

корточки и обнял их обеих. «Нашёл и не отдам никому!»

Эпилог

В мае Королёвы всей семьёй поехали в Людиново на годовщину гибели Валентина и Полины. Ирина Петровна была очень расстроена, когда Вадим подошёл к старой женщине и крепко обнял её. А потом мужчины пошли на кладбище, а Светлана с Алёнкой остались помогать Ирине Петровне накрывать на стол. Народу обещало быть не мало: и соседи, и сотрудники магазинов Валентина (Вадим не стал ничего менять после гибели брата, только назначил нового управляющего, решив разобраться с бизнесом через год).

Вадим стоял напротив памятника, держа за руку Толика, и мысленно разговаривал с братом: «Ну, здравствуй, Валька! И тебе – привет, Полина! С детьми всё в порядке, не волнуйтесь. Ты, Валька, конечно, наворочал дел, а мне теперь их разгрести, но уж как-нибудь справлюсь. А, если что – жена поможет, подскажет. Она у меня та ещё колючка, но я её люблю. Я ведь женился – представляешь? Я! Убежденный холостяк и бабник! А теперь глава семейства и уже почти отец-герой. Если ты пока не знаешь, то у меня скоро ещё один сын будет. И не дёргайся, Толику мы со Светланой решили ничего не говорить. Какая разница – отчество? Главное, что он – Королёв! Если, конечно, не случится чего-нибудь экстраординарного, что необходимо будет сказать. И за

маму, Полина, не переживай. Мы её вообще хотим с собой забрать, что она тут одна будет куковать? А если не согласится поехать, то всё равно будем приглядывать. Но я надеюсь, что уговорим. А захочет в огороде копаться – так мои архаровцы мигом ей газон перед загородным домом вспашут. Да и за детьми пара дополнительных глаз не помешает. Толик в школе, Аленка в детском саду, скоро Валентин родится... Ты же не против, что мы сына твоим именем хотим назвать? Я вообще-то дочку хотел, так что мы над этим будем с моим Светиком-семицветиком усиленно работать. Эх, как же было бы здорово, если бы все вместе: ты с Полиной, я со Светланой, с детьми...»

– Папа, – вторгся в мысли Вадима голос Толика, – нам, наверное, надо уже возвращаться.

– Пойдём, сынок! («Пока, Валька! Пока, Полина! Земля вам пухом...»)

Декабрь 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Карие глаза встречаются примерно у 50% населения Земли.

Люди с карими глазами, отличаются импульсивностью, безудержной страстью, повышенной активностью. Они – лидеры. Они не терпят поражений и случаев, когда кто-то с ни-

ми не согласен: их мнение – единственно правильное, и никак иначе. Сексуальность, чувственность, обаяние – отличные дополнения к их личностным качествам.

Такие люди обладают природной красотой, отличаются умом, неугомонностью. Они не злопамятны, быстро прощают и забывают мелкие обиды. Карие глаза могут означать и некоторую ветреность: такие люди легко влюбляются, но столь же легко могут забыть объект своей любви.

Кареглазые леди необыкновенно быстро сходятся с людьми. Они общительны, не закомплексованы, уверены в себе «на тысячу процентов». Самооценка у них, в большинстве случаев, завышенная. Они этого, как правило, не замечают.

Кареглазые женщины равнодушны к золоту, богатству, деньгам. Они хитры, умны, изворотливы, находчивы.

От грёз любви не отличим

Сочинение на тему «Как я провел лето»

Ради счастья, ради нашего, если мы хотим его...

Ох, и странные, эти русские! *(продолжение рассказа «Кошка, которая гуляла сама по себе» из сборника «Зеленые глаза»)*

И этим всё сказано

Сразу и навсегда!

Мой ангел смотрит на меня...

Уйти по-английски

От сердца к сердцу мост
Пришвартоваться в тихой гавани
Благодаря и вопреки
Перевоз Дуня держала
От ненависти до любви и обратно
Свадебный хоровод Созвездий
Одним росчерком пера
Что обещает её лицо или Женя, Женечка и Катюша
Это он – мой Мужчина!

От ненависти до любви и обратно

*Ты знать не можешь, как тебя люблю я,
ты спишь во мне, спокойно и устало.*

Среди змеиных отзвуков металла

тебя я прячу, плача и целуя.

Ф.Г.Лорка

1

– Малыш!..

(Он звал её *Малыш*, она звала его *Стив*. Они не имели права называть друг друга настоящим именем, да и не знали его)

– Малыш! Мне не нравится твоё новое задание...

– Чем? Оно точно такое же, как всегда, – ответила Малыш, пожав плечами, – Я такое делала уже не раз.

– В этот раз всё по-другому! Откажись от него.

«Волнуется за меня», – подумала Малыш. Это было приятно. Но вслух сказала:

– Ты прекрасно знаешь, что это невозможно без весомых аргументов, а их найти практически невозможно. Если что-то знаешь – скажи. Или оставим эту тему.

Малыш прекрасно видела тень сомнения на обычно непроницаемом лице Стива. Как её непосредственный начальник он не имел права разглашать служебную информацию. Как человек, уже один раз перешагнувший через запрет – колебался. А как любовник – решился:

– Они привлекли для подбора кандидата нового специалиста – соционика-дуалиста...

– Что это за хрень и с чем её едят?

– Основана на теории Юнга¹

– Знаем, в школе проходили, – кивнула головой Малыш, – и что?

– Тут немного другое. Соционика, но с упором на взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Если коротко, то шестнадцать психотипов человека разбиты на четвёрки,

те, в свою очередь, на пары. По этой теории, если встретятся двое из такой пары, то они неизбежно притянутся друг к другу. Теоретическое обоснование двух половинок одного целого...

– То есть, ты хочешь сказать, что этот спец выбрал именно меня, потому что я неизбежно влюблюсь в объекта, которого должна отправить за решётку, а он влюбится в меня?

– Именно так.

– И где тогда гарантия, что я не попробую спасти свою «любовь» вместо того, чтобы выполнить задание?

Стив сцепил руки за спиной и испытующе посмотрел Малышу в глаза. Там плясали смешинки. Она явно не относилась к информации всерьёз.

– Объект слишком разборчив в связях, *они* не хотят рисковать годами работы, поэтому подобрали ему идеальный вариант – тебя. А у тебя есть сдерживающие обстоятельства против глупых шагов.

«Целых три!» – промелькнула мысль у Малыша.

На какое из них намекал Стив, она не знала, скорее всего, на обстоятельства поступления в школу (не общеобразовательную, конечно, а в разведывательную). Но были ещё два, более существенные для Малыша, но они были связаны с двумя дорогими её сердцу именами, которые она запретила себе произносить даже мысленно, *вычеркнула* их из памяти...

– Слушай, вся эта теория яйца выеденного не стоит! –

фыркнула Малыш, – На Земле живёт больше семи миллиардов человек. Представляешь, сколько таких половинок по всему свету? Взять хотя бы Вашингтон – около одного миллиона населения. Делим на шестнадцать. Это пятьдесят тысяч моих половинок! Обалдеть! В любом случае я не могу отказаться на основании того, что мой парень боится, что я влюблюсь в другого. И как посмотрит на такой аргумент мой непосредственный начальник? – добавила она лукаво, – Я тебя люблю, ты мой самый «сдерживающий фактор», – зазывно прошептала Малыш на ухо Стиву.

Это была ложь, в которую она сама верила в данный конкретный момент. Этому её научили в разведшколе – делить ложь на сиюминутную и долгосрочную. Искренне верить в сиюминутную, иначе агента ожидает неминуемый провал.

– Я или секс? – закрыл тему задания Стив, возвращаясь к их любовной игре.

– Ты! – с придыханием выбрала Малыш...

... После жаркого *секса*, отвернувшись от похрапывающего Стива, Малыш разрешила себе подумать о предстоящем задании. Она не знала уровень допуска членов комиссии, выбравших её для его выполнения, каким объёмом и глубиной знаний они обладали о её *настоящей* биографии, но лучшего подарка, чем засадить в тюрьму Крейга² Фаррела, она ожидать не могла. Крейга Фаррела – ублюдка, отнявшего у неё отца, разрушившего её семью, превратившего её саму в куклу, которую дёргают за ниточки. Ни за какие сокровища ми-

ра она бы не отказалась от такого задания! Мечь! Мечь, о которой мечтаешь шестнадцать лет, – вполне остывшее для осуществления блюдо?!

¹ – на заре психологии австрийским психиатром З. Фрейдом была сформулирована теория о структуре психики, а швейцарский психиатр К.Г. Юнг, опираясь на эти знания и собственный многолетний опыт работы, создал первую концепцию про психологические типы личности. Это учение в наши дни стало основой для многих социально-психологических теорий и даже целых направлений современной психотерапии. Одной из таких современных теорий является соционика как учение о взаимодействии человека и внешнего мира, в зависимости от личностных характеристик конкретного человека, которые относят его к одному из 16 соционических типов личности.

² – в переводе – «скала»

2

Крейг смотрел вниз, зависнув у стеклянной стены кабинета, на муравейник своей новой издательской фирмы. Вот уже месяц любую свободную минуту он проводил, стоя у стекла, как часовой на почту. Свободного времени было не так, уж, и много, и хорошо, что стекло было тонированное, а то его сотрудники решили бы, что их новый хозяин – маньяк!

Но его как магнитом притягивала рыжая точка копны волос Скарлетт Харрисон.

Девушек с такими роскошными волосами Крейг не встречал никогда в жизни. Они были насыщенного медового цвета и вились упругими спиралями, закрывая спину Скарлетт наполовину. Сколько же может весить такая грива? Как только она вошла, ему сразу захотелось запустить руки в эти шикарные волосы... Сорвать эту нелепую одежду, которая уродовала её великолепное тело... Прижать девушку к себе... Захватить в плен её алые губы... Так, чтобы она растаяла в его объятиях, а её озорные медовые глаза заволокло туманом желания...

Чёрт! Эта соблазнительная картина так и стояла перед глазами, заставляя бешено колотиться сердце и распалая тело неконтролируемым желанием...

Крейг Фаррел всегда тщательно готовился к поглощению своей очередной жертвы. А потому, как только сделка осуществлялась, и он становился хозяином новой фирмы, увольнения и перемещения по служебной лестнице прежних сотрудников происходили молниеносно. Исполнительного директора и бухгалтерию менял в полном составе на заранее подготовленную команду. С теми, кто вызывал сомнения, проводил личные собеседования. Издательское дело было совершенно новым направлением бизнеса Крейга Фаррела, и потому он решил оставить на посту главного ре-

дактора Издательского дома Dover Books Хэйурда Сэркера. Так что тут дела обстояли ещё проще – было с кем посоветоваться.

Про Скарлетт Харрисон Хэйурд ничего определенного сказать не мог. Она начала работать в издательстве недавно, а на работу её принимал её непосредственный начальник. Если бы не реплика, что Скарлетт выбрали из восьми кандидатов, Крейг без всяких колебаний её уволил. А так – пригласил на собеседование.

Скарлетт вошла в кабинет, развернулась, чтобы закрыть за собой дверь, рыжая грива её волос метнулась вслед за движением её тела с небольшим опозданием, и спирали прядей запрыгали как пружинки детской игрушки – вверх-вниз, вверх-вниз.

Её бесформенная рубашка в клетку, как у ковбоев с Дикого Запада, размера на три больше нужного, наполовину была заправлена за пояс штанов с широкими голенищами, сужающимися книзу, наполовину свободно болталась. Завершали образ обыкновенные кеды, одетые на голую ногу (между штанинами и обувью виднелась трогательная девичья лодыжка). Всё это было очень мило и даже стильно для... пикника, но никак не для серьёзного уважаемого издательства, работающего с известными писателями Америки.

– Ты всегда ходишь на работу в таком виде? – сухо спросил Крейг.

– Что-то не так? – переспросила Скарлетт, слегка приподняв одну бровь.

Её губы были чуть тронуты дружелюбной улыбкой, глаза цвета молодого меда светились озорством, но всё вместе, по-чему-то, не выглядело кокетством.

– Ты не похожа на офисного работника!

– Простите, сэ, я не знала, что у нас новый дресс-код. Я исправлюсь, – ответила Скарлетт без тени подобострастия перед новым начальством.

– Прибери хотя бы волосы! – продолжил ворчать Крейг, чувствуя себя столетним стариком, требующим, чтобы правнук оделся в форму солдат Конфедерации³.

– Попробую! – с готовностью откликнулась Скарлетт.

Похлопала себя по карманам в поисках чего-нибудь, чем можно было усмирить свои локоны, а потом устремила к столу начальника, взяла обыкновенную канцелярскую резинку, наклонилась вперёд (при этом её волосы коснулись пола) и попыталась собрать гриву в хвост. Лучше не стало. Когда она выпрямилась, волосы стали похожи на низкорослую пальму с раскидистыми листьями, посаженную в кадку. У Крейга окончательно пересохло во рту, продолжать собеседование он не мог, еле выдавил из себя:

– Можешь идти!

Скарлетт застыла на мгновение, потом развернулась и вышла. Пока шла к двери «пальма» на её голове смешно подпрыгивала от каждого шага. Вот и всё собеседование.

Где-то через неделю они столкнулись у автомата в холле. Скарлетт стучала ладошкой по стеклу в попытке сбросить вниз застрявший в спирали автомата пакетик с круассаном. Крейг не смог пройти мимо. Кинул монетку в щель приёмника, нажал на тот же номер, и автомат скинул вниз уже два круассана. Скарлетт среагировала первой. Достала добычу и протянула Крейгу один круассан.

Ещё когда Крейг заметил её огненные волосы у автомата, он невольно отметил, что насчёт одежды она его послушалась (чего нельзя было сказать про причёску) – вместо балахона ковбойской рубашки её высокую грудь обтягивала строгая офисная блузка, а джинсы подчёркивали тонкую талию и соблазнительные округлости бёдер. Её детские глаза были так рядом, а губы произнесли стандартное: «Спасибо, сэр!», но для Крейга это прозвучало как: «Прикоснись ко мне!». Он едва сдержался и поскорей ушёл, так и не взяв протянутый круассан.

Провёл полдня в безделии, всё время возвращаясь мыслями к Скарлетт. Пришёл к выводу, что это наваждение, и вызвал к себе Варда⁴ Вейдера – руководителя службы безопасности.

– Мне собрать сведения о Скарлетт Харрисон, сэр? – спросил Крейга подчинённый, ещё до того как начальник успел открыть рот.

– Это так очевидно? – после паузы поинтересовался

Крейг.

– *Пока* только для меня, – спокойно ответил Вард, подчеркнув тоном «пока».

Крейг закрыл глаза и откинулся в кресле. Он всегда так делал, когда чувствовал, что ситуация выходит из-под контроля. Не важно, касалось ли это бизнеса или его личных дел. «Наваждение» уже однажды было в его жизни и едва не привело к катастрофе, если бы не Вард...

Вард Вейдер достался Крейгу «по наследству» от отца – Фаррела-старшего после его смерти вместе с финансовой империей, им созданной, и учиться управлять которой Фаррелу-младшему пришлось «на ходу». Может быть, это было даже к лучшему – отвлекало от горя. Начальник службы безопасности не мог помочь молодому человеку разобраться в хитросплетениях бизнеса, он просто был рядом, перенеся всю свою верность и преданность с отца на сына. И это было важнее и дороже любой помощи в бизнесе. Советников и консультантов можно нанять за деньги среди специалистов. А вот верность и преданность ни за какие деньги не купишь. Так же, как и любовь. Когда тебя любят не за то что ты богат или знаменит, а за то... За то что ты – это ты... Однажды Крейг поверил, что именно такую любовь он встретил, но...

С тех пор Крейг стал осторожен. Нет, он не избегал отношений с женщинами (при всей своей внешней замкнутости, любовником Крейг был страстным), но ни одну из них не

рассматривал в качестве спутницы жизни. В конце концов, когда придёт пора подумать о наследнике, он может поступить как отец – заключить брак по расчёту, с чётко оговоренными взаимными обязательствами и финансовыми условиями. И всё шло к этому, пока не появилась смешная девочка с рыжими волосами – Скарлетт Харрисон...

– Как глубоко мне проверять мисс Харрисон? – ворвался в мысли Крейга голос Варда Вейдера, решившего, что пора уже вывести босса из задумчивости.

– До дна, – отреагировал шеф.

«Ого! – подумал верный пёс, – А дело-то, кажется, серьёзное!»

А вслух спросил:

– Сроки?

– Не больше двух месяцев, – ответил Крейг, решив, что вряд ли выдержит большой срок...

Из отпущенного срока прошла уже половина, и пока у Крейга получалось держаться от Скарлетт на расстоянии. Когда она оказывалась рядом, он не мог за себя поручиться. Слава богу, что за месяц это произошло всего дважды. Один раз у автомата, второй – столкнулись в лифте. Двери уже начали закрываться, когда туда влетела Скарлетт. Они одновременно потянулись к кнопкам этажей, и их пальцы соприкоснулись. Ударило током, и они отдернули руки. Скарлетт смешно замахала в воздухе кистью и рассмеялась. Крейг схватился за поручень, чтобы не накинуться на девуш-

ку голодным волком, и, едва лифт остановился, выскочил из него...

³ – Конфедерация – объединение 11 рабовладельческих штатов Юга Америки, воевавшее с Союзом 20 нерабовладельческих штатов и 4 пограничных рабовладельческих штатов Севера во время гражданской войны 1861-1865 годов. Война завершилась поражением Конфедерации (*из Википедии*)

⁴ – в переводе – «охранник, сторож»

3

Как долго длится период подготовки к каждой операции, Малыш не знала. Наверное, не один месяц. Помимо агентов, разрабатывающих «объект», трудятся аналитики, психологи, экономисты, программисты, инженеры аудио- и видеосвязи и бог знает кто ещё. Составляются психологические портреты «объекта» и «персонажа», кто может подобраться к «объекту» как можно ближе. Строятся модели вероятностного развития событий и пути выхода «персонажа» из игры. Устанавливаются каналы связи с «персонажем» для корректировки его задачи и на случай непредвиденных ситуаций.

Подготовка «персонажа» обычно занимала не больше месяца и состояла из заучивания новой биографии (здесь трудностей у Малыша с её феноменальной памятью не было. До-

статочно было один раз взглянуть на текст, чтобы воспроизвести его слово в слово. После завершения операции также легко информация стиралась из памяти), изучения «объекта» (этим «персонаж» занимался самостоятельно и пользовался только открытыми источниками, чтобы секретные данные не мешали восприятию «объекта», как человека. Малыш считала такую предосторожность по отношению к ней чрезмерной. Ей, с её артистичностью и умением лгать со стопроцентной верой в ложь, лишняя информация помешать не могла. Но с начальством не поспоришь), обретения профессиональных навыков той профессии, в которой «персонажу» надо было существовать до момента выполнения задания (профессии были, как правило, самые общие – секретарша, помощник руководителя (что, в общем-то, одно и то же), сиделка, продавец, официантка, менеджер по продажам. Ничего требующего глубоких профессиональных знаний. В этот раз Малышу предстояло трудиться в Отделе по работе с авторами на ниве корректора. Ничего сложного, даже интересно. В любом случае, главным было как можно быстрее пробраться к «объекту» в постель, а в этом, как и в том, что делать в самой постели, Малыш была профессионалом экстра-класса!), изменения внешности (сколько париков и причёсок, изменений формы бровей и губ, цвета зубов и линз для глаз Малыш перепробовала – не счесть!). Больше всего времени уходило на «сращивание» нового облика с внутренним «я», принятия себя такой, какой ты отражаешься в

зеркале на данный момент, выработки манеры поведения и разговора «персонажа», которого зовут не твоим настоящим именем, и даже не Малышом, а как-то иначе. Так, чтобы даже наедине с собой, в мыслях ты была уже, например, Скарлетт Харрисон, а не кто-то другой. От этого зависел не только успех операции, но и твоя жизнь.

Перевоплощаться в новую личность Малышу нравилось. Она всегда с любопытством садилась в кресло визажиста и с нетерпением ждала результатов его работы. И каждый раз не узнавала себя в зеркале. А дальше образ сам диктовал, как себя вести, что и как говорить. Обычно Малыш опиралась на какую-нибудь героиню из женского романа. Но когда она увидела себя в новом образе, ничего в голову, кроме героини детского мультика «Храбрая сердцем»⁵, ей не пришло, хотя само имя «Скарлетт Харрисон» скорее намекало на героиню «Унесённых ветром»⁶ Скарлетт О'Хара. Из зеркала на неё смотрела шестнадцатилетняя девчонка (Малышу было двадцать восемь лет) с львиной гривой. Грива свисала ниже лопаток и больно оттягивала голову.

– Ничего-ничего! – сказал визажист, видя, что «клиент» недоволено морщится, – Привыкнешь! Мы использовали новую методику наращивания волос – испанскую⁷. С ней ты смело можешь даже купаться в море и сушить волосы феном. Коррекция потребуется не раньше чем через шесть месяцев.

В остальном облик Малыша почти не изменился – цвет

глаз, губы и зубы остались натуральными. Лишь брови изменили свою форму, и была выдана рекомендация усиленно посещать солярий, чтобы придать коже тела более тёмный оттенок.

Дома Скарлетт перебрала кучу нарядов, но ничего, кроме одежды тинейджеров, под её новый облик не подходило. И как, скажите на милость, она в таком виде будет соблазнять серьёзного, взрослого мужчину, бизнесмена и богача? Было бы ему лет девяносто, тогда другое дело. Богатые дедульки в старческом маразме с удовольствием женятся на молоденьких. Женитьба в данном случае не предполагалась, но серьёзные отношения были необходимы, и ещё как! В свои почти сорок Крейг Фаррел, по идее, уже должен был задумываться о создании семьи и появлении наследника, и для этого искать отношения с женщиной молодой, но зрелой, где-то в возрасте 25-30 лет. То есть как раз как Малыш, а отнюдь не Скарлетт Харрисон, которой ещё самой надо было сопли подтирать.

Оставалось надеяться, что психологи, создавшие именно такой облик соблазнительницы, знали что делали. А ещё оптимизм внушала соционика.

Малыш нашла информацию о шестнадцати психотипах, о которых упоминал Стив, просто ради любопытства. С первого взгляда соционика показалась похожа на астрологию. Там тоже читаешь про свой знак зодиака – ну, прям, всё про тебя! А потом начинаешь читать про другие – а вот этот тоже

вроде подходит, да и вот с этим схоже! Но когда вчиталась поглубже, вдруг, с удивлением обнаружила, что она, *она сама*, настоящая, полностью подходит только под один тип, который в соционике назывался «Советчик» – артистическая личность с высокой духовной организацией и умением импровизировать, в меру эмоциональна, не чурается проявления чувств, в сексе – пламенная недотрога (ничего себе сочетание, не так ли?), предпочитающая властвовать над партнером, сохраняя свою сексуальную свободу.

В идеальную (по термину соционики – дуальную) пару Советчику сомнительная поначалу наука предлагала Мастера. На первый взгляд внешний вид Крейга Фаррела вполне под него подходил – скошенные наплывшие верхние веки, выступающие скулы, «колючий» недоверчивый взгляд.

После очного знакомства на собеседовании Скарлетт восстановила в памяти все характеристики Мастера⁸, и с немалым удивлением обнаружила, что к совпадениям во внешности добавились совпадения в поведении – сдержанная манера общения, отчетливое произношение слов тихим, но резким голосом, строгий стиль одежды, поведение «согласно распорядка». Внешнее спокойствие, точность и экономичность, что создавало ореол личности замкнутой, даже загадочной. Судя по тому результату, который Крейг достиг в расширении своей бизнес-империи, к нему также подходила ещё и такая характеристика Мастера – «работает с ориентацией на цель и делает только то, что приносит прибыль, стре-

мится к завершению любых своих начинаний». Его крайне скучная светская жизнь, отсутствие публичности абсолютно точно укладывалась в слова: «Мастер очень ответственен и не демонстративен». В его рабочем кабинете и на столе царил такой идеальный, даже аскетичный порядок, что, несомненно, говорило о его любви к удобству и комфорту во всём, что также являлось ещё одной характеристикой Мастера. Было ещё кое-что, о чём предупреждала Малыша соционика, и что заставило её крепко задуматься: Мастер совмещал в себе самый строгий и самый сильный тип личности из всех шестнадцати психотипов.

Она «достала» из памяти характеристику Советчика, и с ещё большим удивлением поняла, что все их можно приложить не только к её собственной личности, но и к Скарлетт Харрисон тоже – постоянно играет какую-то роль, умеет говорить разными голосами, самый эмоционально переменчивый тип, непредсказуемые перемены настроения, возвышенность и просветленность в эмоциях и взгляде, дружелюбная манера общения на близкой дистанции, дисгармония в одежде, косметике и украшениях. Всё это как нельзя лучше подходило под неустойчивую психику молодой девушки (по легенде Скарлетт Харрисон было двадцать два года), застрявшей в подростковом возрасте. Но! В «период работы Советчик может быть очень сосредоточенным». Что ж! Это было однозначно свойственно ей самой, так что может помешать Скарлетт стать такой же?

И тогда её внутреннее «я» почувствовало себя комфортно в облике рыжеволосой озорной девчонки в нелепом наряде. А ещё появилась стопроцентная уверенность, что с заданием Скарлетт справится. Все предпосылки для этого были.

Как бы ни был сдержан в проявлении своих эмоций «объект», Скарлетт заметила, какое неизгладимое впечатление на него произвела. На собеседовании, как только она вошла, «объект» откатился на кресле от стола и слегка прикрыл веки – чёткий признак сдерживаемой заинтересованности. «Объект» выказывал недовольство её внешним видом, а тело его подалось вперёд, крылья носа раздулись, выдавая внутреннее возбуждение. Когда же она похлопала себя по груди, потом по животу, а потом по ногам в области вагины, якобы ища, чем бы заколоть волосы, его глаза неотступно следовали за её руками, виртуально раздевая по ходу движения взгляда вниз. А когда наклонилась вперёд, чтобы стянуть свою гриву резинкой в конский хвост, успела заметить движение кадыка – судорожное сглатывание слюны, непрозвольно выделенной самцом в присутствии самки, при которой ему хочется распуścić хвост, но приходится сдерживаться по какой-то причине.

«Объект»... тьфу-ты, Крейг (как бы не было противно, надо приучать называть его даже мысленно по имени, чтобы не спалиться) заглотил крючок. Теперь надо было осторожно подтащить рыбку к рыболову, вытащить из воды сачком (то бишь, добыть неопровержимые доказательства его вины) и

опустить в ведро с водой (посадить в тюрьму).

Как разыграть первую «нечаянную» встречу после знакомства, Скарлетт придумала ещё в первый месяц работы в издательстве. Тогда слухи о продаже фирмы другому хозяину ещё только перелетали от одного стола к другому, а Скарлетт уже знала точную дату подписания намеченной сделки...

... Скарлетт внедрили в Dover Books за два месяца до появления нового хозяина. Освобождением места для «персонажа» и его гарантированным приёмом на работу занималась отдельная служба Отдела по борьбе с экономическими преступлениями ФБР⁸, не брезгуя при этом никакими методами – подкуп, запугивание, физическое устранение. И всё это под флагом национальной безопасности. Скарлетт предпочитала не задумываться над тем, каким образом в этот раз она была принята на должность корректора...

Скарлетт заметила в холле автомат с периодически зависающей спиралью подачи товара. Какой он там будет, когда понадобится «случайно» столкнуться с Крейгом, если понадобится вообще, Скарлетт было всё равно.

Осуществить задуманное удалось через неделю после собеседования. Крейг отреагировал в точности, как и ожидалось. Подошёл, помог, «завис» взглядом на губах и... И дальше развернулся и ушёл. Вариант – один из предполагаемых,

но не предпочтительных. Что ж, будем думать дальше.

У Скарлетт в рукаве было ещё несколько довольно стандартных вариантов вываживания¹⁰ рыбы, но второй раз помог случай. Они столкнулись в лифте и при этом были вдвоём. Идеальный вариант для тех, кого тянет друг другу. Их тряхануло током от соприкосновения пальцев. Скарлетт непроизвольно ойкнула, а Крейг отшатнулся к стене лифта и так вцепился рукой в поручень, что у него побелели костяшки пальцев. А на своём этаже выскочил, как ошпаренный. Скарлетт стало досадно. Не только из-за упущенной возможности сблизиться для выполнения задания, но и, совсем чуть-чуть, просто как обыкновенной девушке. Пусть у неё и была аллергия на Крейга Фаррела, но Советчика тянуло к Мастеру на чисто физическом уровне не меньше, чем должно было Мастера тянуть к Советчику. «И чего он от меня шарахается?», – недоумевала Скарлетт.

⁵ – главная героиня мультфильма – прекрасная шотландская принцесса Мерида. С самого детства она была очень бойкой и смелой, метко стреляла из лука и была похожа на своего отца, короля-охотника Фергюса. Однако мать Мерида, королева Элинор, не уставала ей повторять, что настоящие принцессы так себя не ведут. Она пыталась привить дочери скромность, этикет, церемониал и прочие вещи, которые буквально раздражали принцессу.

⁶ – роман [американской](#) писательницы [Маргарет Митчелл](#), события которого происходят в [южных штатах США](#) в 1860-х годах, во время и после [гражданской войны](#). Главная героиня романа – [южная красавица](#) [Скарлетт О'Хара](#) – наполовину ирландка, наполовину француженка – умеет очаровывать мужчин. Главное в её характере – это жизненная хватка, стойкость и сила (*из Википедии*)

⁷ – специалист вручную формирует клеевую капсулу из хирургического клея и наносит ее на основание прядки-донора. Капсулы могут быть как крупные, так и мелкие – это решает мастер. Локоны крепятся к натуральным волосам без какого-либо температурного воздействия. Испанская методика считается оптимальной для наращивания кучерявых волос.

⁸ – особенности поведения психотипа личности Мастер заключаются в отстраненности, загадочности и замкнутости. Внешне они спокойны, точны и экономичны. Склонны завершать все свои начинания, очень ответственны и не демонстративны. Всегда кажется, будто они тебя анализируют, ведя беседу. Работают с ориентацией на цель, изобретательны и делают только то, что приносит пользу. Любят удобство и комфорт во всем, идеально организуют рабочее пространство.

⁹ – Федеральное бюро расследований является органом внутренней разведки и, одновременно, федеральной право-

охранительной структурой [Соединенных Штатов](#). Составная часть [министерства юстиции США](#) и [Разведывательного сообщества США](#). Подчиняется [Генеральному прокурору](#) и, одновременно, [Директору Национальной разведки](#). Является руководящим органом контрразведки и антитеррористической деятельности США. Имеет полномочия расследовать нарушения федерального законодательства страны и обеспечивать безопасность государства, нации и президента, в том числе путём сбора разведывательных данных агентурными и техническими средствами (*из Википедии*)

¹⁰ – процесс борьбы с рыбой после реализации подсечки или самоподсекания с целью подведения рыбы к лодке, берегу или лунке для извлечения её из воды (из Словаря рыболова)

4

Загадка вскоре разрешилась.

Как правило, Скарлетт работала автономно, решая задачу, поставленную руководством. Иногда начальством вносились коррективы или подбрасывалась новая информация. Связь осуществлялась через её дом. Тот, что назывался «домом», в котором она временно жила пока выполняла задание.

Примерно через месяц после первой очной встречи Крейга и Скарлетт, у неё в квартире стала появляться дополни-

тельная информация о её «биографии». И Скарлетт поняла, что её проверяют. И проверяют глубоко. Так, что соответствующей службе ФБР приходится сочинять новые подробности легенды и в срочном порядке обеспечивать их достоверность.

Вот почему Крейг осторожничает и не идёт на контакт. Вопрос – он (или кто-то из его близкого окружения) что-то заподозрил? Или так проверяются все женщины, которые потенциально могут войти с ним в более близкие отношения, чем банальная интрижка ради секса?

Поразмыслив, Скарлетт пришла к выводу, что второе более вероятно, чем первое. Ведь, в случае подозрений, её бы уже вывели из игры, не столько ради спасения «незаменимого» агента (кто кем дорожит в этом циничном мире? Уж, не родная контора – это точно), сколько ради спасения самой операции. Тогда она решила покопаться в биографии Крейга основательно. И выудила на свет историю с Алисией¹¹ Маркл, на которую не обратила внимания, когда изучала биографию «объекта».

Первые упоминания об Алисии в прессе появились, когда она стала выходить в свет с Крейгом Фаррелом. Кривая интереса к ней ползла вверх по мере усиления слухов об их помолвке. Пик пришёлся на объявление о её расторжении. И постепенно упоминания об Алисии исчезли совсем.

С тех пор, а с этой истории уже прошло 14 лет, пресса не

раз пыталась «женить» Крейга Фаррела, но ни одни его отношения с женщинами не длились больше двух-трёх месяцев. Говорить при столь коротких сроках о чём-то серьёзном было смешно.

Вопрос – Крейг так любил Алисию, что раны, нанесённые этой любовью, до сих пор не зажили? Неужели эта давняя история так повлияла на Крейга, что он до сих пор не доверяет женщинам? Или всплыла какая-то порочащая её информация?

Скарлетт внимательно рассмотрела фотографии Крейга периода расторжения помолвки и, особенно, видеоматериалы. Не смотря на непроницаемость маски, которую он одел на своё лицо, его губы, мелкие жесты рук, положение головы при ответах на вопросы журналистов – всё говорило о внутренней боли. Скарлетт, как знатоку физиогномики, это было ясно, как божий день. И тогда она занялась вплотную личностью Алисии Маркл.

Алисия, оказывается, работала сиделкой у отца Крейга – Крейга Фаррела-старшего. Её первые нечёткие фотографии появились примерно месяца за три до его смерти. А через полгода она стала появляться с Фарвелом-младшим на светских тусовках и, соответственно, на страницах жёлтой прессы.

С любовью Крейга было всё кристально ясно. Девушка оказалась в нужном месте в нужное время. Поддержала в трудную минуту, приласкала – и вот мужчина уже готов весь

мир положить к её ногам. Тут ведь что самое главное? Успеть вложить в его голову мысль о женитьбе, пока «клиент» не одумался и не увидел тебя настоящей, пребывавал в уверенности, что ты его любишь, а не уцепилась за него, как за средство для выкачивания денег.

Теперь Алисия. Вопрос – она банальная охотница за большими деньгами? Жертва чьих-то интриг? Или такой же агент, как Скарлетт?

В пользу третьей версии говорили два обстоятельства: скудность и невнятность её биографии, как до появления у Фаррела-старшего, так и после расторжения помолвки с Фаррелом-младшим. И её появление в их доме незадолго до кончины Крейга-старшего и вступления в наследство Крейга-младшего. Очень удобный момент для внедрения агента. И очень похоже на почерк работы ФБР. Но последнее обстоятельство было также удобно и для искательницы богатого мужа – шанс выйти замуж повышался в 2 раза. Против версии «Алисия-агент» говорило то, что прошло слишком много времени между её историей и внедрением Скарлетт. Некоторые операции растягивались на года, но на десятилетия? Нет! Это маловероятно.

Ни подтверждений, ни опровержений второй версии о чьих-то интригах Скарлетт не нашла. Отложила её в сторону и занялась первой: Алисия – охотница за богатством. С фотографий на неё смотрело лицо благородного типа, о которых говорят – чувствуется порода, и неопределимого воз-

раста от восемнадцати лет до тридцати с хвостиком. Хотя никакой «породы» в её происхождении не было. Уж, эту информацию журналисты раскопали и обсосали со всех сторон во время её недолгой помолвки с Крейгом Фаррелом. И молоденькой Алисия была только на вид, а на самом деле старше Крейга на 6 лет. На момент помолвки ей – 29, ему 23.

Скарлетт попробовала составить её психологический портрет, опираясь на внешний вид. Что можно было сказать? Спокойная, уравновешенная, гармоничная личность. Красиво и элегантно одета. Аккуратна. Темперамент – между флегматиком и меланхоликом, точнее сказать было трудно. На их совместных фотографиях с Крейгом во время помолвки Алисия выглядела зажатой. Пусть снимки и были постановочными, но Крейг на них светился от счастья, а вот Алисия – нет. Но, впрочем, это могло так выглядеть, потому что она не была привычна к всеобщему вниманию, а отнюдь не потому, что пыталась скрыть свои истинные чувства.

Ни до Фаррелов, ни после них информации об Алисии Маркл, удачно заманившей в свои сети богача, не было. Что опять возвращало Скарлетт к третьей версии или... Или удача больше не сопутствовала Алисии в её поисках.

Скарлетт поняла, что запуталась и ходит по кругу.

Утром, уходя на работу, оставила на столе роман Нэло Хопкинса «Девочка Брауна в кольце», который был сигналом, что она чувствует опасность. Рядом положила две книги – «Тайная история» Донны Тартт и «Алиса в Зазеркалье»

Льюиса Кэрролла, намекая на историю с бывшей возлюбленной «объекта».

Вернувшись с работы, там же обнаружила роман Мэгги Осборн «Да! Да! Да!», подтверждающий её догадку об Алисии и «Часы» Майкла Каннингема, что означало – надо подождать. Если бы опасность разоблачения была велика, на столе лежал бы роман Джона Апдайка «Кролик, беги!»

¹¹ – в переводе – «благородный вид»

5

– Вы уверены, что мне надо ехать самому? – недовольно переспросил Крейг.

Хэйуорд тяжело вздохнул. Он уже полчаса убеждал босса, что лично познакомиться с одним из немногих серьёзных авторов Dover Books и принять участие в презентации его новой книги насущная необходимость для Издательского дома, а не «каприз» зарвавшегося автора, как тот считал.

Главной причиной, почему Хэйуорд Сэркер согласился остаться на посту главного редактора Dover Books, была надежда влиять на нового хозяина, чтобы уважаемое издательство не превратилось из выпускающее настоящую художественную литературу в печатный станок для тиражирования макулатуры. Хэйуорд понимал, что в условиях кризиса, когда прибыль покати́лась стремительно вниз, изменения неиз-

бежны. И, мало того, жизненно необходимы. Иначе дело, которому он посвятил всю свою жизнь, может просто рассыпаться прахом.

Команда менеджеров, нанятая новым боссом, и так уже многое изменила в политике Издательского дома. Хэйуорд Сэркер не мог не признать, что выпуск комиксов как для взрослых, так и для детей, выпрямил падающую кривую доходности и даже создал предпосылки для её устремления вверх. И очень гордился тем, что смог убедить Крейга Фаррела в непреходящей ценности классической детской литературы и стабильной доходности её выпуска.

Хэйуорду казалось, что и насчёт современных американских писателей, контрактами с которыми Dover Books не без основания гордился, поскольку их переход в «классики» откладывался только потому, что те ещё живы, они с боссом достигли консенсуса. И он никак не мог предположить, что такая ерунда, как слетать в Торонто к Уильяму Гибсону¹² вызовет у босса такое неприятие.

Крейг всегда основательно подходил к делу, тем более, когда сфера деятельности была новой для его бизнес-империи, но опускаться до таких мелочей, как личное участие в презентации новой книги, он не предполагал. А если, глядя на Уильяма Гибсона, и другие авторы потребуют его личного присутствия? Он что, будет по всему миру летать, как птица? Было и ещё одно соображение, которое особенно не нравилось Крейгу – публичность. Он избегал её всеми силами,

а тут обязательно будут журналисты, телевидение – всё это он ненавидел со времён разрыва с Алисией...

– Сэр, поверьте моему опыту! Уильям Гибсон – живой классик и непростой человек. Потеря его, как автора, может грозить нам потерей и остальных серьёзных писателей тоже. Именно контракты с ними позволили нам держаться на плаву.

Крейг откатился на кресле от стола и прикрыл глаза. «Чёрт! – подумал он с досадой, – Придётся соглашаться!»

– Хорошо, Хэйуорд! – согласился он после внушительной паузы, – Но один я туда не поеду! Я не читал ни один из его романов, и читать не собираюсь!

– С Вами обязательно поедет кто-нибудь из Отдела по работе с авторами. Насколько я помню, Гибсона ведёт Стенли Рубик. Я уточню.

Крейг вынужденно кивнул головой, отпустил подчиненного и отдал распоряжение секретарше купить билеты на самолёт до Торонто и обратно на тот же день (задерживаться после презентации он не собирался).

¹² – американо-канадский писатель-фантаст, с 1967 года живущий в Канаде и имеющий двойное гражданство. Он считается основателем стиля киберпанк, определившего жанровое лицо литературы 1980-х.

Ранним утром Хэйурда поднял с постели настойчивый звонок телефона. «Кому там ещё не спится в субботу?» – с досадой подумал пожилой человек. Хэйурд был ярко выраженной «совой» и работа в издательстве, где активный рабочий день начинался после полудня, а заканчивался далеко за полночь, было его божьим благословением.

На звонок ответить пришлось – всё равно уже не заснёшь, а после разговора со Стенли Рубиком пришлось пить валерьянку. Этот чёртов козёл умудрился попасть в больницу накануне вылета в Торонто! Хэйурду было совершенно не жалко Стенли, не только потому, что тот подвёл всё издательство, но и из-за обстоятельств его «недомогания».

Выгуливая вечером собаку (мог бы своего йорка и на балконе выгулять!), Стенли познакомился с новым соседом Ником, выгуливающим таксу. Собаки друг другу понравились. Их хозяева тоже. Ник пригласил Стенли к себе отметить знакомство. Алкогольные возлияния выявили родство душ и притяжение тел. Оба оказались геями. Оба уже давно расстались со своими «вторыми половинками». Оба были непрочь заняться сексом. Удачно сложилось и то, что Стенли был ярко выраженной «партнёршей», а Ник – «партнёром».

Стенли уже почти засыпал, утомлённый любовью (это уже был не просто секс, в этом он был уверен), наполненный до краёв снизу доверху, ощущая упругое горячее тело любимого, прижавшегося к его спине, когда Ник, приятно щекоча

уху Стенли, предложил попробовать любовную игру «доминант – раб». Стенли засомневался, но Ник своими ласками так разжёл его, что переход в разряд раба произошёл незаметно.

Вначале Стенли был напряжён, потом ему стало нравиться. Когда Ник засунул в его задний проход шарик и стал совершать им манипуляции, Стенли почувствовал приближение такого удовольствия, которое не получал никогда в жизни. Но дальше ночь перестала быть томной. У шарика оборвался шнурок, за который его можно было вытащить из задницы. Стенли испугался и, вместо того, чтобы расслабиться, зажался. Ник испугался тоже, «закудахтал» вокруг Стенли, вместо того, чтобы успокоить, попытался выковырять шарик подручными средствами, чем только усугубил ситуацию – Стенли стало нестерпимо больно. Пришлось вызывать скорую помощь.

Врачи вытащили чёртов шарик, но теперь Стенли придётся провести несколько дней лёжа задницей вверх. Когда ему полегчало, он вспомнил, что сегодня днём ему предстоит полёт в Торонто вместе с боссом. И позвонил главному редактору, поскольку своему непосредственному начальнику – Джону Саммеру, дозвониться не смог.

Джон Саммер ответил на настойчивые звонки Хэйуорда только после восьми часов. Джон был человеком семейным и предпочитал в пятницу вечером выключать громкость на

телефоне. После разговора с ним Хэйуорд немного успокоился. Ещё час назад казавшаяся неразрешимой ситуация таковой быть перестала. С боссом вполне мог полететь и сам Джон Саммер, и эта новенькая – Скарлетт Харрисон. Джон мог ответить на вопросы босса о новой книге Уильяма Гибсона, поскольку, как начальник Отдела по работе с авторами, был в курсе всего. А Скарлетт занималась книгой, как корректор. И Хэйуорд, облегчённо вздохнув и помолившись, позвонил Крейгу Фаррелу.

С боссом Хэйуорд смог пообщаться в районе девяти часов. Он подготовил длинную, тщательно выверенную фразу и даже записал её на бумаге, чтобы выпалить одним духом, и не дать возможность начальнику отказаться от поездки:

– Доброе утро, сэр! Стенли Рубик приболел, но его вполне могут заменить начальник отдела Джон Саммер или корректор Скарлетт Харрисон.

– Скарлетт Харрисон, – отчеканил после небольшой паузы Крейг Фаррел, – А Стенли Рубику передай, что раз он «вполне» заменяем, значит, мы в дальнейшем вполне обойдёмся без его услуг.

Утро, действительно, оказалось для Крейга добрым. Он не собирался упускать счастливую возможность побыть вдвоём со Скарлетт, раз, уж, так удачно сложились обстоятельства. Отпущенный Варду двухмесячный срок проверки приближался к концу. Ничего внятного против Скарлетт, кроме

собственных необоснованных опасений, Вард предъявить не мог. И Крейг отдал распоряжение секретарше перерегистрировать второй билет на Скарлетт Харрисон в бизнес-класс рядом с собой, перенести обратный вылет на воскресенье и забронировать номер люкс в лучшем отеле Торонто. Поползновения начальника службы безопасности отправиться в Торонто вместе с ним зарубил на корню, велел оставить того охранника, который и намечался в эту поездку. И так, чтобы он, Крейг, его не видел и не слышал...

А Хэйуорд Сэркер в это время мчался на машине к дому Скарлетт Харрисон и ругал себя последними словами. Какого чёрта он предложил шефу выбор, если до Джона он уже дозвонился?! Так и надо было назвать одну фамилию! Всё-таки, годы дают о себе знать. Поддался на просительный тон Джона. Ему, видите ли, «хотелось бы побыть с семьёй в выходные». Скарлетт Харрисон на звонки не отвечала, и теперь было проще застрелиться, чем опять звонить боссу и предупредить его, что поедет, всё-таки, Джон Саммер. Интуиция подсказывала Хэйуорду, что после такого, ни в его услугах, ни в услугах мисс Харрисон Издательский дом Dover Books тоже «вполне» не будет нуждаться.

Скарлетт тоже позволяла себе в выходные дни подольше поваляться в постели. А потому, в то время как ей названивал главный редактор, была ещё на пробежке, куда телефон с собой не брала. Настойчивый трезвон в дверь услыша-

ла только когда выключила душ, а потому встретила запыхавшегося, как будто он пешком поднимался на сотый этаж, Хэйуорда Сэркера в халате и с огромным коконом из полотенца на голове.

Времени, чтобы собраться в дорогу и успеть в аэропорт, было не больше часа. Скарлетт вызвала главному редактору врача – ему явно было плохо с сердцем, и до его приезда они в два фена (второй пришлось одалживать у соседки) сушили её огромную гриву волос.

После отъезда Хэйуорда в больницу, Скарлетт собрала вещи, оставила на столе книгу Карсона Маккалера «Сердце – одинокий охотник», что для конторы означало начало выполнения задания, и на машине главного редактора отправилась в аэропорт.

Взглянув на себя в зеркало, уже усевшись за руль, Скарлетт ужаснулась – волосы мелким бесом торчали в разные стороны, так что её голова была похожа на огромный одуванчик. Боже! И в таком виде ей надо соблазнить босса! Не могло быть и речи, чтобы изображать уверенную в себе женщину. Надо было срочно что-то придумать. И Скарлетт, поразмыслив, решила давить на жалость. Пусть мужчина почувствует себя сильным, захочет защитить слабого.

В самолёт Скарлетт влетела одной из последних. Сделала вид, что очень удивилась любезному предложению стюардессы пройти в салон бизнес-класса. Ещё больше «удиви-

лась», увидев Крейга Фаррела, вставшего со своего кресла, чтобы пропустить её к окну. Смущаясь, попросила:

– Сэр! Простите! А можно мне сесть в проходе?

(А сама при этом думала: интересно, у меня достаточно жалостливый вид, чтобы быть похожей на Кота из мультика про Шрека?)

Босс молча уселся к окну. Позволять молчать ему было нельзя – и так слишком короткий перелёт для налаживания контакта. И Скарлетт завозилась в кресле, застёгивая ремень безопасности. Её растрёпанные волосы коснулись лица Крейга и он рефлекторно дёрнулся.

– Ох, сэр! Простите! – обратилась к нему с извиняющейся улыбкой Скарлетт, – Всё так неожиданно случилось! Пришлось впопыхах собираться. Я постараюсь найти что-нибудь в сумке, чтобы моя грива Вам не мешала.

– Ничего страшного! – разжал губы босс, – У тебя очень красивые волосы.

(Ну, наконец-то! Это можно было засчитать за первый комплимент!)

А Крейг при этом думал, какая же она красивая даже без косметики, даже с этой смешной растрёпанной головой! Милая, нежная, беззащитная. В другое время, с другим человеком такой неаккуратный внешний вид вызвал бы у него только раздражение, а Скарлетт вызывала умиление.

Между тем, командир лайнера объявил о взлёте, и Скарлетт закрыла глаза, вцепилась руками в подлокотники крес-

ла и начала читать молитву, шевеля губами. «Да она боится летать!», – понял Крейг.

– С тобой всё в порядке? – спросил он девушку и накрыл её руку своей ладонью в успокаивающем жесте.

– Честно говоря, не очень, – отозвалась Скарлетт, открыв глаза, – но я постараюсь, сэр, не впасть в панику.

И «доверчиво» подсунула под ладонь босса свою вторую руку. Для этого «пришлось» развернуться в кресле и немного придвинуться к нему ближе.

Рядом, совсем рядом с Крейгом оказались её сладкие губы, а «бесхитрый» взгляд её медовых глаз проникал в самое сердце. И Крейг не выдержал. Прикоснулся к этим сахарным губам поцелуем. Нежным. Лёгким.

– Так лучше? – спросил тихо, отрываясь от её рта.

– Намного, сэр! – ответила она также тихо, не открывая глаз и не закрывая рта.

Все барьеры были сняты, все шлюзы открыты, и Крейг прижался к Скарлетт в глубоком поцелуе.

Полёт прошёл незаметно. Целоваться Крейг умел, и Скарлетт почти не пришлось играть, когда она шла за ним по аэропорту, держась за руку, как сомнамбула. Рейс Крейг выбрал так, чтобы находиться в Торонто как можно меньше времени. Между прилётом и началом презентации едва хватило времени бросить вещи в отеле, поэтому Крейгу понадобилась вся сила воли, чтобы держать себя в руках.

В первоначальном варианте отель вообще не предполагал-

ся. Потраченное на него время предназначалось для знакомства с автором – Уильямом Гибсоном. Писатель надулся на опоздавшего издателя, но потом оттаял под его обаятельной улыбкой.

Улыбка не сходила с губ Крейга вовсе не по поводу знакомства со знаменитостью, а в ожидании того, что будет *после* времени, потраченного на презентацию его творения. Речь, подготовленную совместно с Хэйуордом Сэркером, Крейг произнёс по-деловому напористо. На вопросы отвечал кратко, но ёмко. Быстро прервал журналистов, поскольку преамбула с ним стремительно превращалась в интервью, напомнил им цель, ради которой они все здесь собрались, и передал слово Уильяму Гибсону. И смылся с мероприятия. Скарлетт, смиренно стоящую за его спиной и не произнёсшую ни слова, никто и не заметил. В объектив камер она также не попала. Она знала, как это делать.

Своё дело знало и ФБР. Внедрённый агент «Скарлетт Харрисон» уже находилась на грани провала. Об этом говорила тщательная проверка, которой она подвергалась со стороны «объекта». Скрупулёзно подготовленную заранее «биографию» пришлось дополнять сляпанными на ходу деталями, что грозило появлением накладок, и потому Бюро решило форсировать события.

К писателям, с которыми работала Скарлетт, были направлены «журналисты», муссирующие тему смены хозяина

Dover Books и связанное с этим возможное изменение генерального курса Издательского дома. Первым на провокации отреагировал Уильям Гибсон, пожелавший лично познакомиться с Крейгом Фаррелом.

Надо ли говорить, что «Ник», выведший из строя Стенли Рубика, намеченного в поездку вместе с боссом в Торонто, являлся агентом ФБР?

Сделает ли «правильный» выбор Крейг Фаррел в пользу Скарлетт Харрисон, было своеобразным тестом. Если бы выбор Фаррела пал не на Скарлетт, то было уже решено вывести её из игры, поскольку означало, что либо Крейг не заинтересовался ею, либо в чём-то подозревает. В любом из этих случаев пребывание в дальнейшем агента в роли Скарлетт Харрисон было бесполезно.

Но Крейг выбрал Скарлетт, и операция продолжилась.

7

Крейг проснулся первым и залюбовался спящей Скарлетт. Она была так безмятежна во сне. Как ребёнок. Он убрал волосы с её лица и осторожно поцеловал кончик пряди, чтобы не разбудить. А ночью... Ночью она была такая страстная, требовательная! Такая щедро отдающая! Такая агрессивно забирающая! Он был удивлён, ошарашен, сбит с толку... Очарован. Первый раз позволил женщине доминировать над собой. Первый раз в жизни позволил себе забыть-

ся, убрать самоконтроль. Как, ну как, может в одном человеке сочетаться несочетаемое?

Вскоре только смотреть на Скарлетт Крейгу стало мало. Он нежно поцеловал её плечико, сдвинул одеяло в сторону и начал изучать её тело. То, что не успел сделать вчера. Обвёл ладонью холмики девичьей груди, спустился вниз до пупочка и уже нацелился нырнуть ниже, между ножками, но тут, видимо, Скарлетт стало прохладно, она завозилась, прижимаясь спиной плотнее к горячему телу сзади, и натянула на себя одеяло. Под ним скрылось всё, на что Крейг только что любовался. Но от этого желание не исчезло, наоборот, распалилось с новой силой, потому что осталось обоняние, осязание, воображение. Руки, губы притягивались к ней, как магнитом. И тут волосы Скарлетт защекотали у Крейга в носу, и он чихнул.

– Будь здоров! – пробормотала Скарлетт и, не открывая глаз, повернулась на бок лицом к Крейгу, – Можно я ещё поваляюсь?

– Можно, – прошептал он, целуя ей ушко.

– М-м-м! Как хорошо! Ещё! – потребовала она.

Разве такому требованию можно не подчиниться? И Крейг пустился «во все тяжкие». Только теперь *он* однозначно доминировал над женщиной, а она подчинялась его довлеющей силе...

– Я готова так просыпаться каждое утро, – сказала Скарлетт, сладко потягиваясь в кровати, когда они отдышались

после бурного соития, – А сколько времени?

Крейг приподнялся на локте и посмотрел на часы:

– Почти девять.

– Господи, как рано! Или мы на самолёт опаздываем?

– Никуда мы не опаздываем. И самолёт я отменил. Мы поедem на машине.

Скарлетт замерла на мгновение, а потом посмотрела на Крейга серьёзно и спросила:

– Это из-за меня?

Крейг молча кивнул головой. Скарлетт закричала, как индеец на охоте, и начала осыпать Крейга лёгкими дразнящими поцелуями, частя между ними:

– Спасибо... спасибо... спасибо...

– Женщина! Что ты творишь? – грозно прорычал Крейг, удерживая Скарлетт за руки, а у самого в глазах плясали чёртики, – Так мы никогда не выберемcя из постели и опоздаем на работу.

– О! Жаль! А я хотела тебя попросить ещё заехать по пути на Ниагарский водопад¹³, – притворно вздохнув, ответила Скарлетт и, поскольку руки были зажаты, погладила Крейга под одеялом ногой, – Тогда встаём!

И рванулась из кровати.

– Ну, уж, нет! – повалил Крейг на себя Скарлетт, – Сначала надо завершить начатое!

– А мы успеем? – лукаво спросила она, устраиваясь поудобнее на теле мужчины.

Его ответ: «Успеем!» потонул в её поцелуе.

– И на водопад заедем? – уточнила она, уже начав скакать на его орудии.

– Заедем... – прошелестел Крейг эхом.

«Ты ещё и не то ради меня сделаешь, Крейг Фаррел! А потом я тебя уничтожу!», – мстительно подумала Скарлетт, но на её лице эта мысль не отразилась. И удовольствию от секса не помешала.

¹³ – комплекс [водопадов](#) на реке [Ниагаре](#), отделяющий американский [штат Нью-Йорк](#) от канадской провинции [Онтарио](#).

8

Выйти на работу в понедельник не получилось. Они зависли на Ниагарском водопаде.

Сначала поднялись на смотровые площадки – на высоту ста шестидесяти метров башни Скайлон с канадской стороны, дающей возможность увидеть панораму всех трёх водопадов комплекса – Американского водопада, Фаты¹⁴ и Подковы, и на Table Rock с американской стороны, где можно увидеть водопад сверху, но так близко, всего в каких-то паре метров, что невольно тянешься рукой, пытаясь к нему прикоснуться, глохнешь от грохота воды, застываешь от благоговения перед его мощью.

Чтобы попасть из канадского городка Ниагара-Фолс в городок с таким же точно названием, но на американской стороне, проехали по Радужному мосту. «Радужным» он называется, вопреки ожиданиям, не потому, что раскрашен во все цвета радуги, а потому что над ним в брызгах от водопадов постоянно висит радуга, а то и две сразу.

На самую крутую экскурсию на вертолёте, с борта которого можно было увидеть всю панораму Ниагары, не пошли, ведь Скарлетт «боится» летать. У Скарлетт был соблазн сказать, что её аэрофобия относится только к самолётам, но она поосторожничала, ведь они ещё в самом начале отношений, не надо лишних подозрений.

Напоследок оставили две водные экскурсии – вглубь Подковы на кораблике с символичным названием «Дева тумана» и поездку по Канатной дороге. Когда кораблик начал огибать по периметру Подкову, стала понятна, на собственной шкуре, так сказать, ирония его названия. Туман, клубившийся в середине подковы водопада, для тех, кто находился на кораблике, обернулся тропическим ливнем. Спрятаться от массы воды оказалось не возможно, она была повсюду, не помогли ни дождевики, ни комбинезоны. Но весело было!

Удовольствием не для слабонервных, оказалась и канатная дорога. Ты в открытом вагончике на высоте ста метров, рядом с тобой летают птицы, а под тобой бурлящие водовороты Ниагары. Кайф!

Ночной подсветкой Ниагарских водопадов и фейер-

верк-шоу Скарлетт и Крейг любовались из джакузи двухкомнатного люкса на последнем, 42-м этаже пятизвёздочного отеля Embassy Suites by Hilton Niagara Falls Fallsview. Мокрая одежда после водных экскурсий сохла разбросанной по номеру, а они занимались любовью.

¹⁴ – с этим водопадом связана трогательная и романтическая легенда местного индейского племени. Вождь одного из племён обручил свою дочь – прекрасную Лелавалае, против её воли с почётным воином. Не смирившись со своей участью, она принесла себя в жертву, сбросившись в водную бездну во имя горячей любви к богу Хе-Но, повелителю грома, жившего в пещере. Хе-Но был очарован девушкой и не дал ей умереть, подхватив на лету. А её развевающаяся во время падения фата превратилась в водопад. С тех пор души Хе-Но и Лелавалае живут в мире и любви, охраняя Ниагарский водопад.

9

Между Ниагара-Фолс и Вашингтоном было 7 часов пути. Они выехали после 10 часов, так что пробок на дороге уже не было. Те, кто спешил на работу, уже проехали. Им же со Скарлетт спешить было незачем. Крейг на автомате вёл машину и под эти простые механические действия хорошо думалось. Двухдневные каникулы закончились, пора было воз-

вращаться к насущным делам.

Собственно говоря, особых проблем в бизнесе не было. Только со скрипом поворачивающееся в сторону прибыли издательское дело требовало пристального внимания. Но и здесь осталось сделать лишь некоторые перестановки и увольнения в руководстве. Система противовесов в виде группы кризисных менеджеров, работа которых нацелена исключительно на выведение Издательского дома в прибыль, и главного редактора Хэйурда Сэркера, озабоченного поддержанием имиджа компании, выстроена идеально. Постепенно они притрутся друг к другу, и роль Крейга в качестве некоего третейского судьи между двумя разнонаправленными векторами отпадёт. И тогда он сможет заняться новым проектом.

Это в перспективе. А сейчас надо будет заняться делами Скарлетт. Перевезти её вещи к нему...

Как только в мысли Крейга залетело имя Скарлетт, он тут же почувствовал волну желания снизу и теплоту, идущую из сердца. Искося взглянул на девушку. Скарлетт полулежала на переднем сиденьи, закрыв глаза, а на её губах играла счастливая улыбка.

Скарлетт было хорошо. Очень хорошо! Даже здорово! Уже давно она не чувствовала себя такой счастливой. Со времён, когда она ещё не стала Малышом, когда имела своё собственное имя. То, что счастливой её сделал человек, кото-

рого она ненавидела, совесть Скарлетт не тревожило. Чтобы Малышу выполнить задание, нужно было, чтобы «Скарлетт» полюбила «объект». Это случилось, и она была счастлива. Когда всё закончится, счастлива будет Малыш, а разбитое сердце останется у «Скарлетт». Такая вот замечательная арифметика.

Но это в перспективе. А сейчас... Сейчас надо посмотреть, какие действия предпримет в ближайшее время Крейг. Прекратит ли копать в «её» прошлом? Предложит ли съехаться?

Скарлетт из-под ресниц взглянула на сосредоточенного на дороге Крейга. Если бы она была обычной девушкой, о таком любимом можно было только мечтать! Нет, он не обладал внешностью голливудских красавчиков. Но в нём была харизма. В том, как он вёл себя в постели, не было эгоизма. Легко быть щедрым, конечно, когда ты богат, но и снобизма в нём не было тоже. Дела он вёл жёстко, но без жестокости. Нельзя не признать, что «захват» Dover Books был достаточно мягким. На улице оказались лишь те, кто, действительно, был балластом... Стоп! О чём она думает? Она что, оправдывает Крейга Фаррела?!? Она? Отца которой он погубил? Того, кто перевернул судьбу её семьи вверх тормашками, и равнодушно пошёл дальше? И скольких ещё он погубил, пока шёл к своему сегодняшнему благоденствию?!?

Скарлетт сладко потянулась, открыла глаза, развернулась

к Крейгу и, лучезарно улыбаясь, попросила:

– Дашь порулить?

Крейг согласился, но не выдержал и двадцати минут в кресле пассажира. Скарлетт, как только уселась за руль, вдавила педаль газа, и машина понеслась со скоростью под 200 км/час. Лихо обгоняла впереди идущий транспорт. Водители возмущённо сигналили ей вслед, а она отвечала им короткими веселыми гудками.

Крейг не орал на неё, не выхватывал руль, не пытался нажать на тормоз. Тихо *приказал* остановиться у придорожного кафе, вытащил её за руку из машины и отвёл за столик. Заказал 100г коньяка и заставил выпить. А потом спокойно спросил:

– Что это было?

– А что? – «удивилась» Скарлетт, глядя прямо ему в глаза, – Я обожаю гонять на автомобилях!

(Не будет же она ему рассказывать о раздразе в душе и способах сбросить напряжение?)

– На самолётах ты летать боишься, а разбиться на скорости нет? В чём логика?

– Не знаю, – ответила, пожав плечами Скарлетт, – никогда над этим не задумывалась.

А потом сказала, следуя какой-то своей внутренней логике:

– Летать всё равно придётся. Ещё до Луисвилла¹⁵ я доберусь на машине, а до Остина¹⁶ только самолётом.

Тяжко вздохнула и понурила голову. Крейг ничего не понимал. Он сложил руки на груди и строго спросил:

– Зачем тебе нужно в Луисвилл и Остин?

– Ну, как же? – оживилась Скарлетт, – В Луисвилле живёт Руди Рюкер, а в Остине – Брюс Стерлинг!

– И кто они тебе?

– Ты смеёшься надо мной? – всплеснула руками Скарлетт, – Они не мне, они всей Америке! Они же самые крутые писатели в стиле киберпанк. Да я из-за них и рвалась в Dover Books. Даже вон волосы себе нарастила, чтобы гарантированно взяли на работу!

(Женщины предпочитают скрывать от своих мужчин об уколах ботокса для омоложения, о накачивании силиконом груди, о татуаже бровей и губ, о наращивании волос и ресниц, но Скарлетт изображала из себя чистую, в чём-то наивную, непосредственную девушку. И в любом случае, приближалось время делать коррекцию, так что признаться в наращивании волос всё равно пришлось бы).

– И сработало, – задумчиво протянул Крейг.

– А то! – рассмеялась Скарлетт, – Стенли как меня увидел, так у него челюсть и отвисла!

(«Как и у меня», – с досадой подумал Крейг)

– Так тебя принимал на работу Стенли Рубик? Не Джон Саммер?

– Ну, да! Джон был в командировке.

– Тогда твои волосы не причём. Стенли интересуется

мужчинами.

– О-о-о! – протянула Скарлетт, не зная, что сказать.

Остаток пути до Вашингтона машину вёл Крейг под щебет Скарлетт, с упоением рассказывающей боссу о трёх китах американской литературы, на которых зиждился авторитет Издательского дома Dover Books, хозяином которого он теперь являлся.

¹⁵ – город в штате Кентукки. Находится в 607 милях от Вашингтона. На машине это расстояние можно преодолеть примерно за 9 часов. Самолёт летит 1 час 45 мин.

¹⁶ – город в штате Техас. Находится в 1524 милях от Вашингтона. Самолёт летит туда 3 часа 35 мин.

10

Крейг собирался на работу. Скарлетт проверяла свой чемодан – через 4 часа ей предстоял полёт в Остин. Она подошла к Крейгу, обняла его со спины и начала на ощупь застёгивать пуговицы его рубашки. Это был их ежевечерний ритуал, только наоборот – обычно пуговицы она расстёгивала. Традиция началась с... раз, два, да! с третьего дня их отношений...

...Они вернулись в Вашингтон после презентации новой книги Уильяма Гибсона в понедельник вечером. Сразу за-

ехали за вещами Скарлетт. А с утра пораньше начали ссориться. Из-за того, что Скарлетт собралась выйти на работу.

Не то, чтобы ссорится, но спорить. Ни накануне вечером, ни, тем более, ночью, обсудить этот вопрос они не успели. Было не до этого. Оба набросились друг на друга, как изголодавшиеся волки, и всю ночь провели в «борьбе» за главенство в любви.

Для Крейга было само собой разумеющимся, что его девушка не должна работать вообще, а уж в его подчинении и подавно. Для Скарлетт это было не очевидно. Исчерпав все аргументы, оба остались при своём мнении. Крейг замолчал, Скарлетт надулась. Но как-то же выкруливаться из этой ситуации надо было? И Скарлетт подошла к Крейгу, который застёгивал запонки на рукавах рубашки, прижалась щекой к его спине и обхватила руками за талию:

– Пожалуйста, разреши мне работать! Я так мечтала об этой работе. Так радовалась, так гордилась, что буду работать со своими любимыми писателями!

Крейг положил ладони на руки Скарлетт. Помолчал. А потом тихо сказал:

– Пойми, я не могу полноценно работать, когда ты в офисе. Я и так два месяца провёл у стеклянной стены, глядя на тебя сверху.

Скарлетт, довольная таким признанием, захихикала и начала расстёгивать пуговицы его рубашки.

– Что ты творишь? – застонал Крейг, – Я же опаздываю!

– Сам себе хозяин никогда не опаздывает, он задерживается!

«Задержка» вылилась в час, но зато Скарлетт получила разрешение работать на дому, что её устраивало на все 200%. Она одним махом влезла не только в постель «объекта», но и в его дом, и в его компьютерную сеть. Не могла же она работать корректором без ноутбука?..

... – Что ты творишь? – застонал Крейг, когда руки Скарлетт обхватили его со спины – Ты же опоздаешь на самолёт!

– Ну, и чёрт с ним! – ответила Скарлетт, и начала расстёгивать уже застёгнутые пуговицы.

Лёжа в обнимку в постели, после нежного акта любви, Крейг поцеловал волосы Скарлетт и спросил:

– Ты переживаешь из-за полёта?

– Немножко, – ответила Скарлетт, теснее прижимаясь к горячему телу, – но я справлюсь.

Она уже совершила один полёт без Крейга в Луисвилл, устроив накануне вылета целое представление (должна же она была поддерживать легенду о своей аэрофобии), и категорически отклонив его предложение полететь вместе. Перелёт в Остин был в 2 раза длиннее, поэтому неудивительно было, что Скарлетт «переживала».

– Я не сомневаюсь, – ответил Крейг, – До завтра?

– До завтра, любимый, – с особым чувством сказала Скарлетт.

Крейг легонько, почти по-братски, поцеловал её, пружинисто встал с кровати и ушёл на работу. А Скарлетт осталась в постели. «До завтра», – пообещала она, твёрдо зная, что никакого завтра для них не будет. В этом она ему соврала. Но ничуть не соврала, назвав Крейга *любимым*...

...Рубикон был ею пройден два месяца назад, когда она уже всё подготовила для слива информации в ФБР о теневой экономической деятельности Крейга Фаррела, в чём, собственно говоря, и заключалось её задание, но сидела перед компьютером, тупо уставившись в его мигающий экран, и никак не могла решиться нажать на «пуск».

А решиться не могла, потому что за четыре месяца их отношений полюбила его всей душой, всем сердцем. Полюбила не только, как «Скарлетт», но и как «Малыш», и как та, которой она была на самом деле.

Не был Крейг никаким ублюдком, погубившим её семью. Он выбил почву, питающую её ненависть, рассказав о себе, ничего не скрывая. Об отношениях с матерью, которой у него, по сути, не было, поскольку она сознательно, ради денег, пошла на заключение брака с его отцом и рождение ребёнка. У неё в душе ничего не дрогнуло, когда подростком Крейг настоял на знакомстве с ней.

О своём одиночестве в элитной школе Лондона, куда отправил его отец после того как он «слетел с катушек» от встречи с матерью.

О выстраивании заново отношений с отцом, когда его выдернули из Лондона сообщением, что отец болен и надежд на его выздоровление нет никаких. Эти полгода рядом с умирающим родным человеком, не смотря на весь ужас неизбежности потери, стали самыми светлыми в жизни Крейга.

О своей первой серьёзной любви – Алисии Маркл. Ангела, самоотверженно ухаживавшего за отцом и поддержавшего сына после его ухода, оказавшегося Дьяволом, нанятым сицилийской мафией, с которой у Фаррела-старшего были какие-то дела. Какие – Крейг не знал до сих пор, поскольку Алисия бесследно исчезла после того, как Вард вывел её на чистую воду.

О том, как необходимость заниматься бизнесом отца, не дала сыну сойти с ума от наслоившихся друг на друга потерь – любимого отца и предавшую любимую. О том, как он перестраивал бизнес с захвата и банкротства фирм, чем занимался отец, на выкуп и грамотный менеджмент для выведения их в прибыль...

Сравнив даты и сроки, Скарлетт поняла, что её отца погубил Крейг Фаррел-старший. И она могла бы это понять ещё давно, ведь информация была в открытом доступе, если бы ненависть не затмила ей разум. И тогда она могла бы отказаться от этого задания. Крейга бы это не спасло, но спасло бы её от разбитого сердца...

...Выбор есть при любой ситуации, а вот выхода может не

быть. Да, она могла тогда, два месяца назад выбрать Крейга. Предупредить его. Сбежать вместе с ним. А что дальше? Она прекрасно знала, как далеко и глубоко тянутся щупальца ФБР. Арест или даже смерть того, кто находится под их колпаком – это дело даже не времени, а только лишь желания кого-то высоко наверху или чьих-то интересов. И ещё... Как там высказался Стив? «У тебя есть сдерживающие обстоятельства против глупых шагов». О, да! Есть! И ещё какие!

И Скарлетт нажала на «пуск», сделав выбор в пользу «обстоятельств» и себя.

Два месяца контора молчала, а недавно Скарлетт получила указание о завершении операции – роман Джона Апдайка «Кролик, беги!» (библиотеки в доме Крейга не было, что позволяло Скарлетт периодически появляться дома, где она получала инструкции по дальнейшим действиям, не вызывая подозрения). И так удачно совпало, что вскоре она должна была отправиться на презентацию новой книги Брюса Стерлинга в Остин, за тысячу миль от Вашингтона – удачный момент, чтобы исчезнуть. Вряд ли такое совпадение случайно. Как пить дать, родная контора постаралась.

Из Остина Скарлетт отправила Крейгу две смс – об удачном приземлении и о том, что презентация книги Брюса Стерлинга прошла с успехом. Последняя смс была сигналом для агентов ФБР к аресту Крейга Фаррела.

Почти одновременно с ним, в Остине была задержана любовница магната – Скарлетт Харрисон. Последняя новость не долго продержалась в топе СМИ. Как ни старались журналисты раскопать какие-нибудь жареные факты из биографии Скарлетт Харрисон, нарыть что-нибудь им так и не удалось. Даже снимков пары не оказалось в их распоряжении. Газеты решили, что Скарлетт всего лишь очередная пассия Фаррелла, которых у него было немало и до неё, и девушке просто «повезло» попасть «под раздачу», оказавшись крайней.

11

– Джейн! Джейн, ты дома?

Колин и Элизабет, – поняла Джейн, узнав молодых людей по голосу. Да и трудно было не узнать, когда общаешься всего с тремя соседями – парой молодожёнов и старушкой-божьим одуванчиком.

– Дома! – откликнулась Джейн, – Заходите!

– Мы ненадолго, – смущённо произнесла Лизи (так её звал Колин, а вслед за ним и миссис Агата, та самая старушка-божий одуванчик, и Джейн), входя в дверь.

Лизи всегда говорила так, будто извинялась за что-то. И держалась немного позади Колина, готовая в любую минуту нырнуть за его широкую спину.

– Хотим завтра поехать на остров Марш. Поедешь с нами? – спросил Колин.

Молодые люди периодически предлагали Джейн совместные мероприятия, но она почти от всего отказывалась. Ничего экстремального, типа прыжков с парашютом или гонок на картинге, Джейн себе позволить не могла. А вот на парочку выходов на природу с барбекю согласилась.

– А мисс Агата поедет? – спросила Джейн.

– Она сказала, – смущённо хихикая, ответила Лизи, – что спросит завтра у своего давления.

А Колин добавил:

– Мы арендовали яхту со шкипером на весь день за триста долларов.

«Ясно, – догадалась Джейн, – ребяткам хочется разделить расходы». И согласилась. Погода стояла чудесная. Почему бы и не съездить. От посёлка Портедж, где жила Джейн, до городка Говернинг, где у каждого жителя была своя яхта, на которой можно было всего за полчаса добраться до

Заказника Расселл Сейдж, было всего каких-то 7 миль. Так что поездка не будет утомительной. А в Заказнике чудесная природа, куча озёр и великолепные песчаные пляжи. И что самое важное – почти нет народа.

Именно уединение искала Джейн, когда выбирала своё новое место жительства. Правда, совсем ни с кем не общаться, не получилось. Не успела она ещё толком разобраться свои вещи, как в калитку позвонили. Джейн посмотрела на экран домофона и поняла, что не открыть не получится. И вообще, не вежливо заставлять пожилую леди ждать. Джейн поспе-

шила открыть калитку и встретила гостью в дверях дома.

По изображению на экране Джейн достаточно правильно определила возраст старушки – за 80. Она оказалась ближайшей соседкой Джейн. И звали её Агата Роулинг. В руках мисс Агата держала аппетитно пахнущий ванилью и корицей яблочный пирог. Так что от знакомства с соседкой было не отвертеться. Вообще-то, познакомиться с соседями подобным образом должна была Джейн, но, видимо, мисс Агата не привыкла ждать милостей от природы.

С Колином и Элизабет Джейн свела тоже мисс Агата. Молодые люди появились в их посёлке месяца через три после приезда Джейн. И, судя по всему, не планировали вести бурную светскую жизнь. По соседям с пирогами не ходили. Но разве это могло остановить старушку? Не прошло и недели, как она не только сама с ними познакомилась, но и перезнакомила соседей между собой.

Джейн понравилась молодая пара, но она всё равно попросила мисс Агату больше ни с кем её не знакомить. Старушка молодо захихикала и по секрету сообщила Джейн, что об этом же её попросили и Колин с Лизи. А потом отсалютовала, как скаут, и торжественно поклялась, что больше никого в их тесный дружеский кружок приводить не будет. Ну, как на такую сердиться?

И, как ни странно, про это своё обещание помнила. Хотя с памятью у неё было швах. Она прекрасно помнила свою бурную молодость и очень интересно о ней рассказывала,

но могла напрочь забыть, что делала вчера. Могла дважды в день выпечь пирогов и прийти в гости, а потом не показываться несколько дней в святой уверенности, что они сегодня уже встречались. И тогда соседям поневоле приходилось навещать её самим – мало ли что, пожилой человек, может, помощь нужна. На этом и сблизилась.

А ещё крепче их сблизило общее горе. Оказывается Лизи с Колином недавно потеряли новорожденного ребёнка, дочку. Лизи никак не могла выйти из депрессии, и врач посоветовал паре побыть в уединении, подальше от мамочек с колясками и детскими площадками. Обо всём этом Джейн рассказала, конечно же, мисс Агата. Под большим секретом. Под таким же большим, как и историю Джейн Колину и Лизи. Только, в отличие от их истории, горе Джейн было выдуманым. Просто старушка так пристрастно её расспрашивала о причинах её тяги к уединению, что Джейн

пришлось сочинить слезливую историю, чтобы та от неё отстала. И теперь Джейн было ужасно стыдно и неудобно, когда Лизи делилась с ней своими воспоминаниями в полной уверенности, что разговаривает с той, кто может понять её горе до конца.

12

В путешествие мисс Агата всё-таки не отважилась пуститься, и Джейн с Колином и Лизи отправились втроем. Ях-

та уже была готова к отплытию, так что, как только они подъехали и загрузились, тут же отчалила. Поскольку старушка не поехала, то Колин уговорил Лизи и Джейн идти не коротким маршрутом, а обогнуть половину острова, порыбачив по дороге. И высадиться не у ближайшего пляжа Биг Чарльз Бэй, а у самого дальнего Песчаного озера. Озера никакого не было. Так называлась живописная лагуна, которая исчезала, соединяясь с океаном во время прилива, и обнажала свои берега, образуя почти идеальную окружность, во время отлива.

Колин расположился с удочками на корме, там же пристроилась в шезлонге Лизи. Шкипер, высокий сухощавый старик с короткой седой бородой и усами, уверенно управлялся со штурвалом, а Джейн отправилась на нос. Ей нравилось стоять одной и ни о чём не думать. Ветер развевал её волосы и надувал парусом юбку.

Неожиданно сзади Джейн кто-то встал, загорелые руки опустились на поручень, зажав её в кольцо, и вкрадчивый голос произнёс:

– Ну, здравствуй, Скарлетт!

Джейн вздрогнула.

– Я не Скарлетт, сэр, Вы меня с кем-то перепутали, – как можно спокойнее сказала Джейн, а у самой сердце забилося раненой птицей в клетке.

– Имён у тебя может быть много. Ты можешь остричь и перекрасить волосы. Кстати, кудряшки мне нравились боль-

ше всего. Можешь одеться в элегантное платье или в ковбойскую рубашку, я всё равно тебя узнаю. Твои тонкие руки, твой запах, твою нежную шейку, которую так легко свернуть. Одно короткое движение и вот уже твои позвонки хрустят под моими пальцами.

Джейн за этот монолог успела взять себя в руки и ответила с ледяным спокойствием:

– Какая-то средневековая драматургия. Неужели нельзя было придумать что-нибудь попроще?

– Были и другие варианты: разбилась при приземлении на парашюте, занесло на повороте на картинге, перепутала тормоз с педалью газа в машине, пожар в доме. Ещё перечислять?

– Достаточно, – ответила Джейн и, слегка развернувшись, встретила с ненавидящим взглядом Крейга Фаррела, – За что? Что такого я тебе сделала?

– За что? – прорычал Крейг, – Ты разорила меня! Ты меня предала! От любви до ненависти...

– А ты не воруй! – среагировала Джейн на первое обвинение, проигнорировав второе, – Я вообще не понимаю, как ты мог так рано оказаться на свободе!

– Решил не доставлять тебе удовольствие засадить меня на двадцать пять лет в тюрьму, – в тон ей ответил Крейг, – пришлось пойти на сделку со следствием, а это стоит не дёшево, как ты понимаешь.

Джейн отвернулась и через паузу спросила:

– Я так понимаю, что звать на помощь Колина и Элизабет бесполезно?

– Правильно понимаешь, – скривил в ухмылке губы Крейг, – также как и рассчитывать, что Агата Роулинг поднимет тревогу из-за пропавшей Джейн Эйрдал.

– Понятно! – хрипло произнесла Джейн и замолчала.

– И ты не будешь кричать? Сопротивляться? Умолять о пощаде? Не попытаешься меня соблазнить? Не прикинешься влюблённой? Помнится, у тебя это здорово получалось пять лет назад!

– Нет! – тихо сказала Джейн и после паузы произнесла, – Можно тебя попросить об одолжении?

– О! – издевательски воскликнул Крейг, – Всё-таки, просьбы будут! Я весь внимание!

– Пусть это будет быстро. Не мучай меня болью.

– Что ты знаешь о боли? – зло произнёс за спиной Крейг, – И что такое физическая боль по сравнению с болью от предательства?

– Уж, поверь мне, кое-что я знаю! – разозлилась Джейн, – Но не собираюсь вступать с тобой в философские дискуссии!

– Ох, какие мы грозные! – рассмеялся Крейг.

Джейн буквально как в зеркале видела перед собой его издевательскую улыбку. Весёлое настроение сыграло с Крейгом злую шутку. Он ослабил хватку, и Джейн не преминула воспользоваться ситуацией. (Курсы самообороны обязательный предмет в разведшколе). Она хлёстко ударила пят-

кой между ног Крейга, и пока тот корчился от боли, рыбкой прыгнула за борт.

Бессмысленное действие, просто уступка инстинкту самосохранения. Ни где они находятся, ни в какую сторону плыть к берегу, ни сколько времени для этого понадобится, она не знала. Барахталась в воде Джейн не долго, и вскоре её с позором вытащили из воды рыбацкой сетью.

Усадили в шезлонг. Сзади встала Элизабет с пистолетом (на «Лизи» она уже совершенно была не похожа, выходит, они обе вращали о своём «горе»). Крейг расположился в шезлонге напротив. Он уже отдышался, лишь холодное непроницаемое лицо с колючим взглядом было бледнее обычного.

– Ты слишком торопишься умереть. Мы ещё не обо всём поговорили.

Джейн ничего не сказала. Повернула голову и уставилась вдаль, за линию горизонта, где синева океана сливалась с синевой неба, давая понять Крейгу, что разговаривать с ним не намерена. Крейга это не смутило. Он продолжил:

– Не знаю, как тебя зовут на самом деле. Кто ты и почему так со мной поступила – догадываюсь. Но почему ты бросила *нашего* сына, чёрт побери, тебе придётся мне объяснить!

Джейн вздрогнула, всё её напускное спокойствие вмиг слетело.

– Ты и об этом знаешь? Но как?

– Вард Вейдер. Он не доверял тебе, в отличие от меня, и не прекратил слежку. Один из его подчинённых следовал

за тобой, куда бы ты ни направлялась. Та сцена, которую он наблюдал в Остине с твоим, якобы, арестом, совершенно не соответствовала тому, как её излагали в газетах, что только усилило его подозрения. После моего ареста Вард ещё плотнее занялся тобой и раскрутил-таки клубок, кто сдал меня ФБР. Но к тому времени уже была очевидна твоя беременность, и я запретил ему трогать тебя, – закончил свой длинный рассказ Крейг и замолчал.

– А дальше? – подтолкнула его Джейн.

– Ты что, собралась передо мной амнезию разыгрывать? – зло ответил Крейг, – Как будто ты не знаешь, что было дальше!

– Скажи мне, – примирительно попросила Джейн, – и я пойму, что ты имеешь в виду.

– Агент Варда погиб. Его тело нашёл сменщик через сутки. А ты за это время исчезла вместе с ребёнком.

– И было это два года назад, – тихо сказала Джейн.

– Вспомнила? Твоих рук дело?

– Нет! – горячо возразила Джейн, – Клянусь, я не имею к этой смерти никакого отношения!

Крейг посерьёзней и сказал с горечью:

– Его звали Курт Рассел. И это его настоящее имя, в отличие от твоих вымышленных. Запомни его. Даже если не ты нажала на курок, всё равно его смерть на твоей совести.

Джейн опустила голову, чтобы Крейг не увидел закипевших в её глазах слёз. Но он на неё не смотрел. Также как и

она только что, уставился вдаль, за линию горизонта, где синева океана сливалась с синевой неба.

– Как ты меня нашёл? – осторожно прервала гнетущее молчание, повисшее между ними, Джейн.

Крейг перевёл усталый взгляд на девушку.

– Мы нашли Джепа¹⁷. Нам повезло, что ему не сменили ни имя, ни фамилию. А второй раз повезло, что у тебя, моя дорогая, пристрастие к литературным именам. Поэтому, когда мне доложили, что рядом с сыном объявилась некая Джейн Эйрдал, мы сразу тебя проверили. Знакомых с «Унесённые ветром» и «Джейн Эйр» гораздо больше, чем знающих самых крутых писателей в стиле киберпанк... Всё! На сегодня хватит разговоров! Пошли, я отведу тебя в каюту.

– Я не сбегу, клянусь! – сказала Джейн, когда Крейг уложил её на узкую койку и начал застёгивать ремешки, туго стягивающие запястья и лодыжки.

– У тебя просто не будет такой возможности, – ответил он и ушёл.

¹⁷ – в переводе – «освобождающий, открывающий»

12

Проснулась Джейн в комнате. На кровати. Пол не ходил ходуном. Руки и ноги были свободны. Видимо, ей подмешали в еду снотворное, потому что момента перебазирования

с яхты на твёрдую землю она не почувствовала.

Джейн оглядела комнату – кровать, тумбочка, стул, за-
решётчатое окно, голые стены, туалетная комната с душем,
дверь. Закрыта. На первый взгляд видеокамер в комнате не
было. Но этим она ещё займётся. Из окна видно было только
бескрайнее море. Очевидно, что дом или замок (стены тол-
стые, каменные, не современные) стоит на утёсе. Как Джейн
не пыталась рассмотреть, что там внизу, даже на стул стано-
вилась, ничего не увидела.

Из окна можно было тоже извлечь информацию. Надо бу-
дет заметить точное время захода солнца и точное время вос-
хода (это уже завтра), определиться со сторонами света, то-
гда, хотя бы приблизительно, можно будет сориентироваться
с местом нахождения. Если Крейг был заинтересован в сыне,
а он был заинтересован, то далеко от него увезти её не мог.

Джейн сходила в туалет, приняла душ и улеглась обратно
в постель. Надо было хорошо подумать, какую версию изло-
жить Крейгу по поводу Джепа. Так, чтобы не навредить сы-
ну, уцелеть самой и не подставить под удар Крейга. А ещё
необходимо выработать линию поведения с ним. Находиться
рядом с Крейгом было волнительно, но сейчас, когда он так
напряжён, так отрицательно настроен по отношению к ней,
проявлять свои чувства было бы ошибкой.

Долго думать Джейн не пришлось. Раздался щелчок элек-
тронного замка, и в проёме двери показалась высокая фигу-

ра Крейга.

– Надо же! – сказал он и прислонился к притолоке, скрестив руки на груди, – Помнится, раньше ты любила поспать. А сегодня проснулась ни свет, ни заря. Совесть замучила?

– Яхта, замок – что ещё там есть у тебя в рукаве? Выходит, не так, уж, я тебя и разорила!

Крейг не собирался ссориться со Скарлетт. Он вообще пришёл пораньше, чтобы полюбоваться на неё спящую, зная, как она любит утром понежиться в постели. А потом дотронуться до неё, чтобы разбудить. Но она встретила его в штывки, и он разозлился.

– Через полчаса приходи в библиотеку, – холодно распорядился Крейг и развернулся уходить.

Джейн заметила, какое пламя полыхнуло в глазах Крейга при внешне спокойном, замкнутом лице, и решила в дальнейшем вести себя с ним спокойно и доброжелательно. На провокации не вестись. По возможности говорить правду. Как старые добрые знакомые, а не как бывшие любовники с кучей нерешённых противоречий.

– А куда? – уже ему в спину спросила Джейн.

– Иди прямо, не заблудишься, – усмехнулся, повернувшись в пол-оборота, Крейг.

Действительно, заблудиться было сложно. Из комнаты Джейн попала в прямой коридор, который привёл её в библиотеку. Три стены были заполнены книжными полками снизу доверху. У четвёртой находился камин с двумя широ-

кими и низкими креслами. В центре стоял стол, накрытый на двоих. Крейг уже сидел за столом.

Завтрак прошёл в молчании. А после него Крейг вернулся к вопросу, который они не успели обсудить на яхте. Джейн уже к нему подготовилась.

– Я не бросала Джепа. Вуди Стоун выкрал ребёнка и держит его в заложниках. Джеп – гарантия того, что я не разглашу информацию о Стоуне.

Единственной правдой в словах Джейн было то, что «Вуди Стоун» выкрал Джепа. То, что раньше Джейн знала Вуди под именем «Стив», она посчитала несущественным, всё равно ни то, ни другое имя не было настоящим. Остальное Джейн придумала для создания более-менее правдоподобной версии.

– Почему бы ему просто тебя не убить? – задал закономерный вопрос Крейг.

– Видимо потому, что ему больше хотелось, чтобы я жаждала выйти за него замуж.

Этот ответ показался Крейгу правдой. Он и сам, как бы не ненавидел Скарлетт, был не против не только затащить её в постель, но и оставить при себе. На всю жизнь, на долго, на коротко ли – пока она ему не принадлежала, было не ясно.

– С какой целью ты поселилась в Портедже? – продолжил допрос Крейг.

– Я ищу возможность вернуть Джепа.

– Теперь это уже моя забота! – резко ответил Крейг.

– Крейг, Вуди очень, очень опасный человек! Ты не представляешь, насколько он опасен. Будет лучше, если мы с тобой будем работать вместе.

– Ты, – тихо, но жёстко сказал Крейг, – будешь совершать променад между своей комнатой и библиотекой. И это всё, что ты будешь делать, пока я не разрешу тебе что-то ещё!

– Вуди – агент ФБР! – решила добавить толику правды Джейн, у которой сердце сжалось от страха за Крейга.

– Бывший агент, – возразил Крейг, – А сейчас отправляйся в свою комнату. Обед ровно в два.

«Как ребёнка в угол поставил», – подумала Джейн, но решила не злить его и послушалась.

Обедала Джейн в одиночестве. А после осталась в библиотеке. Бродила вдоль книжных полок, не столько изучая корешки книг, сколько ища дверь, через которую вышел Крейг. Дверь из библиотеки была одна, и выходила в коридор, который вёл в её комнату. Никаких ответвлений из коридора не было, и Крейг по нему не проходил. Значит, он ушёл из библиотеки другим путём. Вот этот путь и пыталась найти Джейн.

Пока её поиски не увенчались успехом, и она решила остаться в библиотеке до ужина с книжкой в руках. Уютно расположилась в кресле у камина и стала ждать. В половину седьмого в библиотеке возник какой-то странный звук, и Джейн с удивлением увидела, как стол вместе с остатками её обеда начал опускаться вниз. Джейн подошла к краю отвер-

стия, но ничего рассмотреть внизу не смогла. Люк закрылся, как диафрагма у фотоаппарата. И открылся ровно в семь часов, чтобы выпустить стол с уже накрытым на одну персону ужином.

Находиться дальше в библиотеке не имело смысла, и после ужина Джейн ушла к себе. Терпение мочевого пузыря, натренированного многочасовыми сидениями в засадах, было не безгранично. Как только Джейн зашла в свою комнату, дверь за ней закрылась и заблокировалась.

13

Если в комнате Джейн и были установлены видеокамеры, то найти их ей не удалось. Выход из библиотеки Джейн нашла, с кодом разобралась. Но какой смысл был этим воспользоваться, если главным в жизни Джейн было вернуть Джепа, а это сейчас зависело от Крейга?

В основном Джейн находилась в одиночестве. Крейг лишь изредка принимал участие в трапезах, да и те проходили в молчании. В такие дни Джейн покорно уходила из библиотеки первой. Но однажды Крейг её задержал:

– Останься, нам надо поговорить.

У Джейн отчаянно забилося сердце. Но она постаралась усмирить свои эмоции, вернулась за стол и сложила руки на коленях как примерная ученица перед строгим учителем.

– Джепа я собираюсь записать на свою фамилию. Тебе на

какое имя сделать документы?

– Меня можно оставить Эйрдал.

– Фамилия не обсуждается. Я спрашиваю тебя об имени – Скарлетт или Джейн? Или какое-то ещё?

– Джейн, – выбрала Джейн и попыталась спросить, – А что...

Но Крейг её не дослушал:

– Тогда отныне привыкай – тебя зовут Джейн Трюдо, тебе двадцать девять лет, замужем, ты – домохозяйка. Твоего мужа зовут Крейг Трюдо, сорок три года, бизнесмен со средним доходом. Не бог весть что, но на скромную жизнь хватает. У нас есть сын – Джек Рин¹⁸ Трюдо, три года.

– Крейг, пожалуйста, скажи, что с Джепом? – взмолилась Джейн, когда Крейг замолчал.

– Всему своё время, – отрезал Крейг, но потом сжалился над поникшей Джейн, – С ним всё будет в порядке. Иди к себе.

¹⁸ – в переводе – «рожденный заново»

14

На следующий день во время завтрака рядом со своим прибором Джейн обнаружила папку. В ней находился контракт о заключении брака между Крейгом Трюдо и Джейн Эйрдал сроком на пятнадцать лет с возможностью продле-

ния по соглашению сторон. Брак мог быть расторгнут как по инициативе одной из сторон до истечения пятнадцатилетнего срока, так и в случае если стороны не придут к соглашению после его окончания. При этом дети, рожденные в браке, оставались с супругом, а супруге выплачивалось внушительное, но единовременное вознаграждение, и все контакты с ней как супруга, так и детей прекращались. Подпись Крейга уже стояла под документом.

Самое удивительное в этом брачном контракте было то, что нотариусом он был заверен шесть лет назад, то есть треть срока «семейной» жизни «супругов Трюдо» уже прошла.

Джейн разнервничалась. Крейг ясно давал понять Джейн, что её могут выкинуть из жизни Джепа в любой момент, да и сам контракт был бумажкой, не стоящий ни цента. Не пойдёт же она с ним в суд, зная о своей липовой биографии?

Джейн понимала, что она нужна Крейгу по какой-то причине, связанной с похищением Джепа из лап Стива. И он был нужен ей, поскольку её шанс справиться со Стивом в одиночку был ничтожно мал. Но в дальнейшем она не собиралась расставаться с сыном и зависеть от отношения к ней ни Крейга, ни любого другого мужчины.

В обед Крейг почтил Джейн своим присутствием. Они в молчании закончили трапезу. Крейг забрал папку с контрактом, увидел, что подписи Джейн под документом нет, и с неммым вопросом уставился на неё.

– Мне не нравятся условия контракта, – как можно спокойнее высказалась Джейн.

– Других не будет, – холодно ответил Крейг.

– Чего ты добиваешься?

– Я хочу обеспечить своему сыну нормальную любящую семью. По крайней мере до того возраста, когда он станет самостоятельным, здравомыслящим человеком. Что ожидать от тебя в свете предыдущего опыта общения с тобой, я не знаю. Но для тебя это единственная возможность быть рядом с сыном. Подпишешь ты этот контракт или не подпишешь, Джек всё равно будет со мной. Просто на твоём месте будет другая «мама» и жена. Та, которая предполагалась до твоего появления в Портедже.

– Элизабет?

– Это имеет какое-то значение?

– В общем-то, нет, – пробормотала Джейн, – Я подпишу.

Крейг молча вернул папку Джейн. Та подписала каждый лист контракта и ушла к себе.

Она не видела, какая довольная улыбка расцвела на лице Крейга. Он слукавил, говоря о возможной замене Джейн. До её появления, Крейгом и его командой уже был скрупулёзно разработан план похищения Джепа. Милая старушка – божий одуванчик под именем мисс Бетти Стюарт уже полгода как подружилась с Джепом и втёрлась в доверие к его «дяде» Вуди Стоуну. Ну, кто будет подозревать угрозу в восьмидесятилетней леди со старческим склерозом?

Одно удерживало Крейга от начала операции – как дальше налаживать жизнь с сыном? Как доказать маленькому мальчику, что он его настоящий отец?

Когда на горизонте замаячила Скарлетт под именем Джейн Эйрдал, все детали операции выстроились в стройную картину...

...Мисс Бетти осторожно выяснила у четырёхлетнего Джепа, что он помнит о своих родителях. Отца он не помнил совсем. О маме помнил только, как они играли в «забодаю-забодаю». Мама щекотала маленького Джепа своими короткими волосами, а он смеялся. И им было очень хорошо вместе. Дядя Вуди сказал, что мама улетела, далеко-далеко, и обещал рассказать куда, когда Джеп вырастет. И, если конечно, будет послушным мальчиком.

– Малыш, а хочешь, я узнаю, куда улетела твоя мама?

– А ты сможешь? – переспросил Джеп.

– Конечно! Я тоже умею летать.

– Бетти, ты – фея?

– Т-с-с! Тише, малыш, об этом никто не должен знать.

Мы, феи, иногда живём среди людей. Но рассказываем о себе очень и очень не многим.

– Только послушным мальчикам?

– И послушным девочкам. Но они должны хранить наш секрет и никому-никому о нас не рассказывать. Иначе нам придётся улететь в другое место.

– И я никогда тебя больше не увижу?

– Ну, ты же никому обо мне не расскажешь?

– Никому, честное слово!

– Тогда, малыш, – ответила Бетти и погладила Джепа по голове, – я скоро вернусь и расскажу тебе о твоей маме. Ты помнишь, как её зовут?

– Не-ет, – после заминки произнёс Джеп, – но я могу спросить у дяди Вуди.

– Мы же с тобой договорились, что ты никому не расскажешь о нашем разговоре, не так ли?

– Никому-никому!

Положиться на четырехлетнего ребёнка было опасно, и потому «полёт феи» продолжался всего два дня. С собой старушка-фея захватила две фотографии: двухлетний Джеп идёт за ручку с мамой, а та, улыбаясь, чуть склонила голову в его сторону (фотография подлинная, добытая агентами, которые следили за Скарлетт по поручению Варда Вейдера) и семья крупным планом: мама, папа и сын – Скарлетт, Джеп и Крейг, смонтированная из имеющегося материала.

Джеп узнал маму на фотографии и так разволновался, что предложение «феи» тут же к ней отправиться, воспринял с радостью. У команды Крейга всё было готово. Бетти Стюарт и Джеп сели в машину, которую вёл Колин, и умчались за горизонт.

Вуди Стоун хватился мальчика только вечером. Подумал сердито: «Вечно он пропадает у этой полоумной старухи».

На звонки и стук в дверь соседки никто не отвечал, и Вуди забеспокоился. Утром он нашёл Бетти в больнице, куда её доставили накануне вечером случайные прохожие, обнаружившие милую леди без сознания в парке. Джемпа с ней не было. Но самое страшное, что она ничего не помнила, и даже не узнала своего доброго соседа Вуди Стоуна...

...После ужина Крейг вывел Джейн из библиотеки в дружную часть дома. И сначала привёл в комнату, где, как оказалось, её ждал парикмахер. Джейн сделали короткую стильную причёску и покрасили в блондинку – точь-в-точь, как на фотографии, которую показали Джемпу. Как и перед каждым новым заданием, она не узнала себя в зеркале.

После импровизированной парикмахерской Крейг отвёл Джейн в новую спальню. Наконец-то помещение, в котором ей предстояло жить, было похоже на комнату, а не на камеру. Когда Крейг вышел, Джейн первым делом подошла к окну. На нём не было решётки. Она распахнула окно и вдохнула полной грудью солёный воздух.

– Ты в душ пойдёшь? – раздался голос Крейга.

Джейн обернулась и, не успев надеть на лицо защитную маску, уставилась на Крейга, вытирающего мокрые волосы полотенцем. Второе полотенце было обёрнуто вокруг его талии.

– Что такое? – усмехнулся Крейг, – Ты смотришь на меня, как на привидение. Давно не видела мужа, выходящего из

ванной?

– Но я думала... Я подумала... Я считала, что наш брак лишь формальность, – наконец-то выговорила фразу до конца Джейн.

– Значит, ты ошиблась, – пожал плечами Крейг, – или невнимательно слушала. Со вчерашнего дня у тебя было достаточно времени свыкнуться с мыслью, что мы женаты уже целых шесть лет. Так ты пойдёшь в душ?

– Д...да, – ответила Джейн и попыталась мышкой проскользнуть мимо новоиспечённого мужа.

Но не тут-то было. Крейг поймал её за плечи, прижал спиной к своей голой груди и, поцеловав волосы, прошептал на ушко:

– Не задерживайся долго, дорогая, как и шесть лет назад я *уже* горю нетерпением!

Его насмешливый хохот был слышен даже сквозь шум воды.

15

– Ты изменилась.

– Пять лет прошло. Люди меняются.

Крейг остро посмотрел на Джейн и решил дальше тему не развивать. У них ещё будет время на то, чтобы рассказать друг другу, как они жили эти пять лет разлуки. Склеить то, что разбилось. Научиться заново друг другу доверять.

Сколько бы Джейн не отгораживалась от него, её тело выдаёт её с головой.

Её великолепное тело, на котором он ночью обнаружил след от пулевого отверстия, под левой грудью, под сердцем. Он мог её потерять. Навсегда. Боль, которая пронзила его от этой мысли, была в сотню, в тысячу раз сильнее, чем та, которую он испытал, когда она исчезла вместе с сыном. Его спасла надежда, что они живы. Оба. Именно тогда он принял решение пойти на сделку со следствием. Адвокаты отговаривали его, обещая, что дело против него можно развалить. Но для этого нужно было время. И не месяцы, а годы. Он не желал тратить время из-за денег. Он купил на них свою свободу, чтобы найти сына и любимую. Любимую, которой он сразу простил предательство, когда узнал о ребёнке.

– Твоя одежда в шкафу. Чемоданы уже в машине. У тебя час на сборы, – хрипло сказал Крейг и, не дождавшись реакции Джейн, вышел из комнаты.

В былые времена она вскочила бы с постели, прижалась к его спине и начала медленно расстёгивать своими нежными пальчиками пуговицы его рубашки. Он бы завёлся с пол-оборота, и они занялись бы любовью. А потом под её смех и его ворчание мчались на машине на предельной скорости, пытаясь наверстать потраченное время. Как бы ему хотелось, чтобы это произошло уже сегодня! Но Джейн не встала с постели. Пусть так! Бог знает, что ей пришлось испытать за это время. Когда-нибудь он всё узнает. Она расскажет ему сама.

И тогда к ней вернётся её весёлость. Сейчас главное, что она жива, что она с ним, они нашли сына. Им осталось только воссоединиться...

Джейн лежала в кровати и перебирала события прошедшей ночи.

Она не знала как вести себя с Крейгом в постели. Работа приучила её тщательно готовиться и потом действовать согласно разработанной стратегии и тактики. После встречи с ним на яхте, события развивались столь стремительно, что она едва успевала продумывать ближайшие шаги. Ни о какой стратегии речи не было.

Он накинулся на неё, как голодный волк, явно ожидая сопротивления. А она просто поплыла по течению, подчинилась его воле. Его рукам. Его губам. Его телу. Он вобрал её всю в себя, без остатка. Она растворилась в нём. Превратилась в горячую субстанцию, остро реагирующую на каждое прикосновение. Стала кипятком в его стакане. Её сердце едва не остановилось от любви...

Любви, которая ему была не нужна. Ему нужен был сын. И она для видимости семьи. И секса. Удобное тело ввиду сложившихся обстоятельств. Он сказал об этом прямо. И когда принуждал её к подписанию брачного контракта, и сегодня утром. «Ты изменилась» – что это, как не разочарование от ожидаемого, но не случившегося?

Мысли о Крейге довели Джейн до возбуждения. Идти в

душ не хотелось. Не хотелось смывать с себя его поцелуи, его прикосновения, его проникновения... Но практичная сторона натуры Джейн перевесила. Она встала, подмылась, оделась и ровно через час вышла из комнаты.

В машину рядом с Крейгом уселась с улыбкой, потому что поняла, как она будет вести себя дальше. А никак! Она и дальше будет просто подчиняться ему. Только с удовольствием, не ожидая подвоха каждую секунду. Полное отсутствие тактики – такова была её стратегия. И будь, что будет!

До границы с Канадой ехали почти сутки. Сменили несколько машин. На заправки не заезжали – в каждой новой машине бак был полным. Кушали на ходу. Для туалета останавливались в лесополосе. Джейн мысленно строила карту их маршрута, ориентируясь по указателям, и вскоре поняла, что, петляя, как зайцы, они движутся в сторону Канады. Это же больше 1400 миль и не меньше двадцати одного часа пути! И предложила Крейгу сменить его за рулём. «Я прекрасно помню, как ты водишь машину», – ответил Крейг и отказался.

Перед границей Джейн пересела в машину к Элизабет. Ниагарский водопад, где они когда-то, в прошлой жизни, так чудесно провели время вдвоём, пересекали поодиночке. Об этом думал Крейг, когда ехал по Радужному мосту. А ещё он размышлял о том, какие чувства при виде радуги над водопадом испытывает сейчас Джейн.

После Монреалья¹⁹ Джейн вернулась к Крейгу. Уже в темноте они въехали в ворота какого-то парка. И ещё через 15 минут остановились перед входом в двухэтажный дом. На полусогнутых ногах дотащились до спальни и рухнули в кровать.

¹⁹ – крупнейший город провинции Квебек. Название Монреаль произошло от горы Мон-Руаяль (Королевская гора), находящейся в центре города. Официальный язык – французский.

16

Уже шесть суток Крейг находился в больнице рядом с Джейн. Ещё никогда в жизни он не чувствовал себя таким беспомощным. Страшная автомобильная авария унесла жизни четырёх человек, столько же отделались царапинами, а Джейн зависла между жизнью и смертью. И вся их счастливая семейная жизнь рухнула в одночасье. За один час от момента, когда Крейгу сообщили о том, что его жена попала в аварию, он прошёл путь от испуга, надежды, радости, ярости до отчаяния и отупения.

Испугался он, когда раздался звонок из полиции и ему задали вопрос – кем ему приходится Джейн Трюдо? Сколько ей лет и так далее. Он решил, что вопросы связаны с их разоблачением. Пока мчался от места работы в больницу, те-

шил себя надеждой, что всё обойдётся. Джейн жива, и это сейчас самое главное. Врач ошаршил его сообщением, что Джейн беременна. 3-4 недели, не больше. И в душе Крейга заиграли фанфары. А потом тот же врач сказал, что положение Джейн практически безнадежно. Пуля, которая сидит у неё под сердцем, исключает любые хирургические вмешательства. Да и они, собственно говоря, бесполезны. Её травмы не совместимы с жизнью. Чудо, что она ещё жива. И вопрос не стоит – выживет она или нет, а придёт в сознание или нет перед неизбежным? И никакие деньги, которые так стремился заработать Крейг, отрывая себя от семьи, от Джейн, не спасут её. Потому что нет в современной медицине методов вырвать любимую из лап смерти. И Крейг впал в отчаяние. А потом в оцепенение.

– Крейг... Крейг, – раздался тихий голос.

Поначалу Крейг принял его за галлюцинацию. Но, сфокусировав взгляд, увидел прозрачные от боли глаза Джейн.

– Больно... – простонала она, – Ты обещал, что мне не будет больно...

Эта присказка появилась после совместного прыжка с парашютом. Джейн тогда напомнила ему их разговор на яхте, а он, как заправский Мефистофель²⁰, театрально шипя, дал обет, что больно не будет, раз – и всё! С тех пор, каждый раз, когда Джейн чего-то опасалась или сомневалась, Крейг говорил: «Я же обещал, больно не будет». Такая между ними была игра. И, в итоге, Джейн всегда соглашалась с мнением

мужа и покорно подчинялась его воле.

– Ты попала в аварию, – ответил Крейг, боясь поверить в чудо, и осторожно накрыл руку Джейн своей.

– Я помню... Рин?

(Будучи во французской части Канады, супруги приучили себя звать сына, ради безопасности, исключительно французской частью его имени. И только когда Джеб сам начал ощущать себя Рином, Крейг позволил им с Джейн выходить из дома)

– С ним всё в порядке. Не волнуйся.

– Крейг, мне надо... многое тебе рассказать...

– Т-с-с! Всё потом. Тебе надо беречь силы!

– Нет, сейчас!.. Мы оба знаем... «Потом» не будет...

– Не говори так! У нас всё ещё будет!

– Крейг, про пулю в сердце... мне объяснили давно... сразу... Я всегда тебя слушалась... Теперь ты меня послушай...

– Джейн, пожалуйста! Давай я лучше вызову врача!

– Я – не Джейн... И не Скарлетт... У меня было много имён... Но Скарлетт среди них... не было...

Крейг замер на этих словах, так и не дотянувшись до кнопки вызова персонала.

– Меня зовут Шерил²¹... Шерил Далтон... У нас была счастливая... крепкая семья: мама, папа... и мы – близняшки... я и Летти²²... Нам было по двенадцать... когда счастье закончилось... Фирма отца разорилась... Он не выдержал удара... Свёл счёты с жизнью... Мама не умела ни зарабаты-

вать... ни тратить деньги... Нам было по четырнадцать... когда она окончательно спилась... а мы были в долгах... и могли оказаться на улице... Летти тогда придумала... как нам выжить... Она всегда была заводилой... Мы сколотили банду... И начали грабить богатые дома... У меня хорошо получалось шпионить... а у Летти составлять план... В шестнадцать нас поймали... Вместо допросов мы... долго заполняли тесты... А потом нас поставили... перед выбором... тюрьма или разведшкола ФБР... Выбор не большой... Мы выбрали ФБР...

Крейг слушал заворожённый. Слова любимой долетали до его сознания, но мозг отказывался воспринимать информацию. Слишком много было всего. Две девочки-подростка, столкнувшиеся с недетскими проблемами, вынужденные принимать взрослые решения, вместо того, чтобы заглядывать на мальчиков, страдать от первой любви, готовиться к выпускному балу.

– После окончания школы... нас разделили... Мы знали, что это... навсегда... Но успели договориться... о способе связи... И поклялись отомстить тому... кто был источником... наших бед... Крейг Фаррел... так говорил отец...

Крейг дёрнулся, услышав своё имя. Шерил это заметила. ... Я поняла... что это не ты... а твой отец... когда начала изучать тебя... Всё, как и раньше в банде... Я шпионила... Только тогда мы осуществляли... план вместе... а теперь она работала одна... Мне вообще повезло больше...

Я была в тени... а Летти постоянно рисковала... Я её видела... а она только один–два раза в год... получала от меня весточку... и могла оставить свою... Ещё я обеспечивала ей алиби... если возникала необходимость... Для этого... мне создавали ту же внешность... что и Летти... Операция с тобой... стала для Летти последней... В сообщении мне... она написала, что забеременела... и соскочила с крючка ФБР... И предостерегла – опасайся Стива... Так она называла своего... непосредственного начальника... Ты его знаешь под именем... Вуди Стоун... Не знаю... что между ними произошло... но до этого они были любовниками... Летти была одержима мыслью... покончить со службой в ФБР... Для этого она стремилась... выйти замуж за Стива... родить ребёнка...

А это вообще какой-то шпионский детектив, слишком далёкий от реальной жизни. И, тем не менее, это была их жизнь – Шерил и Летти, Летти и Шерил. Двух возлюбленных Крейга...

– Больше я Летти не видела... У меня были свои задания... Но я знала... что она родила сына... Джепа... Мы по-прежнему обменивались информацией... Однажды я прокололась... Меня вычислили... и подстрелили... Но мне опять повезло... даже дважды... Пуля попала не в сердце... а чуть ниже... И киллер не сделал... контрольный выстрел в голову... Из ФБР меня выкинули... Кому нужен агент... который может умереть у любую минуту... Почти год я ле-

чилась... Как только смогла... отправила весточку Летти... Но не нашла ни её сообщения... ни ответа на моё... Начала искать... Я шла по её следам... как собака-ищейка... Они с Джепом много переезжали... Последний адрес... где они жили... после которого след обрывался... Там произошёл... странный случай... Исчезла женщина с ребёнком... с мальчиком... Окно в их квартире... было разбито... Соседи вызвали полицию... Но дело каким-то образом замяли... Это было примерно в тоже время... когда меня ранили... Летти я так и не нашла... Я думаю это была она... Дело замяли из-за ФБР... Позже я нашла Джепа и Стива... Он сменил имя, но внешность... не менял... Странно, что не стал менять... фамилию Джепа... Летти исчезла... а Джеп оказался со Стивом...

Всё это было очень подозрительно. «Опасайся Стива» писала Скарлетт-Летти...

– Крейг! Я не знаю... кто отец Рина... Для меня он – сын Летти... и этого достаточно... Пообещай мне... что позаботишься о нём... защитишь его...

– Обещаю! – выдавил из себя Крейг.

– И ещё... Отправь моё письмо Летти... Я понимаю... это бессмысленно... Уже три года прошло... как от неё ни строчки... Но всё же... Я расскажу как...

...Зная, что их разъединят после окончания разведшколы, Шерил и Летти придумали способ не терять связь друг с другом. Их семья принадлежала англиканской церкви, а

потому посещение Вашингтонского кафедрального собора не могло вызвать подозрения у их начальников. Дело в том, что ещё в детстве они обнаружили, что там, в третьей исповедальне по правой стороне от входа, окошко между священником и исповедуемым открывается. Просунув в окошко руку, можно нащупать щель в деревянной стене исповедальни и положить туда небольшую записку. Даже если кто-то чужой и обнаружит послание, прочесть его не сможет даже Роберт Лэнгдон²³. Простенький числовой код, где цифры означают порядковый номер буквы из некоего текста. Но для этого надо знать источник текста. Шерил и Летти выбрали 117-ю страницу романа «Гордость и предубеждение» Джейн Остин. Летти не составило труда выучить её наизусть. Шерил для этого понадобилось поднапрячься. Каждая буква текста использовалась только один раз. Если была нужна вторая буква «а», например, то ей присваивался порядковый номер из текста, где она встречалась второй раз и так далее...

Шерил замолчала. Она бесконечно устала. Но она не могла расстаться с Крейгом, не сказав ему самого главного:

– Крейг... прости меня... и Летти за всё... За то, что сделали тебе... Ты когда-то сказал... что прошёл путь... от любви до ненависти... Мы с Летти прошли обратный... от ненависти до любви... Я люблю тебя... Уже давно... Ещё с тех пор... как шпионила за тобой... Прости, что не призналась... тебе сразу...

У Крейга перехватило дыхание. Они жили вместе уже год,

занимались любовью каждую ночь, но ни разу не говорили о любви. Он наклонился и нежно прикоснулся губами к руке Шерил:

– Я тоже тебя люблю!

– Поцелуй меня, пожалуйста!

Крейг привстал и, стараясь не задеть трубки приборов, которыми была окутана любимая, припал к её губам. Сначала осторожно, а потом всё более глубоко и страстно. Шерил застонала, и Крейг прервал поцелуй.

– Я сделал тебе больно? – с ужасом спросил он.

– Нет! – успокоила Шерил, – Сладко!

А у самой из глаз выкатились слезинки и проложили две блестящие дорожки по щекам.

– Пожалуйста... сходи за доктором, – попросила Шерил Крейга.

Он поспешил выполнить её просьбу, начисто забыв, что может сделать это, не выходя из палаты. Шерил хладнокровно отсчитала про себя 30 секунд и потянулась к многочисленным трубкам, поддерживающим её жизнедеятельность...

Она не собиралась жить беспомощным инвалидом, гадящим под себя. Не хотела висеть на шее любимого бомбой замедленного действия с пулей под сердцем. Одно дело, когда он об этом не знал, и совсем другое, когда он будет сходить с ума, ожидая удара каждую минуту. Долг перед Летти она выполнила – Джем в надежных руках Крейга. И с любовью своей она попрощалась...

... Крейг уже был около дверей доктора, когда тот выскочил из кабинета, и, не обращая внимания на посетителя, поспешил по коридору. Крейг обернулся – в палату Шерил забегали люди. Он развернулся и побежал обратно.

Шерил лежала, вытянувшись на кровати, с букетом выдернутых трубок, зажатых в руке. Руке, которую он целовал ещё минуту назад. Что же ты наделала, любимая!?!

²⁰ – образ злого [духа](#) в мифологии [эпохи Возрождения](#). Приобретает широкую известность благодаря философской драме «[Фауст](#)» [И. В. Гёте](#). Прилагательные «[мефистофелевский](#)» и «[мефистофельский](#)» означают – язвительный, злобно-насмешливый (*из Википедии*)

²¹ – в переводе – «любимая»

²² – в переводе – «счастливая»

²³ – вымышленный [профессор](#) религиозной символогии в [Гарвардском университете](#) из [конспирологических](#) романов [Дэна Брауна](#) «[Ангелы и демоны](#)», «[Код да Винчи](#)», «[Утраченный символ](#)», «[Инферно](#)» и «[Происхождение](#)».

Крейг стоял у окна и наблюдал, как Рин играет в догонялки с няней. Мальчик смеялся. Пожалуй, впервые после смер-

ти Джейн. Крейг про себя звал её тем именем, под которым полюбил. Имя Шерил никогда не слетало с его уст, когда она была жива, а сейчас, когда её не стало, говорить о ней было не с кем.

Они никогда не говорили о Джейн с Рином. Крейг свято выполнял данное любимой обещание позаботиться о мальчишке, но для него не достаточно было знать, что Рин – сын Летти. Даже того, что он сын *его* и Летти, было мало. Он часто думал о том малыше, который погиб вместе с Джейн. И ещё о том, знала ли она сама, догадывалась ли, что не только пуля, но и маленькая жизнь находилась у неё под сердцем? Прощаясь с ним, она ничего не сказала о своей беременности.

С уходом Джейн жизнь потеряла для Крейга всякий смысл. Исчез азарт к работе, к зарабатыванию денег, к построению новой империи. Ничто и никто не трогало ни его сердце, ни душу, ни даже тело. У него не было никаких желаний. И что самое страшное – он не испытывал от этого дискомфорта. Что на работе, что дома, Крейг решал только сиюминутные задачи. Одна из них – поиск няни для Рина, похоже, наконец-то, с приходом Вивьен²⁴, решена.

За этот год без Джейн, сколько нянь сменилось у Рина Крейг посчитать бы не смог. Одни не выдерживали сами гнетущей обстановки в доме, другие не могли справиться с Рином. Пятилетний малыш оказался один на один с горем – потерей матери и отчуждением отца. Он капризничал, ер-

шился, вредничал, требовал к себе повышенного внимания и, поскольку его капризы Крейг выполнял тотчас, достаточно было одного его слова, чтобы очередная претендентка на должность няни лишалась работы.

Некоторых выгонял сам Крейг. Стоило ему заметить, что няня старается обратить его внимание на себя, как её участь была решена. Кокетничающие с ним женщины вызывали у Крейга только брезгливость.

Вивьен потому и задержалась, что смогла за несколько дней испытательного срока не только усмирить буйный нрав Рина, но и с Крейгом выбрала правильный тон поведения – держала дистанцию, смотрела прямо в глаза хозяину без дерзости, но и без подобострастия, зазывными взглядами не стреляла.

Крейг заметил, что теперь уже сам поглядывает на Вивьен с чисто мужским интересом, не сразу. А когда понял, что ему доставляет удовольствие наблюдать за ней, за её живостью, слушать её прозрачный смех, видеть белую полоску зубов между соблазнительными губами, желание накрыло его девятым валом.

Колебания не были свойственны его натуре, а Вайда Вейдера, который мог бы притормозить его ради осторожности, рядом не было. И Крейг отправился в комнату няни, выждав час, которые ей, по его разумению, должно было хватить, чтобы уложить Рина спать, и самой подготовиться ко сну.

Крейг постучал в дверь Вивьен и открыл дверь, не дожи-

даясь разрешения. Вивьен в ночном пеньюаре стояла у окна, обхватив себя за плечи руками, и вглядывалась в ночное небо. Она развернулась на звук открывающейся двери и увидела хозяина, застывшего в проёме. Крейг молчал, давая возможность женщине прийти в себя от неожиданного визита и как-то отреагировать. Например, сказать – У Вас какой-то вопрос, месье? Или что-то подобное. И тогда бы он понял, что его визиту не рады, сказал бы что-то незначимое и ушёл.

Но Вивьен молчала. Мало того, она повернулась к нему лицом и разомкнула руки, опершись ими о подоконник. Крейг воспринял этот жест как приглашение, и подошёл к Вивьен вплотную. Осторожно дотронулся до её волос – какие они у неё шелковистые, и начал тереть прядь. У неё ещё была возможность остановить Крейга: холодно спросить – что ему нужно? Возмутиться, оттолкнуть. Но она ею не воспользовалась.

Вивьен ждала Крейга. Она давно замечала его взгляды, обращённые к ней. В них не было ни теплоты, ни похоти. Только боль проглядывала сквозь маску непроницаемости. Его душа потихоньку выползала из пучины горя из-за потери жены, по дороге натываясь на острые колючки воспоминаний.

Вивьен подняла голову вверх, вглядываясь в эти измученные глаза. И Крейг запустил руку в её волосы, притянул её

лицо к себе и впился в губы.

Ненадёжная преграда шёлка пеньюара в момент оказалась на полу. Не очень много времени понадобилось и чтобы скинуть одежду Крейга в четыре руки...

²⁴ – в переводе – «живая, оживлённая»

18

Бурная ночь осталась позади, но не принесла Крейгу облегчения. Она больше походила на какое-то безумие. Они с Вивьен сходились друг с другом, как в схватке, потом отступали, чтобы через мгновение наброситься вновь. Оба были голодны, сексуально голодны. Про себя Крейг всё знал, а выяснять причину её голода ему не хотелось.

Вивьен проснулась ранним утром, и не от солнышка, а от неутолённого, вернее, неутолимого желания. Крейга рядом не было. Его одежды на полу не было тоже. Но он ещё не ушёл. Стоял около окна, вглядываясь вдаль, и механически застёгивал пуговицы своей рубашки.

Вивьен подошла к Крейгу, прижалась щекой к его спине, обхватила руками за талию и сказала:

– Позволь мне?!

Но, вместо того, чтобы застёгивать пуговицы, начала их расстёгивать. И тут Крейг её узнал, узнал её руки, вспомнил её дыхание на своей спине:

– Скарлетт?!... Летти?!

Повернулся в кольцо её рук, обхватил ладонями её лицо и взгляделся с жадностью в её глаза. Глаза, почему-то, были голубыми, а не медовыми.

– Ты знаешь моё настоящее имя? – потрясённо произнесла Скарлетт-Летти-Вивьен.

– Джейн... Шерил мне всё рассказала. Как ты нас нашла?

– Она оставила мне записку. Это долгая история. Мы...

– Я знаю, – перебил Крейг, – Это я положил записку в ваше условленное место. Она не успела...

– Как это случилось?

– Автомобильная авария. Несчастный случай. Шесть дней в коме... Пришла ненадолго в себя... И всё...

Прошёл год со смерти Джейн, но каждое слово давалось Крейгу с трудом, как будто несчастье с любимой произошло только что.

– Я была на кладбище. Знаешь, что удивительно? В тот день, когда Шерил не стало, ко мне вернулась память, – сказала Летти, пытаясь увести Крейга от горьких воспоминаний, переключить его внимание на себя.

Но это не так-то просто оказалось сделать.

– Да, Джейн рассказывала мне об эффекте близнецов, – упрямо называя жену любимым именем, сказал Крейг, – В тот день, когда, как считала Джейн, ты погибла, её ранили на задании, и она попала в больницу. Но ты жива. Значит, Джейн ошибалась?

– Нет. Это была я. Шерил писала мне об этом. Спасибо, что не выкинул из тайника предыдущие её послания. Так я узнала как она жила эти годы, думая, что я погибла, но продолжая общаться со мной.

– А как жила ты, Летти?

– Как всегда – чужой жизнью, – ответила Летти, расцепила руки и отошла от Крейга.

Он продолжал её волновать, а разговор предстоял долгий и сложный, и Летти уселась в кресло и предложила то же самое сделать Крейгу. И начала рассказывать ему издалека. О том, с какой радостью взялась выполнять последнее своё задание (тогда она ещё не знала, что оно будет последним), чтобы осуществить то, в чём они с Шерил поклялись больше десяти лет назад – отомстить Крейгу Фаррелу. О том, каким трудным был её путь от ненависти до осознания, что любила его ещё до того, как поняла, что есть два Крейга Фаррела, и сын за отца не отвечает...

В этой части рассказа Летти для Крейга не было ничего нового. Об этом ему уже рассказывала Джейн.

... О том, каких душевных мук ей стоило решение о выполнении задания до конца, где на кону была любовь к нему. Но они с сестрой были друг для друга и заложницами и гарантами послушного поведения. И любовь к сестре, да и к себе тоже, безжалостно призналась Летти, перевесила.

О том, как не осторожно, не правильно повела себя, когда в квартиру к ней нагрянул Стив. Это было уже после того, как арестовали его, Крейга, а её «задержали», как свидетеля. Ей бы, как бывало раньше, сыграть с ним в игру – «Я или секс?», и выбрать секс. Стив бы решил, что она устала, получил бы свою толику удовольствия и оставил бы её в покое. А она, вся в переживаниях за его, Крейга, судьбу, не стала скрывать от Стива, что больше его не любит, и попросила уйти, а он взбеленился. Они ссорились и дрались. Но силы были слишком не равны. И кончилось это тем, что Стив её жестоко изнасиловал, оправдывая свои действия тем, что ей, как проститутке на окладе, должно быть привычно предоставлять своё тело в распоряжение любого мужчины. Да, она именно так себя и чувствовала – проституткой, которую ФБР подкладывает в постель к объекту, чтобы усыпить его бдительность, чтобы выведать секретные сведения, чтобы обеспечить его отсутствие, когда это нужно, присутствием в постели с ней. Взаимоотношения со Стивом были её отдушиной. В них она чувствовала себя женщиной – любимой, желанной, уважаемой. До тех пор, пока не встретила настоящую любовь...

Вот что имела в виду Летти, понял Крейг, когда написала сестре – «опасайся Стива».

... Она решила не скрывать факт изнасилования от руко-

водства и написала на Стива рапорт. То, что служебное расследование закончилось для него увольнением, она узнала значительно позже. А пока её включили в программу по защите свидетелей, из которой выкинули, как только скрывать беременность стало не возможно. Из ФБР уволили – кому нужен агент с ребёнком на руках? Чему она, Летти, была бесконечно рада. Рада вдвойне – и тому, что вскоре станет матерью, и тому, что покончила с «любимой» конторой.

И началась их с Джемпом кочевая жизнь. Они переезжали из города в город не из-за охоты к перемене мест, а потому что Летти постоянно чувствовала, что за ними следят. И это не было паранойей, ведь однажды к ним с сыном ввалился Стив...

Видимо, за Скарлетт-Летти следили не только агенты Варда, понял Крейг, но и Стив. И в какой-то момент их пути пересеклись. Стиву удалось убрать агента Курта Рассела, как лишнего свидетеля, когда он решил «навестить» бывшую подчинённую и возлюбленную.

... Наученная предыдущим горьким опытом, Летти постаралась вести себя с ним спокойно, не отвечать на его обвинения в предательстве, в сломанной судьбе, но покорно предоставить ему изнасиловать себя на глазах у двухлетнего малыша – такого она допустить не могла. Но, если в прошлый раз Стивом двигала обида, то сейчас он полыхал ненавистью.

Их борьба закончилась тем, что он ударил её по лицу с такой силой, что она, отлетев, пробила головой окно и выпала с десятого этажа. Но ей повезло – она упала в бассейн на крыше соседнего дома. Даже дважды повезло – хозяин бассейна оказался дома. Он не дал ей захлебнуться и вызвал врача. Ни скорую, ни полицию вызывать не стал. На это у него были свои причины...

«Повезло дважды» – тоже самое говорила Крейгу Джейн, когда рассказывала о своём ранении.

... Несколько месяцев Летти была в коме, а когда очнулась – не помнила ни кто она, ни как её зовут. И для неё началась новая жизнь. С чистого листа. Летти стала женой Дарвина²⁵, того человека, который спас ей жизнь. К чести Дарвина надо сказать, что он не стал разыгрывать из себя мужа, пользуясь амнезией Летти, хотя полюбил её с первого взгляда. Честно всё рассказал, что знал сам о ней, вернее, об обстоятельствах, при которых увидел её впервые на дне своего бассейна. И о своей любви. И о том, что, если она согласится выйти за него замуж, то её жизнь будет подвергаться ежедневному риску. А вот с чем это связано – ей лучше не знать. Что-то подсказывало Летти, что и до Дарвина её жизнь не была безоблачной и спокойной, и она согласилась.

Так на свет появилась Вивьен Кларк. Летти тогда не помнила, что её зовут Летти, а имя Вивьен, почему-то, отозва-

лось в её сердце мелодичным звоном. Лишь когда память вернулась, она смогла связать узелком ниточку, протянувшуюся от имени Скарлетт, под которым она полюбила впервые в жизни, с именем Вивьен. Скарлетт О'Хара – героиню романа «Унесённые ветром» и Вивьен Ли – актрису, которая играла её роль в одноимённом фильме.

Память вернулась год назад. Шесть ночей Летти мучили сны. Снилось что-то очень важное, но *что* – она никак не могла вспомнить, когда просыпалась. А потом, вдруг, как будто кто-то вставил вилку прибора в розетку, она вспомнила *всё и всех...*

Крейг не мог не отметить схожесть происходящего одновременно с близняшками. Шесть суток пробивалась душа Джейн сквозь заторы памяти Летти в её снах. И только когда память Летти включилась, Джейн себя выключила.

Летти не стала скрывать от мужа, что она вспомнила себя настоящую. Ведь они друг для друга не только супруги и любовники, но и друзья. А для Летти Дарвин прежде всего друг, а только потом муж и любовник. Дарвин отпустил Летти найти сына и сестру. Она первым делом отправилась в Вашингтон, и в тайнике исповедальни Кафедрального собора нашла письма от Шерил. Остальное было делом техники.

Вот тебе и наука! Вот тебе и соционика с дуальными парами! «Теоретическое обоснование двух половинок одного целого», как сказал когда-то Стив. Да, Крейг-Мастер обратил в своё время внимание на Скарлетт-Летти-Советчика и даже, казалось, полюбил её, а потом узнал Джейн-Шерил, и вся стройная теория дуализма рассыпалась в прах. Шерил, хоть и была близнецом Летти, то есть, по законам астрологии имела абсолютно одинаковый с ней гороскоп, но характером, душой, жизненными устремлениями, категорически с ней не совпадала. А по теории дуализма относилась к психотипу Администратор²⁵, пусть и находящимся в одной и той же соционической квадрате²⁶ с Мастером и Советчиком, но не составляющим самую гармоничную с Мастером дуальную пару. Не должна была составлять, быть самой для него притягательной. И, тем не менее, Крейг полюбил и до сих пор любит Шерил, а не её, Летти. Это ясно, как день.

Ну, и сколько времени она ещё будет прятать голову в песок? Месяц? Год? Всю жизнь? Может, прошедших двух месяцев достаточно? В конце концов, это не честно ни по отношению к Шерил, ни к Крейгу, ни к себе самой.

...Они бросились в объятия друг друга, как два изголодавшихся волка. Слишком многое их связывало – сын, общие тайны, любовь к Шерил, секс. Но чем дальше, тем боль-

ше Крейг замыкался в себе, отдалялся от Летти. Вёл себя отстранённо. Стал чаще и дольше задерживаться на работе. Страсть в постели исчезала, таяла на глазах. Общение всё больше пахло горечью...

Летти вздохнула и посмотрела на часы. Часы показывали час ночи. Крейг ещё в спальне не показывался. Значит, как и обычно в последнее время, сидит на террасе в одиночестве. И Летти решительно поднялась с постели.

Крейга она, действительно, нашла на террасе. Он сидел в кресле с недопитым бокалом красного вина в руке, уставившись куда-то вдаль.

– Ты тоскуешь по *ней*?

Крейгу не надо было уточнять – по кому он тоскует, не надо было называть имени, которое было постоянно у него на сердце. И ответил он коротко:

– Да!

– Мне тоже её не хватает. Пусть мы и не виделись половину жизни, но мы знали, что есть друг у друга...

– Я всё время прокручиваю в голове нашу с ней первую встречу на яхте. Наше противостояние в замке. Это ещё до того, как выкрали Джепа. Наше бегство через границу...

– Расскажешь?

Крейг надолго замолчал. Летти уже решила, что так и не дожждётся ответа. Но он, всё-таки, заговорил:

– Я был раздавлен фактом твоего предательства. Но ровно

до того момента, как узнал о твоей беременности. Моя ненависть подспудно искала за что зацепиться, чтобы оправдать тебя, и нашла...

Летти в этот момент невольно вспомнила строчки стихотворения русского поэта позапрошлого века, которые её зацепили, когда она их прочла, но понять суть которых тогда не смогла: «Да, можно любить, ненавидя, Любить с омрачённой душой...»²⁷ Видимо о таком моменте, как описывал сейчас Крейг, когда в душе человека борются ненависть и любовь, писал поэт...

– Потом погиб агент, следивший за тобой, а ты исчезла вместе с сыном. Вард был уверен в твоей виновности, а я пошёл на сделку со следствием, чтобы самому разобраться в случившемся. Джепа мы нашли через год, но не с тобой, а с незнакомым мужчиной – Вуди Стоуном. Варда, к сожалению, уже не было в живых...

– Он погиб? – перебила Летти Крейга.

Вард относился к ней настороженно и, надо сказать, имел на то полное основание. А она уважала его за профессионализм. Сейчас, когда всё осталось позади, его смерть отозвалось в её сердце болью за... если и не за друга, то за близко знакомого человека.

– Нет. Онкология. Очень быстро сторел. Всего несколько месяцев – и всё, – грустно ответил Крейг и продолжил про Вуди Стоуна, – Мы пытались выяснить, кто он, кем приходится Джепу, ведь малыш называл его «дядей». Биография

«дяди Вуди» оказалась таким же надутым мыльным пузырём, как и твоя биография «Скарлетт Харрисон». Из этого мы сделали вывод, что он из той же конторы, что и ты – ФБР. И вас что-то связывает между собой. Окончательно это стало ясно, когда ты тоже обнаружилась неподалёку. Вернее, не ты, а Джейн, но я тогда думал, что ты. Мы заманили Джейн на яхту и я открылся ей, когда мы уже были в открытом море, где деться ей было некуда. Она вела себя очень осторожно. Ни тебе удивления от встречи, ни раскаяния, ни попытки соблазнения. Ни намёка на хоть какие-то чувства. Одно хладнокровное равнодушие. Это меня разозлило. И я сказал ей, что нашёл её ради мести, и готов убить...

– А она? – подтолкнула Летти замолчавшего Крейга.

– А она попыталась сбежать. Ударила меня между ног и прыгнула за борт.

– Узнаю Шерил, – усмехнулась Летти, – она хоть и была из нас двоих тихоней, но борец настоящий!

– Да, – продолжил Крейг, – она и потом, в замке, куда мы её поместили, пока завершали операцию с Джемом, не переставала искать путь к свободе, хотя и пообещала мне, что больше попыток сбежать не будет. Знаешь, только после её смерти я понял, как трудно ей было со мной. Она ведь совсем меня не знала. Шла за мной, как по минному полю. Я-то тогда думал, что она – это ты и всё удивлялся: почему не захотела вернуться к имени Скарлетт, осталась Джейн, хотя мы могли в документы вписать любое имя? Почему была так

шокирована перспективой лечь со мной в постель? Ведь, кажется, после полугода еженощного любовного марафона такого быть не должно? После первой ночи вопросов появилось ещё больше. Она была так сдержанна, осторожна, но, в конце концов, пошла за моей страстью, раскрылась даже больше, чем в период «Скарлетт», до конца, до последней капли. Но по-другому. Без бури, без бурлеска. С таким самоотречением, с такой нежностью, что я едва не потерял сознание. И это я! Знающий толк в женщинах, в сексе, в страсти, но, как оказалось, не в любви... А ещё в первую ночь я обнаружил на её теле под сердцем след от пули и меня пронзил ужас, что я мог потерять её уже давно... Она рассказала мне о ранении только в последний день своей жизни, а тогда я ничего не знал. И мне очень хотелось, чтобы она поделилась со мной своими тайнами, чтобы к ней вернулась твоя, как потом выяснилось, веселость... Но она молчала, и я решил, что это вопрос *доверия*, а не любви. Потому что любовь ко мне она не скрывала, хотя и не говорила о ней. Признание тоже прозвучало только в последний день... Я потащил её на аэродром, чтобы совместным прыжком с парашютом доказать, что мне можно доверять. Она могла умереть. Пуля сдвинулась бы на миллиметр от перегрузок – и всё! Я не додумался, а она ничего не сказала. Только спросила: «Мне не будет больно? Помнишь, ты обещал?» А я ещё и пошутил по этому поводу. Идиот!

Крейг разволновался, как будто вот-вот должно было слу-

читься то, что не случилось тогда. Летти положила руки на его плечи, а он склонил голову и потёрся щекой, благодаря за этот успокаивающий жест.

– Знаешь, она научила меня радоваться мелочам, ценить каждый миг. С ней любая ерунда превращалась в праздник. Тихий семейный праздник. У неё отросли волосы... Мы же перед похищением Джепа сделали ей короткую стрижку, и выкрасили в блондинку, как на одной из последних фотографий с Джепом перед вашим исчезновением, чтобы он узнал тебя. А она созвала семейный совет, где я и Джеп решали, какой мы её хотим видеть. Я уже не помню, над чем мы тогда хихикали. Помню только ощущение счастья, которое царило за столом. Я попросил её вернуться к своему натуральному облику – надо же было мне посмотреть на её истинное лицо? И она покрасилась в темно-русый цвет. Это был не тот темно-медовый цвет, который я ожидал увидеть. Но зато появились кудряшки, так напоминающие твою гриву из периода работы в издательстве. А рассказ, как она впервые в жизни красилась самостоятельно, стал ещё одним поводом, чтобы повеселиться. А изучение французского? Мы же по документам были семейной парой французов, поселились во французской части Канады, где девяносто процентов населения говорит только на этом языке. Я-то французским владею в совершенстве, а она и Джеп – ни бум-бум. Я им объявил, что они шагу не сделают из дома, пока их французский не будет отличаться от французского коренного жителя

Парижа. Я на работе. Нанять репетитора нельзя. И они изучали самостоятельно. По учебникам, по интернету. И каждый день отчитывались мне в успехах. Устраивали маленький спектакль. Я домой летел, как на крыльях... Будь моя воля, я бы вообще не расставался с Джейн ни на минуту. Но... Воспользоваться моими американскими деньгами пока было слишком опасно, а строить бизнес в чужой стране с нуля было сложно. И я пропадал на работе, вместо того, чтобы проводить время с семьёй. Мне хотелось обеспечить их всем по высшему разряду. Казалось – сделаю задел на будущее, тогда и можно будет немного расслабиться. А будущего, как оказалось, у нас и не было...

Крейг замолчал, погрузившись в воспоминания. Он не знал, какими словами описать свою любовь к Джейн. Как ему было легко с ней, как спокойно. Как ему нравилось всё, что она делала, всё, что говорила. Как, даже при самом обычном разговоре, он читал в её темно-медовых глазах кроткую любовь к себе. Как улетала его душа, таяло тело, сердце щемило от нежности от одного только взгляда на неё. Особенно по утрам. Как бы рано она не просыпалась, он просыпался ещё раньше, подсовывал свою руку под её подушку, брал любимую в охапку и любовался тем, как сладко она спит. Зарывался лицом в её волнистые пушистые волосы и вдыхал аромат *счастья*, такого острого, что к горлу подступали слёзы... Да и стоит ли это кому-нибудь говорить? Это может понять только тот, кто потерял *такую* любовь. Кому за каждым шо-

рохом шагов, за каждым поворотом тропинки чудится облик любимой. И верится, что она придёт, обязательно придёт, а не только бесплотной тенью мелькнёт между кустов. Верится вопреки здравому смыслу. Иначе... Иначе сердце не выдержит...

А Летти невольно сравнивала ситуацию с Джейн и с собой. Сейчас Крейг намеренно задерживался на работе, стараясь уменьшить контакты с ней, Летти, а к Шерил летел «как на крыльях». И Джепа воспринимал тогда сыном, а сейчас общался с ним, как с чужим. Да, по сути, вообще не общался.

– Мне не даёт покоя авария Джейн, – заговорил Крейг, – Вначале я был уверен, что это несчастный случай, а сейчас... Как ты думаешь, к аварии мог быть причастен Вуди Стоун? Стив, как вы его звали?

Летти вздрогнула. В отличие от Крейга, она была уверена, что авария Джейн не простая случайность, а намеренное убийство. И то, что организовал его Стив, у неё тоже не было сомнений. Только сказать это Крейгу у неё сил не было. Каково это – знать самой и признаваться ему, что Шерил погибла вместо неё? Но она решила быть честной и ответила на прямой вопрос также прямо:

– Я не сомневаюсь, что аварию организовал Стив. Это в духе сотрудника ФБР идти к цели, не разбирая средств, оправдывая случайных жертв необходимостью её достижения. Я думаю, что он не был уверен в моей смерти, поскольку

ку моё тело обнаружено не было. Потому и прихватил с собой Джепа, чтобы использовать его в качестве живца в охоте на меня. Вряд ли он знал, что нас двое. Но, в любом случае, Шерил погибла из-за меня.

Крейг не стал убеждать Летти в обратном. И утешать не стал. Он на глазах из сломленного, отрешённого флегматика превратился в решительного, волевого прагматика. Теперь у него появилась цель в жизни, и жизнь вернулась в его глаза, в весь его облик.

– Значит, пока Стив жив, он представляет угрозу и для Рина, и для тебя.

– Что ты собираешься делать? – испугалась за Крейга Летти.

– Убрать эту угрозу! И отомстить за Джейн, – спокойно ответил Крейг.

По его тону Летти поняла, что отговаривать его, предостерегать было бесполезно. Она только не удержалась, спросила:

– Нам ждать твоего возвращения?

– Вам будет безопаснее вернуться к твоему мужу, – жёстко ответил Крейг.

Летти ничего не оставалось, как последовать его... нет, не совету, а распоряжению. Её любовь была ему не нужна, и слова о ней так и не слетели с губ Летти.

Он рассуждает логично и разумно. Он

талантливый и прирожденный шпион, выведывать информацию умеет любыми способами. Отличается невероятной работоспособностью. Может заниматься интересным делом сутками без сна и отдыха, проявляет сильную живучесть, инициативу. Поступать любит так, как ему кажется правильным. Он уверен, что умение подчиняться правилам – это сильный характер, не любит хитрости и жульничества. Придерживается порядка во всем, умеет красиво и элегантно одеваться.

²⁶ – психотипы Мастер, Советчик, Администратор и Гуманист относятся к четвёртой соционической квадре. Они ориентированы на "вечные" ценности, не склонны вкладывать энергию во что-то временное. Идею "далекого светлого будущего" воспринимают без особого энтузиазма, предпочитают жить настоящим. Квадра практиков, умеющих реализовать продуктивные идеи в полном объеме, до исчерпания их возможностей.

²⁷ – стихотворение Валерия Брюсова (1873-1924) – русского поэта, прозаика, драматурга, [переводчика](#), [литературоведа](#), [литературного критика](#) и [историка](#). Одного из основоположников [русского символизма](#).

Да, можно любить, ненавидя,

Любить с омраченной душой,

С последним проклятием видя

Последнее счастье – в одной!

О, слишком жестокие губы,

О, лживый, приманчивый взор,

Весь облик, и нежный и грубый,

Влекущий, как тьма, разговор!

Кто магию сумрачной власти

В ее приближения влил?

Кто ядом мучительной страсти

Объятья ее напоил?

Хочу проклинать, но невольно

О ласках привычных молю.

Мне страшно, мне душно, мне больно...

Но я повторяю: люблю!

Читаю в насмешливом взоре

Обман, и притворство, и торг...

Но есть упоенье в позоре

И есть в униженьи восторг!

Когда поцелуи во мраке

Вонзают в меня лезвие,

Я, как Одиссей об Итаке,

Мечтаю о днях без нее.

Но лишь Калипсо²⁸ я покинул,

Тоскую опять об одной.

О горе мне! Жребий я вынул,

Означенный черной чертой!

²⁸ – в [древнегреческой мифологии](#) прелестная [нимфа](#) острова [Огигия](#), куда попал спасшийся [Одиссей](#) на обломке корабля, и с которой он провёл там 7 лет (*из Википедии*)

Послесловие

Летти с сыном вернулась к мужу. Вернулись и их имена

– Вивьен и Джеп. Джеп быстро привык и к своему прежнему имени, и к новому имени мамы, и к своему новому папе, который относился к нему с искренней заботой и любовью. Также как относился потом и к дочери, родившейся у Вивьен через 7 месяцев после возвращения из Канады. И не возражал против её имени – Шерил.

Шерил делала первые в своей жизни несмелые шаги, когда Вивьен получила сообщение от Крейга, состоящее всего из одного слова: «Всё!», и она поняла, что месть состоялась, больше Стив не будет угрожать ни её жизни, ни жизни Джепа.

Вивьен послала Крейгу фотографию их дочери, но ответа на своё послание так и не получила. То ли Крейг уже сменил адрес, и её письмо не дошло до него, то ли эта информация оставила его равнодушным. Выжгла ли его полностью любовь к Шерил или, сохранив её милый облик в дальних тайниках души, он возродится к жизни? Найдёт новую любовь? В любом случае, это не будет она, Летти. Ни любви, ни ненависти он к ней больше не испытывал...

май 2020

Что обещает её лицо или Женя, Женечка и Катюша

1

Из глубокого сна Женю вырвал настойчивый звонок те-

лефона. Вставать категорически не хотелось. Телефон, наконец, смолк, и Женя, повернувшись на бок, тут же начала погружаться в сладостную дрему. Но, не тут-то было! Телефон, словно набрав в свои недра побольше воздуха, затрезвонил с новой силой. Женька разлепила глаза – чёрт! Двенадцатый час! Кому она могла понадобиться в ночь-полночь?!? Идите в баню! И Женька, пытаясь заглушить настырный звонок, натянула на голову одеяло. Но тут же его сдёрнула и пошлёпала в коридор, выуживать из сумки сошедший с ума телефон. А вдруг это звонят из Реабилитационного центра? У Ярика она была сегодня, с ним всё было в порядке, не считая, конечно, настроения, но... Учитывая полосу невезения, которая тянется уже несколько дней, вдруг что случилось?

Пока Женя нашла сумку, пока копалась в ней в поисках телефона, звонок смолк. Номер был незнакомым. Женя замешкалась, решая, стоит ли перезванивать самой, но телефон ожил в её руках, захлёбываясь от злобы. «Надо будет сменить рингтон», – мимоходом подумала Женя.

– Какого чёрта Вы не берёте трубку? – заорали на Женьку из аппарата.

Голос был не менее злым, чем звонок, и принадлежал Глебу Николаевичу, её несостоявшемуся работодателю.

– Вот, взяла! – ответила Женя, параллельно размышляя с недоумением – что от неё понадобилось Глебу Николаевичу, ведь они закрыли вопрос с её трудоустройством ещё четыре дня назад?

– Что Вы наговорили моей дочери? Какого чёрта Вы полезли в мою семью? – продолжил наезжать на Женю Глеб Николаевич.

– Что-то с Анютой? – забеспокоилась Женя.

– Не Ваше собачье дело! – взбеленился собеседник.

– Послушайте, – включился в Жене педагог, и она заговорила спокойным, уверенным, можно даже сказать менторским тоном, каким говорят с учениками средних классов учителя старой, ещё советской закалки, – Вы звоните мне среди ночи с наездом, ничего не хотите объяснять, но в тоже время что-то от меня требуете. Я не собираюсь продолжать с Вами разговор в подобном тоне...

– Если ты сейчас вырубешь телефон, – прекрасно понял её намерения собеседник, – я приеду к тебе домой и подниму на ноги всех соседей!

Больше, чем прозвучавшая угроза, Женьку испугал тон, которым она была высказана, и этот развязный переход на «ты». Чёрт его знает, кто он – Глеб Николаевич Шестопалов? Может, бандит какой, а не просто богатый дядечка, упорным трудом или нечаянным случаем оседлавший волну удачи?

– Послушайте, – примирительным тоном произнесла Женя, – давайте не будем создавать проблемы друг другу...

– Ты мне их уже создала! – продолжил хамить Глеб Николаевич.

То ли Женя уже окончательно проснулась, то ли в ней включился помимо педагога ещё и психолог, (если бы она не

принимала всё слишком близко к сердцу, то вполне смогла бы им работать, тогда и зарабатывала бы намного больше, чем преподаватель иностранных языков), которым ей пришлось стать из-за Ярика, но она расслышала в голосе на противоположном конце трубки неподдельную горечь, что заставило её перейти на успокаивающий, почти ласковый тон:

– Пожалуйста, как бы ни восприняла Анята мои слова, но я не желала ни ей, ни Вам ничего плохого. Всё можно исправить. Но ведь не по телефону? И не ночью?

В телефоне несколько секунд слышалось только сердитое сопение, а потом Глеб Николаевич произнёс непререкаемым тоном:

– Завтра. В девять. Адрес скину.

И отключился, не дожидаясь её согласия.

Н-да, полоса невезения продолжается! А ведь с него, Глеба Николаевича, она, пожалуй, и началась – его абсурдные условия работы, из-за которых ей пришлось отказаться от места. Потом внезапный отказ от её услуг Лидочки. Её семья перебиралась за границу, этого в одночасье не сделаешь, но её они не предупредили – «Женечка, Вы же понимаете, самим себе запрещали об этом думать. Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!» А у неё теперь дыра не только в расписании, но и в бюджете. Нового ученика найти не просто. Ой, как не просто! И не быстро. Не так много желающих изучать испанский язык. Всем подавай английский! Но и желающих обучать ему пруд пруди. Конкуренция. А деньги нужны сей-

час. У Ярика депрессия, он капризничает, канючит, просится домой. Заниматься не хочет, отсюда и ухудшение. И времени до точки, когда ему уже не поможет никакая операция, следовательно, становится всё меньше. И перспектив найти деньги на эту операцию тоже всё меньше и меньше...

2

На встречу Глеб Николаевич опоздал. Ненамного, но всё же Женя успела замерзнуть, стоя под дождём и ветром. Извиниться или оправдаться – мол, пробки, не соизволил, возделенную чашечку горячего кофе не предложил. Разговаривали в машине.

Собственно говоря, ничего экстра неординарного не произошло, как Женя и предполагала. Он просто, как и большинство отцов, считал, что его отцовские обязанности ограничиваются утренним поцелуем – «Доброе утро, солнышко!» и вечерним – «Спокойной ночи, малышка!». А вот когда няня, узнав, что на её место ищут другую, решила не дожидаться, пока ей укажут на дверь, и хлопнула ею сама, столкнулся с тем, что происходит *между* ними, и пришёл в ужас. Ещё бы! Капризы до ора, катание по полу в истерике – «Не хочу! Не буду!» Маленький ангелочек, оказавшийся упрямым и своевольным деспотом. Кризис 3-х летнего возраста во всей красе. Плюс, видимо, Глеб Николаевич оказался одним из тех мужчин, которые физически не могут вы-

носить женские слёзы, что уж говорить о слезах дочери-малютки.

Убедить Глеба Николаевича, что поведение Анюты совершенно естественно для её возраста, не удалось. Он был уверен, что без влияния Жени тут не обошлось. Недаром же она попросила ещё раз пообщаться с ребёнком? Да и «тётя Женя» в воплях дочери проскальзывало.

Со вторым Жене всё было понятно – у них с Анютой сразу возникла взаимная симпатия и доверие. Дети вообще липли к Женьке. А вот с первым обстоятельством... Пришлось говорить правду:

– После Вашего аморального и безнравственного предложения...

– Это какого же? – с неподдельным удивлением прервал начавшую объясняться Женю Глеб Николаевич.

Женька замялась, но потом набралась духу и выпалила:

– О моём проживании в Вашем доме с оказанием услуг интимного характера.

Глеб Николаевич недоумённо посмотрел на Женю и расхохотался:

– Прямо изящная словесность английской аристократии! – и, усмехнувшись, добавил, – Не вижу ничего аморального и безнравственного в своём предложении. Голый прагматизм – зачем тратить кучу времени на поездки за город туда-обратно ради занятий, если в доме полно комнат? Что же касается предложенного Вам секса, то я ведь не насило-

вать Вас собирался, а сделал предложение об удовлетворении, к взаимному удовольствию, заметьте, и не бесплатно, а с очень даже существенной надбавкой к Вашей оплате за уроки с Анюткой, одной из самой естественной и насущной потребности человека, такой же, как еда, питьё, сон. По-моему, всё честно и удобно. Мы с Вами взрослые люди, не связанные никакими обязательствами, одинокие на данный момент мужчина и женщина, вынужденные проводить под одной крышей двадцать четыре часа в сутки. Взаимное притяжение неизбежно. Так к чему лицемерить? Лучше сразу договориться, что занимаемся сексом ради собственного здоровья. И никаких романтических бредней. Насколько я понял, Вы адекватно отреагировали на моё предложение, сказали, что обдумаете его. Разве нет?

– Нет! – энергично возразила Женя, – Просто я так ответила, чтобы Вы ещё раз разрешили пообщаться с Анюткой.

– И какая в этом логика?

– Мне надо было понять, не опасно ли ребёнку находиться рядом с таким аморальным типом, как Вы.

– Бред какой-то! – скривил губы Глеб Николаевич, – И что же Вы поняли?

– Ну, – замялась Женя, – я поняла, что отец Вы хороший, только не опытный. Вы любите свою дочь и не представляете для неё угрозы.

– И на том спасибо! – с издёвкой в голосе сказал опять развеселившийся Глеб Николаевич, – И чтобы Вы сделали,

если бы пришли к другому выводу?

– Я бы написала на Вас заявление в органы опеки, – честно ответила Женя.

В машине повисла напряжённая тишина. Лицо Глеба Николаевича окаменело, а в глазах запылал огонь. Женька прямо-таки физически почувствовала, как он прожигает две дыры в её теле своим взглядом. Она глубоко вздохнула, закрыла глаза, чтобы успокоиться и собраться с мыслями, и сказала:

– Я могу Вам помочь. У меня...

– Убирайся!!! – перебил её лепет взбешённый Глеб Николаевич, – Вон!!! И никогда, слышишь, ни-ког-да, тварь, не смей приближаться к моей семье!!! Вон!!!

Женя так явственно представила себе, как он сгибает ноги в коленях и одним коротким ударом вышибает её из машины, что даже почувствовала этот удар – ногами в живот.

Едва она выбралась из машины, как тут же взревел мотор, взвизгнули шины, и её обдало фонтаном брызг и грязи из накопившейся под колёсами лужи.

3

– Лешка, привет! Рад встрече!

– Глеб, дружище, молодец, что вырвался!

Алексей и Глеб, бывшие одноклассники из Тамбова, нечаянно столкнулись в Москве несколько лет назад (вот, уж, тесен мир!), кинулись друг к другу, как родные, развеселились,

узнав, что оба живут в Кургане (и ведь не столкнулись ни разу, хотя Курган далеко не Москва) и с тех пор поддерживали тесные дружеские отношения. По телефону в основном, конечно, но и лично тоже, по крутым поводам, таким, как сегодня – юбилей супруги Алексея Аллы. Так что фразы, которыми они обменялись, были, отнюдь, не формальностью, не данью пустым светским условностям.

– Алла! Поздравляю! Ты так чудесно выглядишь! Каждый раз всё краше и краше! Так что и не знаю, что тебе пожелать...

– Пожелай, чтобы всё оставалось как есть.

– От души! Лёшка, отвернись, я буду целовать твою супругу и заодно попрошу выдать мне секрет – как ей удастся поворачивать время вспять? Для моей будущей половинки.

– Опять для «будущей»? Снова один? – всплеснула руками Алла, – Или кто-то уже появился на горизонте?

– Один, – притворно вздохнул Глеб (одинокость его не беспокоило, женщин ему хватало, цели найти Аняте вторую маму он не ставил – зачем этот геморрой на свою голову?).

– Лёш, тебе не кажется, что пора помочь другу? – шутливо обратилась жена к мужу, – А секрета никакого нет – просто любима и люблю!

И с этими словами потянулась поцеловать мужа в щёчку, а он нежно перехватил её губы.

– Всё, мальчики! Извините, я вас покидаю, обязанности хозяйки зовут. А вы посплетничайте, посеCRETничайте без

меня.

– Алла, мужчины не сплетничают! – шутливо-строго поправил жену Алексей.

– Ну да, ну да! – молодо засмеялась, полуобернувшись, Алла, отойдя на несколько шагов, – А по статистике больше, чем женщины!

Мужчины раскурили сигареты, и Алексей осторожно спросил:

– Кажется, больше года уже прошло?

– Почти два, – ответил Глеб, сразу поняв, о чём, а, вернее, о ком его спрашивают.

За два года после гибели жены в автомобильной катастрофе боль притупилась. Обиды и ссоры ушли на второй план. Хотелось помнить только хорошее, пусть оно и относилось, в основном, к первым годам совместной жизни. Глеб не собирался быть верным памяти жены всю оставшуюся жизнь, но и надевать новое ярмо на шею не спешил, его вполне устраивали свободные отношения с противоположным полом. Вот как раз сегодня на вечеринке заметил весьма интересную особу. Но дама была не одна, и, прежде чем ринуться на её завоевание, не мешало бы выяснить у хозяина что-нибудь о госте и её сопровождающем.

– Слушай, а кто тот высокий мужик в светлом костюме? Кажется, я его раньше не видел?

– Девятый! – не обернувшись посмотреть на кого указывает друг, ответил Алексей.

– Что «девятый»? – не понял Глеб.

– Ты – девятый, кто спрашивает меня о нём, – с лукавым блеском в глазах сказал Лёшка и спросил без видимой связи, – Что, хороша?

Глеб понял, что его раскусили. Так, с заходом по кривой, он хотел узнать что-нибудь о спутнице высокого, можно даже сказать, худощавого мужчины, которая сразу привлекла его внимание, как только он оглядел многочисленных гостей, приглашённых на юбилей хозяйки дома, вольготно расположившихся кто по одному, кто группками на лужайке их загородного поместья. Сначала бросилось в глаза её блестящее стразами белое платье в пол. Глеб даже подумал – уж, не на свадьбу ли какой-нибудь родственницы Алексея и Аллы он попал? Потом рассмотрел стройную фигуру женщины в достаточно провокационном наряде с глубоким вырезом на спине, наполовину прикрытой длинными прямыми волосами, и высоким боковым разрезом юбки платья, в котором мелькнула узкая полоска ноги, когда она обернулась, почувствовав его настырный взгляд. Что-то знакомое в её облике уловил Глеб в этот момент. Его потянуло к ней, как магнитом. Но, прежде чем пуститься во все тяжкие, надо было выяснить её статус и уровень взаимоотношений с мужчиной, который держал её под локоток. Да и хозяев надо было поприветствовать.

– Докладываю, – между тем продолжил Лёшка, – импозантный мужчина в светлом костюме – сэр Гарольд Стир-

линг Вандербилт...

– Тот самый? – с удивлением перебил Глеб.

– Тот самый! – с неподдельной гордостью подтвердил Алексей, – Сделал небольшой крюк по пути из Лондона в Ригу на чемпионат Европы по бриджу¹ через Курган.

– Как же тебе удалось? – искренне восхитился Глеб.

Глеб не был поклонником бриджа, но много раз слышал о Вандербилте – чемпионе мира по бриджу, от Аллы, для которой бридж был страстью всей жизни. Видимо, его приезд на её юбилей был подарком от любящего супруга.

– Не спрашивай! – отмахнулся Алексей, – Уламывал, умасливал больше года. И только когда он сыграл с Аллой по интернету, согласился приехать, даже без оплаты и сразу на два дня. Вернее, ночи, поскольку обе игры будут проходить, когда остальные гости будут спать. В строгой секретности. Об этом знают только мы с Аллой и ещё два игрока, которые будут участвовать в игре. Так, что, дружище, т-с-с, ты ничего не слышал. Его спутница, – перешёл Алексей к самому интересному для Глеба, – официально переводчица. Зовут Екатерина. Именно так, полным именем, и представляется. Не дочь и не жена – это точно. А что касается всего остального – не знаю, свечку у них в спальне не держал. В любом случае, две ночи она будет свободна от своих обязанностей, какими бы они ни были. Так что – дерзай, дружище!

Дерзнуть оказать знаки внимания отважились помимо Глеба ещё несколько одиноких, по крайней мере, на этот ве-

чер, мужчин. Екатерина вела себя по-царски, в полном соответствии своему имени². Благоклонно принимала знаки внимания, но вольностей не допускала, выбирала тщательно, не торопилась. Мужчины вились над прекрасным цветком роем, а Глеб с усмешкой наблюдал за этим со стороны, поскольку при ближайшем рассмотрении Екатерина оказалась вовсе не Екатериной, а... Евгенией! Да-да, той самой Евгенией, которая месяца три назад обвиняла его в аморальности и безнравственности, а сейчас сама выставляли напоказ свои прелести для оболъщения толпы мужиков, та самая, которую тогда он готов был придушить собственными руками, но к которой всё-таки пришлось обратиться за помощью...

...Анюта всю продолжала манипулировать обстоятельствами (кое-что Глеб всё-таки усвоил из той лекции, которую ему прочитала в машине эта зануда). Вредничала, капризничала, впадала в истерику. Паинькой становилась, только когда отец был рядом. Но он же не мог находиться с ней 24 часа в сутки?! А работа? И вообще...

Няня ушла, хлопнув дверью, бегать за ней и умолять вернуться Глеб не собирался. Много чести. Претенденток на её место Анюта отвергала одну за другой, требуя вернуть тётю Женю. Глеб понимал, что маленькая хитрюга просто использовала «тётю Женю» как повод, чтобы не расставаться с ним, но всё равно злился на Евгению, упрямо считая, что это она послужила спусковым крючком дочкиных капризов.

Попытка возложить, хотя бы временно, обязанности няни на женскую часть слуг, провалилась. Женщин в доме и так было не много – уборкой занималась Марина Николаевна, кухней – Мария Васильевна, но вскоре стало понятно, что он может остаться и без няни, и без поварихи, и без уборщицы.

Через неделю Глеб сдался и позвонил Евгении. Та не стала над ним насмехаться, выслушала просьбу и пообещала приехать на следующий день. Обещание своё выполнила. Приехала не одна, а с благообразной старушкой лет шестидесяти – Антониной Алексеевной. С Анютой они провели полдня. Что уж там делали, чем занимались, как разговаривали, Глеб не знал, но из комнаты периодически доносился смех. Вечером Евгения уехала, а Антонина Алексеевна осталась.

С её появлением в доме установилась благодать. И ещё. Как-то незаметно, без повышения голоса, без ссор и выяснения отношений Антонина Алексеевна стала настоящей домоправительницей, которой подчинилась не только женская половина слуг, но и мужская. «Вам не кажется, что...», «Подумайте над тем, чтобы...» – были излюбленные фразы, в которые она облекала свои просьбы и предложения. И люди неизменно делали то, на что она их направляла. Да что там говорить, даже сам хозяин её слушался! Во всяком случае, он уже не спорил по поводу каш на завтрак и приучился ставить в известность охрану, где находится и когда вернётся. Глеб уже не представлял себе, как можно обходиться без Антонины Алексеевны! И был благодарен за неё Евгении...

...А потому не собирался ломать ей игру. Наблюдать – наблюдал. С иронией. Евгения чувствовала его взгляд, периодически поглядывала. Хмурила брови. Смотрела то холодно, то с вызовом. Да не собирался он выводить её на чистую воду! Хочется Евгении представляться Екатериной – да, пожалуйста! А вот поиронизировать над превращением занудной моралистки в нормальную женщину стоило. И Глеб решительно увёл её из-под носа нескольких конкурентов на медленный танец.

Медленно прошёлся кончиками пальцев по спине у самой кромки глубокого выреза, как будто обозначил границы, за которые заходить не собирался. Одной ладонью накрыл руку Евгении, лежащей на его плече, а вторую положил на спину, туда, где заканчивались волосы, и легонько прижал девушку к себе. Как только почувствовал её сопротивление, давление ослабил, и двинулся ладонью вниз. Прижимал её тело к своему, как приклеивают обои к стенам. В рамках дозволенного ею. Дошёл до талии и остановился, хотя соблазн двинуться ниже был. И ещё какой! Пальцы так и тянулись хотя бы на сантиметр нырнуть под блестящие стразы платья.

Когда музыка стихла, Глеб удержал руку девушки на своём плече, потом повернул ладошкой вверх, нежно поцеловал её серединку, слегка отодвинулся и, прямо глядя в её тёмные глаза, произнёс:

– Надеюсь, всё было достаточно высоко морально и глу-

боко нравственно?

Смог договорить фразу до конца только благодаря тому, что подготовил её заранее. Успел заметить краешком зрения, как иронично изогнулись её брови. И утонул. Нет, не так! Вернее будет сказать – провалился в тартарары через затуманенную поволоку её глаз. И чем глубже погружался, тем жарче ему становилось от бушующего на их дне пламени. Женя уже отошла от него, а он всё стоял столбом не в силах сдвинуться с места. «Чёрт побери! Что же это со мной?»

Чтобы прийти в себя, Глеб ушёл подальше от поместья и уселся на берегу Щучьего озера. Название озера говорило само за себя. Помимо щуки, сюда приезжали за карпом, карасём и окунем. Приезжали не только порыбачить, но и просто отдохнуть. Берега его были ровные, песчаные, глубина нарастала постепенно, а вода обладала удивительной прозрачностью и хорошо прогревалась. С одной стороны озеро было окружено берёзовыми лесами, а с другой – песчаными пляжами. И вот в этом райском месте на стыке леса и песка Алексей и Алла прикупили участок земли, где выстроили мини-гостиницу и отдельные коттеджи для любителей рыболовства со всем необходимым инвентарём напрокат – надувные лодки, удочки, спиннинги, даже приманка, мангалы, кострища, уютные беседки для компаний. Надо ли говорить, что бизнес процветал? А сейчас все номера в отельчике и коттеджи занимали гости Алексея и Аллы.

Мерный плеск озера успокоил взбаламученную душу Гле-

ба, вода притушила полыхающее тело и сердце, но, всё же, нет-нет, но в голове всплывали мысли о Жене – что она сейчас делает? С кем? Одна? Или?

Он даже пытался возродить в себе те чувства, которые испытывал к ней в начале их знакомства – возмущение, ярость, насмешку. Да просто благодарность человеку, который помог в трудной ситуации, без всяких там душевных и сердечных трепыханий. Но... Ничего не получалось. «Надо было уехать домой», – с досадой на себя, что поздно сообразил, подумал Глеб. А сейчас делать нечего, придётся ночевать в поместье.

¹ – бридж считается вершиной карточных игр, наиболее интеллектуальной и требующей развитого логического мышления игрой. Не случайно бридж, например, является обязательной дисциплиной в военных академиях стран НАТО. Бриджу уделяли внимание многие известные личности, такие, как [Уинстон Черчилль](#), [Маргарет Тэтчер](#), Махатма Ганди, [Дэн Сяопин](#), президенты США Дуайт Эйзенхауэр, Рональд Рейган, Билл Клинтон, актер [Омар Шариф](#), миллиардеры [Билл Гейтс](#), [Уоррен Баффет](#). Последний писал: "Бридж – более жесткая игра, чем бизнес. Бридж – настолько потрясающая игра, что я бы не возражал против заключения в тюрьму, если бы у меня было три сокамерника, которые бы были отличными игроками в бридж и которые бы хотели играть 24 часа в день". Уинстон Черчилль, министр ино-

странных дел Великобритании, будучи великим политиком, опытным, выдержанным, был невыносим как партнер. Однажды он играл в паре с послом Великобритании в Бразилии и после одной из сдач в течение пятнадцати минут истошно орал на своего партнера, невзирая на присутствующих официальных лиц и дам. Чтобы больше не доходить до подобного конфуза, в результате которого может пострадать британская внешняя политика, в его министерстве существовала специальная штатная должность – "партнер по бриджу для сэра Уинстона Черчилля". Чемпион мира по шахматам гроссмейстер Эммануил Ласкер сравнивал шахматы и бридж: «Говорят, что шахматы – интеллектуальная игра. Это не так. Шахматы – игра логическая. А интеллектуальная игра – это бридж».

² – Российской империей правили две императрицы с именем Екатерина. Дочь литовского крестьянина Марта Самуиловна Скавронская, ставшая после крещения в православную веру Екатериной I Алексеевной, правила с 1721 по 1727 год, сначала как супруга царствующего императора Петра I, а после его кончины как правящая государыня. И Екатерина II Алексеевна, в девичестве – София Августа Фредерика, дочь немецкого князя Ангальт-Цербстского. Правила с 1762 по 1796 год, и за свои дела почитавшаяся как Екатерина Великая. Взошла на престол в результате двойного дворцового переворота: отняла власть у мужа Петра III (внука Петра I), заставив его отречься от престола (чуть поз-

же он погиб при невыясненных обстоятельствах), и не передала власть сыну, Павлу I – естественному наследнику отца, который стал императором уже после смерти матери.

4

Далеко за полночь, когда Глеб вернулся в поместье, на лужайке перед домом уже никого не было. Гости, кто ночевал здесь, разошлись по своим комнатам. Где-то в потайном месте дома уже шла игра в бридж.

Глеб поднялся на второй этаж гостевой пристройки дома, где ему была отведена комната, и, раздеваясь на ходу, двинулся в ванную. Остановился на полпути, успев лишь снять туфли и ослабить узел галстука. Остановился, потому что краем глаза заметил гостью, сидевшую в кресле. Её облик был скрыт темнотой ночи. Лунный свет, проникавший сквозь балконную дверь, освещал лишь носок её туфли и тонкий край подола платья, на котором вспыхивали искорки.

Боясь поверить своему счастью, Глеб быстро пересёк комнату, облокотился руками о подлокотники кресла и развернул гостью к свету. Женя! Это была она!

Женя подняла руки, спокойно развязала галстук Глеба, медленно стянула его с шеи и отбросила в сторону. Глеб, сдерживая себя, присел, снял с неё туфли на высоких каблуках, взял в ладони стопу и бережно поворачивал, разминая. Женя застонала от наслаждения. Этот стон напрочь смял сдер-

живаемую страсть. Глеб схватил её на руки и повалился вместе с ней на постель.

Они торопливо, сталкиваясь руками, раздели друг друга и, наконец, соединились...

Ночь прошла в борьбе. Глеб, привыкший доминировать над женщинами, в любом смысле этого слова, столкнулся с равным по силе и темпераменту партнёром. Они катались по кровати, оказываясь то сверху, то снизу и замирали лишь на те мгновения, когда их накрывала волна оргазма.

Женька была неумоима. Едва им удавалось выровнять дыхание, как она начинала ласкаться, как кошечка, всем телом, нежными руками, горячими губами, щекочущими волосками промежности, мягкими половинками попки, заводя его, возбуждая его, пока его орудие не вставало наизготовку, готовое выстрелить новым мощным зарядом. И так повторялось снова, и снова, пока она сама не оборвала любовную игру, уйдя в ванную. Обессиленный Глеб почти сразу провалился в сон.

5

Проснулся Глеб бодрым, полным сил и желания. Но Жени рядом не было. «Женя, Женечка и Катюша»³, – с нежностью подумал он, откидываясь на подушки, вспомнив название старого советского фильма по ассоциации с именами, которыми она себя нарекала.

Взглянул на часы. «Ничего себе! Одиннадцать!» Обычно, во сколько бы он ни ложился спать, его внутренние часы будили его в семь. «Ну, и отлично!» Меньше времени до ночи, до их с Женей слияния. А днём надо будет обязательно с ней поговорить. Прошлой ночью они не произнесли ни слова, кроме невнятного мычания в порыве страсти и на пике наслаждения. Этой ночью тоже явно будет не до разговоров!

Женю Глеб увидел только на завтраке-обеде. (Какой может быть завтрак в три часа дня? А, с другой стороны, и не обед, поскольку большинство гостей выползли к нему прямо из постелей.) Пообщаться не получилось – они сидели по одной стороне стола, Глеб со стороны Алексея, а сэр Вандербилт с Женей со стороны Аллы.

Женя была в весьма скромном, по сравнению со вчерашним, тёмно-вишнёвом платье, под цвет своих глубоких завораживающих глаз. Единственной данью сексуальности в нём была его длина выше колен, открывающая уже без всякого намёка, её стройные ножки. Но даже если бы она была в парандже, всё равно бы её внутренний магнетизм притягивал бы взгляды противоположного пола. Глеб со своего места не видел её полностью, лишь тонкий профиль, но зато прекрасно мог наблюдать, какие взгляды бросают на неё все остальные мужчины. Так что обедо-завтрак прошёл у него в смещении чувств – дикой ревности, гордости за *свою* женщину, страстном желании показать всем, и тем утвердить, свои

права на неё.

Поговорить не удалось и после еды. Глеб уже было кинулся к Жене, но она остановила его одним своим взглядом, в котором удивительным образом смешались предостережение не подходить, приказ остановиться, уверение в любви, обещание встречи, предвкушение наслаждения. А чуть дрогнувшие губы коснулись его губ лёгким, воздушным поцелуем. И всё это на расстоянии в пол-лужайки.

Поздний ужин выглядел как шведский стол. На вынесенных на лужайку столах и в беседках стояли стройные ряды закусок – канапе, салаты в маленьких вафельных розетках, фрукты на трехъярусных вазах, внушительное разнообразие спиртного в откупоренных бутылках. Для любителей горячего прямо на воздухе были установлены мангалы и коптильни, где гости-добровольцы сами жарили шашлык из нежнейшей баранины и готовили выловленную вчера рыбу. Ни Жени, ни Вандербилта, ни Аллы среди фланирующих гостей не наблюдалось, из чего Глеб сделал вывод, что бридж сегодня начался раньше вчерашней глубокой ночи.

³ – «Женя, Женечка и „катюша“» – советский художественный фильм-трагикомедия, снятый на киностудии «Ленфильм» в 1967 году режиссёром Владимиром Мотылём. Действие происходит во время Великой Отечественной войны. Фильм повествует о любви интеллигентного юноши гвардии рядового Жени Колышкина и связистки Женечки

Земляникиной. «Катюша» в данном случае – грозное артиллерийское орудие, а не женское имя.

6

Глеб напрасно прождал Женю всю ночь. Она не пришла. Он злился на неё, злился на себя. Ну как, как можно было так вляпаться? Сорокалетний, состоявшийся мужчина чувствовал себя подростком, страдающим от первой неразделённой любви. Что за наваждение?

Взять себя в руки никак не получалось. Он то вскакивал, порываясь идти искать её, и тут же понимал, что не представляет ни где её комната, ни где идёт игра в бридж. То досадовал, что не вбил её номер в свой телефон. То искал ей оправдания – не отпустил Вандербилт, а позвонить, предупредить она не может по той же причине, что и он ей. То дико, первобытно ревновал, представляя её горячее, упругое тело в чужих лапах...

Промаявшись до семи утра, Глеб встал, решив отправиться домой. Обижать друга, уехав, не попрощавшись, не хотелось, но и оставаться здесь сил не было. Закатить Женьке скандал при всех было ещё хуже, но он понимал, что сдержаться, увидев её, не сможет.

Выезжая из поместья, Глеб нос к носу оказался перед автомобилем Алексея.

– Уже уезжаешь? – спросил Лёшка, выйдя из машины.

– Извини, что не попрощался. Боялся разбудить.

– Дела?

– Дела, – согласился Глеб (не рассказывать же, что его продинамили?), – А ты откуда в такую рань?

– Провожал Вандербилта с переводчицей на вокзал в Смоленск. Устал, как чёрт – три часа за рулём. Пойду сосну пару-тройку часов. Удачи тебе, дружище!

– Давай! Созвонимся.

Мужчины обнялись и разъехались.

Настроение Глеба взлетело до небес. Как всё просто разъяснилось! Женя просто не знала о раннем отъезде! Кажется, Лёшка что-то говорил о чемпионате Европы по бриджу в Риге. Надо будет найти информацию о нём в интернете и узнать примерную дату возвращения Жени в Курган. И всё!

7

Чемпионат в Риге длился аж две недели. Информация о нём в интернете была скудная, но кое-что Глеб, всё-таки, нарыл, а потом уже сам компьютер подкидывал новости. Вандербилт был основным претендентом на победу, пробыл на чемпионате до самого конца (Глеб надеялся, что Женя раньше освободится от своих обязанностей переводчицы, о других её «обязанностях» перед нанимателем старался не ду-

мать, но всё равно периодически стискивал зубы, сдерживая ревность) и ожидаемо победил. После информации о возвращении Вандербилта в Лондон, Глеб выдержал ещё сутки, давая Жене время вернуться в Курган, и позвонил:

– Ты уже вернулась?

– Вернулась, – на автомате ответила Женька.

Она, действительно, только что вернулась из Реабилитационного центра от Ярика, только вот откуда было известно Глебу Николаевичу, что она куда-то ездила? Может быть, ему про её ситуацию рассказала Антонина Алексеевна? Иначе, откуда такой странный тон, не свойственный и даже странный для их взаимоотношений, этот ласкающий, полный нежности голос?

– Я соскучился! Где и когда встретимся?

Это вообще было уже за пределами Женькиного понимания, и она зависла.

– Ты не одна? – с каким-то нарастающим напряжением спросил Глеб Николаевич, не дождавшись ответа, – Тебе неудобно говорить?

– Одна. Удобно, – только и смогла ответить Женька, ещё не понимавшая, как реагировать на странное поведение Глеба Николаевича.

Они виделись с ним всего три раза – собеседование, разговор в машине и представление Антонины Алексеевны. С тех пор прошло почти четыре месяца, во время которых они не общались. Он даже «спасибо» за помощь ей не сказал. И

тут вдруг такое...

– Глеб Николаевич! У Вас опять какие-то проблемы с Анютой? Или с Антониной Алексеевной?

– Причём тут моя дочь и няня? – удивился Глеб Николаевич.

– Ну, Вы звоните мне, предлагаете встретиться... Если у Вас какие-то проблемы, я готова Вам помочь, если это в моих силах.

– Жень, тебе не кажется, что ты заигралась? То ты зануда, то представляешься другим именем и делаешь вид, что мы не знакомы, то ты опять «синий чулок» и на «Вы». Или ты мне предлагаешь сыграть в какую-то сексуальную игру?

Это вообще уже было за гранью! У него там что, крыша съехала? Ей ещё сумасшедшего или сексуально озабоченного до кучи её проблем не хватало! «Надо будет позвонить Антонине Алексеевне, узнать, что у них там творится», – подумала Женя, и, собрав волю в кулак, ответила ледяным тоном:

– Послушайте, Глеб Николаевич, я не понимаю, кто Вам дал право говорить мне подобные вещи. Прошу Вас больше меня не беспокоить!

– Послушай, девочка! – разозлился Глеб, – Я тебе не пацан, чтобы так со мной обращаться!

– Я Вам *всё* сказала! – отрубилa Женя и прервала разговор.

Теперь уже ничего не понимал Глеб. Он ещё раз набрал

номер Жени, но она сбросила звонок, а потом и вовсе отключила телефон. Ну, ничего! Он до неё доберётся!

Как назло, на работе была сплошная круговерть, а в конце дня ещё и совещание с участием иностранных партнёров, так что сразу поехать к Женьке домой и устроить там тарарам Глеб не смог. Периодически набирал её номер, но вскоре понял, что она не просто выключила телефон, а занесла его номер в чёрный список.

С твердым намерением отправиться по Женькиному адресу и жутким коктейлем внутри из злости, ревности и вожделения, Глеб выскочил из кабинета как чёрт из табакерки после совещания в секретарскую и... тут же упёрся взглядом в спокойно сидевшую на кожаном диване Женьку. Секретарша что-то лепетала ему, но он прервал её на полуслове:

– Ты свободна!

В два широких шага пересёк секретарскую, грубо схватил Женю под локоть, рывком поднял с дивана и, не обращая внимания на ошарашенную поведением всегда выдержанного шефа секретаршу, потащил девушку в свой кабинет.

Набросился на неё, как иссохший от жажды путник в пустыне набрасывается на воду. Фактически, изнасиловал, если бы... Если бы и она сама не была такой же страждущей.

– Ну, и как мне теперь выйти отсюда? – насмешливо спросила Женя, указывая на свою помятую и порванную одежду.

– Сама виновата! – буркнул Глеб.

– Даже так? – с иронией изогнув брови, сказала Женя.

– Приходишь когда хочешь, пропадаешь без предупреждения, – продолжил наезд Глеб, и сам немного смущённый своим поведением.

– Зато, какая бурная радость от сюрприза! – рассмеялась Женька и, томно потягиваясь всем телом, добавила, глядя с вызовом на Глеба – И сладко!

Не откликнуться на такой призыв было невозможно. Только на этот раз была и нежная прелюдия-вступление, и плавное, мягкое, медленное анданте⁴, когда оба сдерживали себя, чтобы накопить желание, силы и через нарастающее крещендо⁵ подошли к бурной, слаженно спетой их телами коде⁶.

Они, распаренные, уставшие, лежали, обнявшись на узком кожаном диване. Глеб погладил бархатистую кожу девушки, поцеловал её влажные от выступившего пота волосы и задумчиво сказал:

– Какая же ты разная! То зануда из зануд, то ласковая кошечка. То моралистка, то страстная тигрица.

– Это я – зануда?!? – вскинулась Женька, – Я – моралистка?!? Ну, знаешь, обо мне всякое говорили, но такое – никогда! Я тебе сейчас покажу, какая я моралистка! – и с этими словами Женька решительно вскочила с дивана и пошла к двери.

– Ты куда? – вскочил вслед за ней Глеб.

– Пойду, прогуляюсь по твоему офису – «высоко мораль-

но и глубоко нравственно!»! – передразнила она его.

– Женька, стой! В таком виде! Ты же практически голая!

И Глеб торопливо начал натягивать брюки, чтобы догнать и остановить расшалившуюся тигрицу.

– Постой! – обернулась она, уже взявшись за ручку двери, – Как ты меня назвал? Женька? Женька?!? Так вот в чём дело!

И расхохоталась.

– Вот откуда взялась «зануда»! Ты с Женькой знаком! Вот, уж, кто из нас моралистка, так это она! Она – моё альтер эго⁷! Правильное, скучное, неинтересное! Фу-у-у! Да не смотри ты на меня так, я не сумасшедшая с раздвоением личности. Я – Екатерина, а Женька – моя сестра-близнец.

Пока Глеб переваривал услышанное и приходил в себя, Екатерина забросала его вопросами:

– Ты с ней спал? Как она в постели? Ничего? Повысила квалификацию? А ты где с ней познакомился? В Кургане?! Вот это финт ушами! Не знала, что она в Курган перебралась! Мы с ней уже два года не общаемся. Были обстоятельства.

Какие – Екатерина рассказать не захотела. Больше спрашивала сама, чем говорила о себе, и не успокоилась, пока не услышала в подробностях все три эпизода коротких встреч Глеба и Женьки. До слёз хохотала над лекцией о морали и нравственности, которую сестра прочитала Глебу в машине, и над тем, как они с ней поговорили сегодня по те-

лефону. Заскучала, когда он начал воздавать должное той помощи, которую Женька оказала с Анютой.

⁴ – один из медленных темпов исполнения музыкального произведения, по темпу располагается в середине между адажио и модерато.

⁵ – музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

⁶ – заключительная часть крупного музыкального произведения, которая является выводом, развязкой и обобщением тем, развитых в предыдущих частях.

⁷ – реальная или придуманная альтернативная личность человека или даже одна из множества личностей, появившихся в результате психического расстройства. Выражение *alter ego* стало распространённым благодаря обычаю, принятому в некоторых государствах Европы в прошлом: когда король передавал всю свою власть какому-нибудь наместнику, он награждал его званием «королевского второго я» – «альтер эго регис».

8

Женька позвонила Антонине Алексеевне и, как обычно, поинтересовалась как дела...

...Они не были закадычными подругами, да это и невоз-

можно было хотя бы в силу разницы в возрасте. Просто добрые соседи. Антонина Алексеевна сама пришла знакомиться с новыми квартирантами. Для неё, конечно, было существенно, кто очередной раз будет жить на одной с ней лестничной площадке.

Женщины друг другу понравились. Антонина Алексеевна сразу прониклась сочувствием и уважением к молодой женщине, поднимающей в одиночку сына-инвалида, и очень помогла Женьке с поисками работы, тем более что общих точек соприкосновения у них оказалось достаточно. Обе были полиглотами (Антонина Алексеевна – английский, французский, немецкий, испанский, итальянский; Женька – английский, французский, испанский). Обе любители изящной словесности от Шекспира, Байрона и Тургенева до Дины Рубиной и Евгения Водолазкина. Обе предпочитали театр кинотеатру и классическую музыку попсе.

Учеников, желающих обучиться иностранным языкам (больше их родителями, чем им самими), но не подходящим по каким-либо условиям, перекидывали в первую очередь друг другу. Так что когда у Женьки не срослось с Глебом Николаевичем и Анютой, она сразу подумала об Антонине Алексеевне. Для той этот вариант был идеальным.

Антонина Алексеевна была фанаткой дачной жизни (здесь их с Женькой вкусы расходились), но дачи у неё отродясь не было. В молодости не было средств на её приобретение, а к старости, когда, благодаря сыну, финансовые про-

блемы исчезли, уже не было сил заниматься этим одной, поскольку единственный сын перебрался с семьёй на постоянное проживание в Канаду. Переезжать в чужую страну Антонина Алексеевна наотрез отказалась и, таким образом, осталась в отдельной квартире в одиночестве. Не только без любимого сына, но и без обожаемой внучки. А у Глеба Николаевича Антонине Алексеевне открылась возможность не только осуществить свою давнюю мечту о проживании за городом, но и повозиться с Анютой, которая была почти такого же возраста как её внучка Лерочка. А Женька была рада отплатить, наконец, добром за добро, поскольку «перекидывание» учеников, в основном, происходило от Антонины Алексеевны к Женьке, а не наоборот.

...Антонина Алексеевна похвасталась успехами Анюты не только в освоении иностранных языков (французского и испанского), но и в преодолении кризиса трёхлетнего возраста. Словоохотливо рассказала о прекрасных цветниках, «шефство» над которыми она сразу же взяла в свои руки, к недовольству, впрочем, кратковременному, садовника. А, поскольку, любые цветы это явление красивое, но недолговечное – каждую неделю что-то отцветает, что-то распускается, что-то пересаживается, то за месяц, который прошёл с их последнего разговора, новостей здесь накопилось море. Были новости и о хозяине – Глебе Николаевиче. Таинственно понизив голос, Антонина Алексеевна сообщила Же-

не, что хозяин, кажется, влюбился. Во всяком случае, после возвращения две недели назад с празднования юбилея каких-то своих друзей, его как подменили. У него постоянно радостно-возбуждённое настроение, глаза горят, и песни какие-то под нос мычит.

Женька сложила в уме полученные сведения с его звонком и голосом, полным нежности, и утвердилась в выводе Антонины Алексеевны – Глеб Николаевич влюбился. В кого-то, кого встретил у друзей. В кого-то очень похожего на неё, Женьку (не в неё же саму, вдруг, на расстоянии по времени и в пространстве). А, в совокупности, с его словами о представлении другим именем и сексуальными играми, сделала собственный вывод – Катерина! Глеб Николаевич познакомился с Катериной, Женькиной сестрой-близняшкой, и принял её за Евгению. Кстати, это вполне было в Катькином духе – выдавать себя за другую. А, уж, в сексуальных играх она вообще была профи, в отличие от Женьки. Как там высказался Глеб Николаевич? «Синий чулок», кажется? Женька таковой себя не считала, но, с точки зрения абсолютно свободной от моральных ограничений Катерины и человека, без тени смущения предлагавшего секс на постоянной основе впервые встреченной женщине, именно им, этим синим чулком с их точки зрения и была.

Неужели Катерина вернулась в Россию? И напрасны были все те слёзы, которые пролила Женька, когда Катерина пропала? Сестра просто кинула их с Яриком, решив исчез-

нуть! Были, были у Женьки такие подозрения, но она неизменно ругала себя за подобные мысли и упорно продолжала искать сестру. Куда только не ходила, куда только не звонила! Сначала оборвала телефон Стивену, мужу Катерины, пока тот, сбросив с себя всю свою английскую чопорность и знаменитую выдержку жителей туманного Альбиона, высказал русским матом всё, что он думает о всех русских б... в общем и о Катерине в частности. Потом Женька напала на след Катерины в одном из отелей. Вполне приличном, кстати, а не подпольном публичном доме, как поначалу подумала Женька. Администратор очень вежливо подтвердил, что гражданка России «Кэтрин Исмаилова», так произнеся на английский манер «Екатерина Измайлова», у них проживает, и твёрдо пообещал передать ей просьбу выйти на связь с сестрой из «Пенс». Стоически прождав трое суток и не получив никакого звонка, Женька позвонила в отель сама. Другой администратор, но таким же вежливым голосом сообщил, что Кэтрин Исмаилова, к их сожалению, больше у них не проживает, и твёрдо уверил, что записка с просьбой позвонить сестре из Пенс ей была передана в тот же день.

Женька бомбардировала Катерину и звонками по телефону, и смс, и письмами на электронную почту, и сообщениями по всем известным ей страничкам сестры в соцсетях. Всё без толку! Женька даже до Посольства России в Лондоне дошла. Оттуда ей прислали официальную бумагу, где равнодушно-казённым языком сообщили, что в компетен-

цию Посольства не входят поиски пропавших за границей совершеннолетних граждан Российской Федерации, но, если у гражданки Екатерины Алексеевны Измайловой возникнут вопросы с визой, проблемы с полицией или с ней произойдёт несчастный случай вплоть до летального исхода, и Посольство РФ в Великобритании будет об этом оповещено, то они обязательно передадут эту информацию ей, как ближайшей родственнице. На этом Женьке пришлось успокоиться. Она убедила себя, что раз ей ничего такого не сообщают, особенно о летальном исходе, то, значит, с Катериной всё в порядке, она живёт в своё удовольствие. А ей, Женьке, надо думать о Ярике, жить дальше и уже ни на кого в этой жизни не рассчитывать, только на саму себя.

Но это отнюдь не означало, что она вычеркнула Катерину из своего сердца. Может, она тоже их с Яриком искала? Чуть позже, когда смогла. Разные ведь бывают обстоятельства? А Женька уже к тому времени перебралась в Курган, вот у Кати ничего и не вышло. И Женька позвонила Глебу Николаевичу, вернув его номер телефона из чёрного списка:

– Глеб Николаевич, здравствуйте! Это Евгения Измайлова Вас беспокоит.

– Я Вас узнал, – вполне дружелюбно ответили на том конце провода.

– Глеб Николаевич, Вы же знакомы с моей сестрой Катериной, – полувопросительно, полуутвердительно сказала Женя.

– Да, – не стал он отрицать.

– У меня к Вам просьба – дайте мне, пожалуйста, её телефон, – попросила Женя и, почувствовав некое напряжение своего собеседника, поспешила объяснить, – Мы с Катей потеряли друг друга из вида несколько лет назад.

Глеб не собирался влезать во взаимоотношения сестёр. Он был счастлив с Екатериной и не хотел, чтобы какие-то проблемы из прошлого, да и вообще любая реальность вмешивалась в эту идиллию только для них двоих, в их любовный угар, который длился и длился. Тем более что Кате явно не хотелось говорить о своей семье. Она ни разу прямо не ответила ни на один его вопрос на эту тему, хотя ему, как любому любящему человеку хотелось знать о своей любимой всё. Видимо, эта тема доставляла Екатерине боль. А он отнюдь не желал делать ей больно. Потом, когда-нибудь, когда они не только фактически, но и официально будут вместе, она, конечно, расскажет ему всё, поделится с ним, как с самым близким человеком, но сейчас было ещё слишком рано.

– Я не могу этого сделать, – ответил Глеб Николаевич холодно, стараясь тоном сразу показать бесперспективность дальнейших просьб, – Для этого нужно разрешение Екатерины.

– Хорошо, тогда Вы можете ей дать мой телефон? – терпеливо продолжила Женя.

– Екатерина знает, что мы с Вами знакомы. Если бы она хотела увидеться с Вами, уже давно узнала Ваш номер у ме-

ня, – жёстко ответил Глеб Николаевич.

– Послушайте, – задохнулась от обиды Женя, но возразить на его аргументы было нечем, – Ладно, – собралась она с мыслями, – тогда передайте ей, что Ярик здесь, в Кургане, может, хоть с ним она захочет увидеться. Я мешать не буду.

И повесила трубку.

Глеб остался в недоумении – что это ещё за Ярик?

Вопрос о Ярике вызвал неожиданно острую реакцию Кати. Она заплакала, заистерила. Глеб долго её успокаивал, гладя по волосам, прижимая её мелко вздрагивающее тело к себе, целуя солёные от слёз щёки и глаза. И не было в этом никакого сексуального подтекста, лишь забота и переживание муки любимой, как своей.

Катя уже давно заснула, выговорившись и выплакавшись, а Глеб всё лежал без сна и обдумывал то, что удалось понять из отрывочных Катиных слов. Получалось, что три года назад Женька с Яриком попали в страшную автомобильную аварию. Ярик – это сокращённое от Ярослава. И он их сын. Так не бывает, конечно, но чей он – Женьки или Кати, Глеб так и не понял, потому что Катя постоянно сбивалась, и можно было понять и так и этак, а выпрашивать у неё Глеб не стал. Для него это не имело никакого значения. Если Кати – то прекрасно, значит, у него появится готовый сын, а у Анюты старший брат. Если Евгении – то всё равно родственник, почти.

В аварии пострадал только Ярик, во всяком случае, ни о каких Женькиных проблемах Катя не упоминала. Чтобы его вылечить, нужна огромная сумма денег, которых у сестёр не было и нет. Чтобы как-то выйти из тупика, Женька настояла на том, чтобы Катя нашла богатого мужа за границей. Почему именно Катя, а не сама Женька, и так было понятно – какая из неё соблазнительница? Весь шарм, красота, обаяние, притягательность из двоих сестёр-близняшек достались Кате, Женька была просто её бледной копией, как если делать на ксероксе копию с копии. Почему именно за границей, а не на родине было не очень понятно. И уж совсем непонятно, почему ситуацией рулила Женька, если она косвенно была виновата в аварии, что вытекало из невнятных Катиных намёков.

Так или иначе, замужество состоялось. Кате даже удалось выслать оставшимся в Москве Женьке и Ярику деньги. Но вскоре муж об этом узнал и запретил. Мало того, жестоко избил Катю. Пришлось ей спастись от него бегством. А Женька ей всё названивала, выискивала, требовала деньги, деньги, деньги. Грозила, что не позволит видеться с Яриком.

Ну, деньги это не проблема, деньги он даст. Не заоблачные же суммы, порядка ста пятидесяти миллионов рублей, как при некоторых генетических заболеваниях, могут потребоваться на реабилитацию после аварии? А что касается «видеться» или «не видеться» с мальчиком – пусть только Евгения попробует тут ещё покомандовать. Как она сказала в

конце разговора? «Я мешать не буду»? Только попробуй!

9

Чтобы выяснить, какая сумма требуется на лечение Ярика, и попутно прояснить некоторые неясные моменты, Глеб Николаевич напрямик отправился к Жене, решив больше не поднимать мучительную для Кати тему, не замечая, как встречается между сёстрами, чего раньше делать категорически не хотел.

Если Женька и удивилась приходу Глеба Николаевича, то виду не подала. На вопросы отвечала прямо, но кратко. Как будто боялась сказать лишнее. Когда рассказывала об аварии, в результате которой покалечился Ярик, сказала «они», и Глеб, воспользовавшись её оговоркой, прямо спросил:

– Кто «они»?

– Катя и Ярик, – ответила без запинки.

Про обстоятельства аварии говорить ничего не стала, сославшись на то, что доподлинно ничего не знает, поскольку работала и жила тогда в другом городе. Но Глеб почувал за её словами скрытый страх, особенно когда предложил свою помощь в наказании виновных «по всей строгости Закона», от чего она категорически отказалась.

(Женьке было чего страшиться – Катя была за рулём машины с купленными водительскими правами, 4-х летний Ярик сидел рядом с ней на переднем кресле, хоть и пристёг-

нутый ремнями безопасности, но без детского сиденья, всё это в совокупности с неоказанием сыну своевременной медицинской помощи, грозило Кате несколькими годами тюрьмы и лишением родительских прав. Бог знает, как Глеб Николаевич воспользуется этой информацией, если узнает всё до конца!)

На вопрос – «кто мать Ярика?», ответ тоже прозвучал быстро, но с некоторой долей удивления – «Катя».

После такого ответа выпытывать детали трёхлетнего прошлого Глебу стало не интересно – для сына любимой он делает всё, что есть в человеческих силах и нечеловеческих тоже. И он деловито спросил:

– Сколько нужно, чтобы вылечить мальчика?

– Около полумиллиона в дооперационный период и от миллиона в послеоперационный. Точнее не знаю. И врачи сказать пока не могут.

– Это в евро или в долларах? – уточнил Глеб, уже прикидывая, как ему вынуть нужную сумму из оборота.

– Да нет, конечно! Дог с Вами! В рублях!

– В рублях?! – протянул Глеб, удивляясь ничтожности суммы.

– У меня триста тысяч уже накоплено, – поспешила уверить его Женька.

– Побереги себе на булавки, – усмехнулся Глеб, – Это всё или что-то ещё нужно, кроме денег?

Женька замялась, но потом добавила:

– Было бы здорово, продвинуть очередь Ярика на операцию как можно больше вперёд.

– Да не вопрос, сделаю!

И Глеб Николаевич ушёл. А Женька обессилено бухнулась на диван переваривать этот неожиданный разговор.

Катерина ведь не позвонила даже после слов о Ярике. И Женька, обычно быстро прощаящая сестре все обиды, которые та ей приносила, такое равнодушие к собственному сыну, простить не могла. Все аргументы, оправдывавшие исчезновение Катерины из их с Яриком жизни, кончились. «Всё! Нет у меня больше сестры! – решила Женька, – А Ярика усыновлю! И сама вылечу!» И тут является Глеб Николаевич. И опять в душе Жени всё переворачивается. То ли с ног на голову, то ли с головы на ноги – уже и не поймёшь! Сколько уже было этих кульбитов? Не сосчитать!

И надежда на щедрого и доброго спонсора тоже уже была. Нет-нет! Не на многочисленные фонды, помогающие больным детям. Те прямо сказали – мы помогаем безнадёжно больным детям. А жизни вашему ничего не угрожает. Ну, и что, что инвалид? Жить-то будет! Вот и радуйтесь! У вас речь идёт о *качестве* жизни, а у наших каждый час *жизни* на счету. Да и сумма не запредельная. Да, не запредельная! Только где её взять, если и такой нет?

Женькиных денег, вырученных за продажу её маленькой квартирке под Питером, едва хватило на первый этап лечения Ярика. А в основном они ушли на взятки, чтобы закрыть

дело об аварии, которую спровоцировала Екатерина. И это счастье, что в столкнувшейся с её Ауди (подарок последнего бой-френда) машине никто серьёзно не пострадал. Катерина, до обморока боявшаяся последствий, пошла на все финансовые условия пострадавшей стороны, занималась только собой, не обращая внимания на жалобы сына на боль. Отмахивалась от него: «Поболит – перестанет! Терпи, ты ж мужик!» И четырёхлетний Ярик терпел. И только когда не смог подняться с кровати даже через месяц после аварии, Катерина в панике позвонила Женьке, испугавшись не за сына, а опять за себя, любимую. У неё крепко в памяти застряли слова следователя, что не отделайся пострадавшие только ссадинами, попади они в больницу с травмами или увечьями, – сидеть ей в тюрьме реальный срок.

Женька, бросив всё, прилетела в Москву. Родителей, по-прежнему живущих в Пензе, попросила узнать всё что можно о своих и Катькиных одноклассниках – кто где живёт, кто кем работает. Кое с кем из общего с Катькой класса и из своего выпускного созвонилась сама (в отличие от Екатерины, она со многими поддерживала отношения до сих пор). Перешерстив всю добытую совместными усилиями информацию, Женька нашла-таки среди одноклассников тех, кто помог неофициально продиагностировать Ярика и проконсультить по поводу аварии. Катерина и сама это могла сделать, если бы включила голову, но, как всегда, предпочитала решать свои проблемы чужими руками. И в первую очередь,

за счёт Женьки. Господи, да это началось ещё в утробе матери!..

...Первое УЗИ маме сделали, как и положено, в 16 недель (в смысле выполнения всех правил Женька явно пошла в маму). Сразу поставили диагноз, правда, под вопросом – синдром плацентарной трансфузии. Это когда два близнеца имеют общую плаценту, только один – донор, получает артериальную кровь из своей собственной части плаценты, а отток крови происходит в вены части плаценты, принадлежащей другому близнецу – реципиенту. В результате, близнецы значительно отличаются размерами и массой, уровнем содержания гемоглобина. У близнеца-донора возникают анемия⁸, гипотрофия⁹. У близнеца-реципиента – гиперволеми¹⁰, полицитемия¹¹ и ещё куча всякого с труднопроизносимыми названиями, о чём в их с сестрой случае говорить необязательно, поскольку у Кати, к удивлению врачей, ничего такого не было. Вполне себе рос здоровый близнец-реципиент, в отличие от Жени – близнеца-донора, у которой все «-мии» и «-фии» присутствовали, естественно, в совокупности с меньшими размерами и массой, что на втором УЗИ через две недели стало ясно уже без вопросов.

Перед мамой не стоял вопрос – от кого из близнецов избавляться? Как ни пугали её врачи, что оба ребёнка могут родиться с генетическими отклонениями, она потребовала сохранить жизнь обоим. Встал вопрос о хирургическом вме-

шательстве. Маме предложили амниодренаж, стандартная на тот момент в таких случаях операция – откачивание вод из полости матки для снижения нагрузки на реципиента, что никак не влияет на выживаемость ребёнка-донора. Риск потери обоих близнецов – 60%, а при благополучных родах – риск развития ДЦП. Но мама выбрала экспериментальный метод – фетоскопическая коагуляция анастомозов, то есть избавление от патологических сосудистых соединений, благодаря которым реципиент подпитывается донором. И тем спасла Женьке жизнь.

Как показали последующие УЗИ, Катя всё равно опережала в развитии Женю, но и та оставалась вполне жизнеспособным внутриутробным ребёнком. Каткино доминирование продолжилось и после рождения. Какую бы грудь и в какой последовательности мама не давала бы девочкам, Катя всегда высасывала больше, чем Женя. В детском саду всё крутилось вокруг Кати, а Женя тихо играла в уголочке, о ней вспоминали только когда надо было выдавать обеих девочек маме или папе.

В школе Катька училась легко, играючи. Без напряжения запоминала страницы учебников слово в слово с одного прочтения. И также быстро, как заучивала наизусть, и забывала. А зачем помнить? Ведь отличная оценка уже получена. Надо будет – прочту ещё раз. Женька училась тяжело. Много раз вчитывалась в строчки, докапываясь до сути. Отличницей не была, но, зато, то, уж, что поняла, запоминала на-

долго. В остальном всё было также как и в детском саду – Катя сияла, а Женька растворялась в её лучах, была почти не видимой.

В четвёртом классе Женька прочла повесть Гайдара «Тимур и его команда» и взбунтовалась. Героиня повести Женя тоже чувствовала себя под пятой старшей сестры Ольги, но при этом оставалась активной, в чём-то даже дерзкой, смелой девочкой. Женька вдруг почувствовала в себе силы стать такой же. Она твердо заявила, что не хочет больше учиться с Катериной не то что в одном классе, но даже в одной школе. Родители были шокированы резкой переменой в поведении такой всегда тихой и покладистой Жени. А Катерина заявила, что она, Женька, и недели не продержится без её поддержки, скатится на двойки и её отчислят.

Но ничего подобного не случилось! В следующем учебном году Женька пошла в новую школу и расцвела, у неё как будто крылья за спиной расправились, даже дышать стало легче. В новом классе она была просто Женей Измайловой, сама собой, а не сестрой Екатерины Измайловой. Никто их между собой не сравнивал. Господи, у Женьки даже с физкультурой дела наладились! Она освоила прыжки в высоту и через козла, с трудом, но залезала на канат, всё то, что в её исполнении вызывало гомерический хохот её бывших одноклассников во главе с Катериной. В пятом классе началось много новых предметов, в том числе иностранный язык. И вот здесь у Жени обнаружился талант, ни капельки не мень-

ший, чем у Кати. Ей с лёгкостью давался английский язык, хотя остальные предметы приходилось всё также с трудом пробивать лбом.

Она много читала. Многое из того, что по возрасту ещё было рано. «Кармен» Мериме, например, «Дама с камелиями» Дюма, «Дон Кихот» Сервантеса, «История кавалера де Гриё и Манон Леско» Прево. Захотелось перечитать эти великие произведения на их родном языке. Сравнить перевод на русский с испанским и французским. После английского языка изучить французский оказалось совсем не трудно. Испанский дался Женьке с большим трудом. Но к концу школы она уже бегло говорила и читала на трёх языках и решила сделать их своей профессией, поступив в Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена в Санкт-Петербурге. И поступила! В отличие от Кати, которая отправилась покорять Москву, как и многие смазливые провинциалочки мечтая о карьере актрисы или модели, и с треском провалилась. Но за столицу каким-то образом смогла зацепиться.

Женька уехала в Питер, чтобы быть подальше от Кати, которая доставала её даже учась в разных школах. Катерина всюю крутила романы с мальчиками и повадилась, попадая иногда в щекотливые ситуации с несколькими ухажёрами одновременно, прикидываться Женькой, не раз ставя сестру в неловкое положение. Кроме того, РГПУ славился своим сильным педагогическим составом и приверженностью

традициям крепкой советской школы педагогики. А Женька мечтала стать учителем. Ну, и сам Питер, конечно! Это же культурная столица России. Именно там, в Михайловском и Мариинском театрах она увидела и услышала свои любимые произведения в виде балетов и опер: опера Бизе «Кармен», балет «Дон Кихот» Минкуса, опера «Травиата» Пуччини по «Даме с камелиями» Дюма, опера «Манон» Массне. Там, в Питере, началась её любовь к классике.

Стать учителем Женьке не довелось, но ей посчастливилось соединить в своей профессии две её страсти – языки и литературу. Женьку пригласили стать переводчиком в молодом издательстве Вита Нова, которое специализируется на выпуске малотиражных коллекционных изданий художественной литературы, поэзии, биографических и литературоведческих книг. Зарплата позволила Женьке купить небольшую однокомнатную квартиру под Питером и за пять лет расплатиться за ипотеку. Она была счастлива в своем маленьком мирке среди книг любимых авторов и музыки любимых композиторов. Пока звонок Катерины безжалостно не выдернул её оттуда...

...Консультация Кости Корчагина, бывшего троечника из Женькиного класса, а сейчас ведущего специалиста Городской клинической детской больницы им. братьев Бахрушиных, дала неутешительный прогноз о состоянии здоровья Ярика. Длительное неоказание ему медицинской помощи

привело к тому, что его переломанные кости срослись не правильно. Ходить при таком раскладе он не сможет. Единственным вариантом было переломать всё снова, сложить правильно и надеяться на чудо. Чудо с большей вероятностью может произойти, если всё это – и операции (минимум две, но, скорее, больше), и последующая реабилитация будут проходить в Национальном медицинском исследовательском центре травматологии и ортопедии им. академика Г.А.Илизарова в Кургане. А пока Ярик туда сможет попасть, ему жизненно необходимы курсы предоперационной подготовки. Проще говоря, необходимо поддерживать мышечный тонус его ног, чтобы избежать атрофии нервных окончаний. В противном случае, Ярику уже никто и ничто не поможет, и тогда ему светит только ампутация обеих ног. И это абсолютно здоровому мальчишке 4-х лет! Просто оставленному без помощи бестолковой матерью.

Господи, как Женька была зла на Катьку! Впервые в жизни орала на неё и даже была готова убить. От собственно-го бессилия, конечно. Если бы смерть сестры могла что-то изменить... А потом и её стало жалко. Ведь ей грозил реальный срок, всплыви в результатах дела об аварии покалеченный Ярик, которому она, к тому же, не оказала своевременную медицинскую помощь. Статья Уголовного Кодекса № 125 как будто специально была написана под Катькину ситуацию. Уголовная ответственность наступает по ней, если а) виновный имел возможность оказать помощь лицу, на-

ходящемуся в опасном для жизни состоянии, и б) был обязан иметь о нем заботу, либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние. И наказание по этой статье было вплоть до лишения свободы на срок до одного года. А в совокупности со статьёй о причинении материального и морального ущерба в результате ДТП, неправомерного использования транспортного средства в отсутствие водительских прав и пренебрежением правилами перевозки детей Каткины перспективы были ещё хуже. Всё это ей поведал Сашка Морозов, Каткин одноклассник, отчаянно влюблённый в неприступную красавицу с первого класса, которая не только не отвечала ему взаимностью, но и не однократно третировала и насмехалась над ним – белобрысым неуклюжим увальнем, превратившимся во вполне импозантного мужчину и успешного адвоката (с его слов). Женька подозревала, что за его консультацию Катерина заплатила не только лучезарным «Спасибо», но и ночью, проведённой в его постели, поскольку сестра вернулась утром, с чёрными кругами под глазами и синяками от засосов на шее, но Женьку больше волновал Ярик, чем Катка. Катерина – она уже взрослая и даже не первой свежести по нынешним меркам женщина, которая должна была в свои годы усвоить урок, что за всё в этой жизни надо платить. А вот Ярику-то за что судьба предъявила такой счёт? И Женька рванула в Питер, уволилась с любимой работы, срочно продала квартиру и вернулась в Москву разгребать ситуацию и с Яриком, и с Кате-

риной, ни на миг не задумавшись о том, что она не обязана платить по чужим счетам.

Деньги за питерскую квартиру быстро таяли, ребром стоял вопрос – где их взять? Женька устроилась работать в школу и активно искала подработку в виде индивидуальных учеников. Этого едва хватало на жизнь и процедуры Ярика. Накопление ему на операции шло со скрипом, практически балансируя на нуле.

Катерина была в поиске богатого спонсора-мужа, считая, что их проблемы (подразумевая под «их» сына и сестру) нужно и можно решить только таким радикальным способом. А пока таковой не находился, вынуждена была удовлетворять сексуальные потребности Сашки Морозова, который крепко держал её за горло, шантажируя в любой момент сдать полиции. И в этом капкане ожидаемо обвинялась, конечно же, Женька.

Но однажды, примерно через полгода после переезда Женьки в Москву, Катерина прилетела домой с горящими от азарта глазами и с порога заявила, что она точно знает, что надо делать – подать заявления на сайты знакомств с иностранцами! Они и богатые, и надуть их как нечего делать, и свинтить из России подальше от наших правоохранительных органов и секс-маньяка Сашки Морозова – решение целой кучи проблем одним махом!

Женька скептически отнеслась к Катькиной идее, но отговаривать не стала – во-первых, бесполезно, а, во-вто-

рых, вдруг получится? Катерина уже обзавелась несколькими проверенными адресами нужных сайтов и рьяно взялась за дело. Как ни странно, уже через полгода Катька отбыла к Стивену Эриксону в Лондон с заездом в Бельгию, где им должны были оформить брак в течение трёх дней.

Женька с облегчением выдохнула. Во-первых, не надо было уже беспокоиться за свободу сестры, во-вторых, существенно сократились их бытовые траты, что позволяло больше денег откладывать на лечение Ярика. А через 3 месяца Катерина прислала первые деньги – 100 евро. Не фонтан, конечно, но лиха беда начало!

Начало оказалось и концом, поскольку не было больше не только денежных поступлений, но и сама Катерина пропала. Побившись головой об стену в её поисках, Женька поняла, что дальше надо справляться одной. Она выяснила досконально все условия определения Ярика в клинику Илизарова и приняла решение о переезде в Курган. Нашла там съёмное жильё, за которое надо было платить на порядок меньшую сумму, чем в Москве, и они с Яриком переехали. В Кургане они спокойно жили целых 2 года, пока на их головы не свалились одновременно и Катерина, и Глеб Николаевич Шестопапов.

Глебу нравились ситуации, когда отдельные кусочки складываются как пазлы в стройную картину. Тогда сразу вырисовываются методы и пути решения проблемы.

Из разговоров с обеими сёстрами он сделал несколько выводов: Ярик, Ярослав был сыном Екатерины и, следовательно, он однозначно поможет ему с лечением. Что касается аварии, то здесь Женька ему наврала с три короба – и то, что в машине были только Екатерина и Ярик, и то, что её в городе в этот момент не было. Об этом свидетельствовал явный страх в её глазах и спутанная речь, хотя об остальном она говорила прямо и чётко. А вот Екатерина поступила благородно, выгораживая сестру, лишь намёком давая понять, что виновата в аварии Женька (скорее всего, именно она сидела за рулём). Именно поэтому, чувствуя свою вину, она так рьяно пытается исправить содеянное.

Глеб ещё больше, если это вообще было возможно, влюбился в Катеньку. Помимо умопомрачительной внешности эта удивительная женщина обладала горячо любящим сердцем, материнской стойкостью и благородством души. Не каждая мать, чтобы спасти своего ребёнка, согласится на многолетнюю разлуку с ним! Не каждая женщина ради сына готова пожертвовать женским счастьем, согласившись выйти замуж за нелюбимого! Не каждый человек готов простить и защищать своего родственника до последнего!

А ещё его потрясла схожесть жизненных ситуаций, его и Екатерины – автомобильная авария, у него унёсшая жизнь жены, но, слава богу, никак не отразившаяся на здоровье дочери. У неё – искалечившая сына, но, слава богу, её не затронувшая.

⁸ – ухудшение снабжения тканей кислородом

⁹ – замедление темпов физического роста плода

¹⁰ – увеличение общего объёма крови вследствие возрастания её жидкой части

¹¹ – увеличение содержания эритроцитов (красных кровяных телец) в крови.

10

Женька не могла найти себе места от беспокойства на уровне тревоги. Казалось бы, всё хорошо, Ярик уже в клинике Илизарова, готовится к первой операции (их, действительно, как и предполагал Костя, будет несколько, и сколько, врачам пока было неизвестно). Сегодня день свадьбы Кати и Глеба Николаевича, после которой Женька станет свободной и сможет вернуться в любимый Питер. Она уже даже созвонилась с главным редактором «Вита Нова» Вадимом Артайским, и тот с радостью пообещал взять её на работу обратно. Крыши, правда, над головой не было, но квартира – это ничего, дело наживное, тем более что накопленных на лечение Ярика триста тысяч Глеб Николаевич не взял.

За сестру, которая, кажется, взялась за ум, Женька радовалась. Предстоящее расставание с Яриком отдавалось болью в сердце. И оно же пело от счастья, что лечение маль-

чика вышло на финишную прямую, пусть очень долгую прямую, но со светом в конце тоннеля. С таким коктейлем эмоций в душе Женька жила уже целый месяц, сразу после того как Катя и Глеб Николаевич объявили о своём решении пожениться. К нему Женька уже притерпелась. Так что же её сегодня так крутит? И Женька решила поехать к Кате не к оговоренному времени, а пораньше.

Катя настояла на соблюдении традиций и провела ночь перед свадьбой отдельно от жениха¹². Смешно, ей богу, после месяцев совместной жизни как муж и жена, соблюдать подобный анахронизм, но Глеб Николаевич спорить не стал и снял для невесты самый шикарный номер в самом дорогом отеле Кургана Avenue Park Hotel. Не 5*, конечно, но, уж, что есть в наличии. Женька должна была подъехать туда к 15-ти часам, чтобы до вечерней церемонии бракосочетания помочь Кате одеться и пройти вместе косметолога и парикмахера.

В отель Женьку пропустили без звука, даже паспорт не спросили. Портье выдал ключи от номера и улыбнулся широкой заученной улыбкой обслуживающего персонала. Кати в номере не было. В другое время Женька бы просто уселась в кресло и подождала, когда сестра вернётся (мало ли какие дела, может у неё маникюр испортился, и она поскакала его исправлять). Но в сочетании с мучившей её тревогой и запиской, адресованной Глебу, лежащей на столе, что показалось Женьке очень странным, она не утерпела и позвонила

Кате:

– Кать, привет! Ты где? Скоро вернёшься?

– А ты где?

– В твоём номере.

– А-а-а! – почему-то насмешливо протянула Катя, – А записку Глебу ты, что же, не прочла?

– Я чужие письма не читаю, – холодно ответила Женька.

– Господи, какие мы правильные, аж, тошно! Записка моя, так что я тебе разрешаю!

Женька развернула согнутый пополам листок и прочла: «Видимо, я не создана для семьи. Я поняла это сегодня ночью. Моя свобода дороже. Прощай! Не поминай лихом. Екатерина»

– Катька! Что ты творишь! – заорала на сестру Женька, – Как ты так можешь поступать с человеком, который так тебя любит? Который так много для тебя сделал? А Ярик? Как же Ярик?

– А что Ярик? Он в больнице, лечение оплачено. Всё как ты хотела.

– Я??? Я хотела??? А ты? Ты не хотела? Ты же мать, в конце концов!

– Слушай, отвянь! Ну, какая из меня мать? Это ты у нас клуша-наседка. И вообще, хватит читать мне мораль!

– А как же Глеб Николаевич?

– Ты, что, действительно, думала, что я выйду замуж за этого зануду? – рассмеялась Катька, – За этого князька мест-

ного разлива? И останусь в этом захоластном городишке? Да ещё и повешу себе на шею его капризную девчонку? Ну, ты, сеструха, ещё большая дура, чем я о тебе думала! Слушай! – продолжала веселиться Катька, – А возьми его себе! Дарю без-возд-мезд-но. Зануда и моралистка – прекрасная пара! Дорожку я тебе уже проложила! Он, кстати, в постели вполне себе ничего. Я была довольна. А тебе уже и подавно понравится.

– Катька, кончай нести ерунду! Ты где? Давай я приеду, и мы спокойно поговорим?

– Не-а! – опять рассмеялась Екатерина, – Не догоните! Фиг вам! Шум слышишь? Это, сеструха, Москва. Птичка вылетела на свободу. Чао, бамбино, сорри! – почти пропела под конец Катька и отключилась.

И сколько потом Женька ни набирала её номер – не отвечала.

Женька какое-то время просидела в кресле – разбитая и подавленная. Тревожные мысли проносились в её голове. Ни одна не задерживалась. Ни одна не доходила до стройного логического завершения. Катька умотала, свалив, как всегда, гору проблем на плечи сестры, а та не знала, как ей выбраться из этой кучи дерьма. И почему-то чувствовала себя ужасно виноватой перед Глебом Николаевичем. Хотя, она-то тут причем? Очень хотелось убежать как можно дальше и забиться в какой-нибудь безопасный уголок. Но чтобы это решило? И Женька позвонила отвергнутому жениху и выпа-

лила одним духом:

– Глеб Николаевич! Это Женя. Катерина уехала.

– Куда уехала? Уже в ЗАГС? – не понял Глеб.

– Нет, она из города уехала, а, может быть, и из страны.

– Глупые у тебя шутки. Не морочь мне голову. Дел невпроворот.

– Приезжайте в отель, она Вам записку оставила. Сами всё поймёте.

Глеб долго вчитывался в сухие строчки Катиной записки и не мог соотнести свою нежную возлюбленную, с которой ворковал всего несколько часов назад, буквально сегодня утром, с бредом, написанным её рукой. Всё, что угодно приходило на ум – её заставили (Кто? Зачем?), внезапное помутнение рассудка (А так резко бывает?), идиотский розыгрыш. И последнее казалось самым вероятным. Вот сейчас она выскочит из ванны, обнимет, жарко поцелует – «Обманули дурачка на четыре кулачка¹³!» Лукаво спросит – «Как мы тебя разыграли, а?!» и рассмеётся. Или рассердится – «И ты поверил?!?» Посмотрит строго, а в темных бездонных глазах будут прыгать чертенята – «Глупый мальчик! Плохой мальчик! Ты будешь сегодня ночью очень строго наказан!» И он будет всю свадьбу думать об этом «наказании» и ждать его...

Глеб смял в руке записку и смерчем пронёсся по всем уголкам номера. Кати нигде не было. Он достал телефон и набрал её номер. Равнодушный металлический голос сообщил стандартное – «Телефон абонента выключен или нахо-

дится вне зоны действия сети».

– Я ей звонила, она выключила телефон, – тихо произнесла Женька.

Глеб кинул на неё хмурый взгляд:

– Где она?

– Сказала, что в Москве.

Глеб набрал чей-то номер и жестко проговорил:

– Бросай всё. Собери всех. И чтоб через час у меня были сведения о покупке билетов на любой вид транспорта Измайловой Екатерины Алексеевны. Понял?

Сказал и отошёл к окну. И простоял там всё время, пока не раздался нужный ему звонок. Выслушал доклад, отреагировал резко:

– Свободен.

Не розыгрыш. Она всё-таки, действительно сбежала. Глеб развернул смятую записку и ещё раз её прочитал. Прочитал другими глазами. Как человек, которого обманули. Как человек, которого предали. Прочитал с холодным умом и железными нервами, заставив себя отбросить в сторону эмоции и не дать боли разорвать своё сердце и душу в клочья.

Понял – враньё. Всё в её записке – враньё, может, разве, кроме первого предложения. Она уехала из отеля ещё вчера вечером, практически, сразу после заселения, ни о каких мучительных размышлениях *ночью*, что не готова к семейной жизни, и речи быть не может. Когда он с ней разговаривал утром, она уже сошла с поезда в Москве. А, значит, она вра-

ла ему и во всём остальном. Ну, ничего! С ней он разберётся! Потом! И с Евгенией тоже! Раздаст, как говорится, каждой сестрице по серьгам! Вид у Женьки испуганный, но не факт, что они не в сговоре. Сестрицы-актрисули, б...!

Гнев прочистил Глебу мозги и вернул к дню сегодняшнему. Свадьба! ЗАГС уже через 4 часа, ресторан через 5. Больше двух сотен гостей. Уважаемые люди. Нужные люди. Друзья. В каком жалком виде он будет перед ними! Лучше сразу запаковать чемоданы и свалить из города. После такого здесь ему уже не жить. Но тут взгляд Глеба упал на сжавшуюся в комочек Женьку, и спасительная идея пришла ему в голову. Он широкими шагами пересёк номер, схватил белое подвенечное платье, будто в насмешку над ним аккуратно расправленное на кровати, и швырнул его Женьке. Приказал:

– Одевайся!

Женька уставилась на Глеба Николаевича ничего не понимающим взглядом, и он повторил:

– Одевайся! Сыграешь роль Екатерины!

– Глеб Николаевич, что Вы такое говорите? – прошептала обескураженная девушка.

Глеб навис над креслом Женьки и, ненавидяще глядя ей прямо в глаза, сказал:

– А вы с сестрицей решили выставить меня дураком перед всем городом?! Не выйдет! Одна сбежала, но вторая-то осталась! И только попробуй мне провалить игру! В порошок сотру! И тебя! И твою сестрицу достану, в каких бы Лондонах

она не попыталась от меня скрыться!

Больше чем, собственно говоря, сама угроза, Женьку испугала скорость, с какой Глеб Николаевич вышел на след Катьки. На самом деле, ничего удивительного в этом не было. Екатерина даже не пыталась замести следы, так была уверена, что до середины следующего дня её не хватятся, а по телефону можно было ответить из любой точки мира, не то что страны. Такси от отеля до железнодорожного вокзала Смоленска заказала через портье. Про Москву сама сказала Женьке, а та, в свою очередь, передала Глебу Николаевичу. Впрочем, её путь от Смоленска до Москвы служба безопасности отследила – как у любого крупного по местным масштабам бизнесмена, у Глеба Николаевича были налажены связи во многих сферах жизни, и, в первую очередь, на транспорте, конечно. В Москве искать беглянку было сложнее, но и с этим служба безопасности справится. Недаром же он держит в штате крутого хакера. Но чуть попозже. Так что, куда отправилась Екатерина из Москвы, Глеб доподлинно не знал. Брякнул про Лондон, поскольку из него она в Курган прилетела вместе с сэром Вандербилтом.

А Женька постаралась взять себя в руки и заговорила с Глебом Николаевичем мягким, успокаивающим тоном:

– Послушайте! Я понимаю, как подло поступила с Вами Катерина. Я понимаю, как Вам больно и обидно. Но я-то тут при чём?

– Ты? Да я уверен, что вы с ней одна шайка-лейка! Раз-

водите мужиков на деньги. Она – такая сексуальная зажига- лочка, ты этакую святошу из себя изображаешь. Ещё и паца- на-инвалида с собой таскаете, давите на сострадание. А мо- жет, вы ему сами ноги переломали?

– Господи, какие ужасные вещи Вы говорите!

– Я только говорю, а вы делаете! И, кстати, деньги на его лечение ещё не поздно отозвать. Я, пожалуй, прямо сейчас так и сделаю.

– Нет-нет! Пожалуйста! Я Вас умоляю. Он так долго му- чился, только обрёл надежду на выздоровление. Я верну Вам все Ваши деньги, не сразу, постепенно, но отдам обязательно. Клянусь!

– Конечно, отдашь! Всё до копейки! И за лечение, и за свадьбу, и за Екатерину, и за себя! Ещё и с процентами! А пока будешь делать то, что я скажу. На сколько у вас были процедуры назначены?

– На четыре.

– Так, сейчас двадцать минут четвертого. Успеешь. Оде- вайся, – приказал Глеб Николаевич и отвлёкся на звонок по телефону – Семёныч, дуй в отель Авеню парк, чтоб через десять минут был тут как штык. – Ну, ты чего стоишь стол- бом? Или мне звонить в клинику? – обратился он к переми- нающейся с ноги на ногу Жене, которая нервно комкала в руках Катькино подвенечное платье.

– Даже если меня примут за Катерину, как Вы объясните отсутствие меня на свадьбе? Я ведь свидетельница.

– Хороший вопрос, – протянул задумчиво Глеб и после паузы добавил, – Скажем, так: у Ярика осложнения и ты вынуждена была поехать к нему.

– А куда я исчезну после свадьбы?

– Отправишься к родителям в Пензу, или... ты, кажется, в Питере раньше жила? Ну, чего ждём? Одевайся!

– Отвернитесь! – буркнула Женька.

– Ах, какие мы скромные! Если ты за пять минут не оденешься, то через шесть за тобой будут наблюдать уже две пары глаз – мои и моего начальника охраны!

Женька не стала больше испытывать терпение Глеба Николаевича и постаралась переодеться со скоростью солдата при побудке. Впрочем, Глеб Николаевич на неё не смотрел. Отошёл к окну и барабанил пальцами по подоконнику, выдавая свою внутреннюю нервозность и напряжение. Ушёл, даже не взглянув на «невесту», как только появился Сергей Семёнович. Вот около него он задержался, давая короткие жёсткие указания:

– Это – Екатерина Алексеевна Измайлова, – сказал, не глядя махнув рукой в сторону Женьки, – уяснил? (Начальник службы безопасности кивнул, не моргнув глазом) Ты теперь при ней неотступно даже в сортир. Ровно в шесть тридцать чтоб были в Центральном ЗАГСе. И чтоб она была как с глянцевой картинки журнала. Головой отвечаешь!

ной ночевке молодых: подушки следует положить так, чтобы разрезы наволочек смотрели друг на друга – тогда молодожены в будущем не смогут насмотреться друг на друга. Под подушку невесте следует положить зеркало – тогда она всегда будет видеть в женихе свое отражение, и наоборот. В комнате не должно быть фотографий, на которых невеста запечатлена в одиночестве, даже если это ее детская комната. Еще одна примета: влюбленным нельзя обмениваться фотоснимками перед свадьбой, так что ночь придется провести наедине с собственными воспоминаниями.

¹³ – по легенде эта присказка пошла от купцов-суконщиков, когда они отмеряли погонную длину ткани в кулаках. Кулаки у всех разные, поэтому при отмеривании ткани можно было запросто смухлевать.

11

Глеб остался доволен наведением лоска на внешность Женьки. Если бы ещё убрать её затравленный взгляд, из-за которого она абсолютно не выглядела королевой, можно было бы не переживать за разоблачение их афёры. Вот когда она сердилась или читала мораль, тогда она больше всего походила на Екатерину. А, если добавить сексуальности в глаза, то их бы вообще было не различить. Но, и так сойдёт. Он, уж, постарается вывести её из себя и поддерживать в надлежащем тоне во время свадьбы, не выпустит из свое-

го поля зрения, тем более что все задания для своей службы безопасности он успел продумать до церемонии бракосочетания. Осталось только их выдать Семёнычу.

Как только начальник службы безопасности с «невестой» появились на пороге ЗАГСа, он отвёл его в сторону и приказал:

– Рой землю копытом, но как можно быстрее узнай мне всё об этих сестрицах.

– За какой срок?

– С рождения. А ещё лучше с момента зачатия. Где Екатерина выяснил?

– Работаем.

– Долго. Ускорься!

– Сделаем, Глеб Николаевич!

– Евгения упоминала о телефонном разговоре с Екатериной – добудь мне запись этого разговора.

Сергей Семёнович замялся:

– Это трудно. Жучка не было...

– Прояви смекалку. Они не на улице разговаривали. Одна в отеле, другая в аэропорту. Подними свои ментовские связи. Не знаю, время отмотай назад. Делай что хочешь! Всё, пошёл играть роль влюблённого жениха!

И Глеб надел на себя маску счастливейшего человека, твёрдо взял Женьку под локоток и с самой лучезарной улыбкой прошипел ей на ухо:

– Ты похожа на скрюченный гороховый стручок. Помни,

провалишь мне игру – по асфальту раскатаю!

– Готовы ли Вы, Глеб, взять в жёны Екатерину?

– Готов!

– Готова ли Вы, Екатерина, выйти замуж за Глеба?

Глеб больно сжимает локоть Женьки и получает нужный ответ:

– Да.

– Новобрачные, ответьте, является ли ваше желание вступить в брак искренним, свободным и хорошо обдуманном?

– О, да! – это Глеб.

– Да! – после очередного надавливания говорит Женя.

– Учитывая ваше обоюдное согласие, которое вы выразили в присутствии свидетелей, родителей, близких и друзей, ваш брак регистрируется. Уважаемые новобрачные, с полным соответствием Российскому законодательству ваш брак зарегистрирован, и я торжественно объявляю вас мужем и женой! Поздравьте друг друга супружеским поцелуем.

Глеб наклоняется к Женьке, но та стоит столбом, и он берёт её в охапку, так чтобы она не могла пошевелиться, и впирается ей в рот, властно раздвигая её холодные губы языком. Гости восхищённо аплодируют.

Женя была на грани обморока. Звуки доносились до неё как через толстый слой ваты, накатываясь шумом морского прибоя. Происходящее вокруг было нечётким, но, в тоже время, резко менялось, как цветные картинки в калейдоско-

пе. Единственный, кто был в резкости, это Глеб Николаевич, его застывшая улыбка и холодные, злые, ненавидящие глаза. Вот они-то и удерживали Женю на плаву. А ещё гадости, которые он говорил.

– Ну, что, заметил кто-нибудь твоё отсутствие? Никому ты не интересна! Никому не нужна!

– Чужих людей можно обмануть, – парирует Женя, – а дома? Слуги видели и меня, и Катерину. Антонина Алексеевна знает меня, как облупленную. Секрет, который знают больше двух, уже не секрет. А Аня? Детей не обманешь! И называть другим именем не заставишь, всё равно проговорится.

«Да, это проблема! – подумал Глеб, – Не продумал до конца, – и перескочил мысленно на Женю – Оживает, кажется. А то, как мёртвая». Вслух сказал:

– Кухарку и уборщицу уволю. И учти, что увольнение этих прекрасных пожилых женщин на вашей с сестрицей совести! Няне пригрожу. Аняту возьмёте с няней на себя. Так же как и готовку, и уборку. Видишь, как всё просто?

Гости очередной раз кричат «Горько!», «муж» поднимает «жену» и мучает её губы, пока она не сдаётся, и длит поцелуй столько, сколько желает сам.

– Послушайте, Глеб Николаевич...

– Глеб! И на «ты»! – перебивает Женю «муж».

– Хорошо, – соглашается «жена», – Так целовать совсем не обязательно...

– Как «так»? – насмешничает Глеб.

– Так... так глубоко, – смущается Женя и на её бледном лице появляется намёк на румянец.

– Ты – моя жена на ближайшее время, со всеми её обязанностями. Сексом ты тоже попросишь меня заниматься не глубоко? Это как? Наполовину? На треть? – ёрничает Глеб.

– На какое «ближайшее время»? – задаёт вопрос опять побледневшая Женя, предпочитая зацепиться за эти слова.

О сексе с ним она не думала, считая, что их брак будет лишь на бумаге, а сейчас уже поздно было сопротивляться и протестовать. Что она может сделать? Она полностью в его власти. И в физической и в материальной. Эх, сколько раз она думала над тем, чтобы начать лечение Ярика до того, как скопится нужная сумма. Взять в долг у друзей, кредит в банке. Попросить у родителей. Но каждый раз передумывала. Казалось, вот-вот накопится сумма, которой хватит на операции. И каждый раз что-нибудь происходило, что откладывало этот момент. Цены росли быстрее, чем накопления. И вот до чего она докатилась. Она всё равно в долгах, и своих, и Катькиных. На Катерину она может наплевать, на Ярика – нет.

– Полгода, год, пока не достану Екатерину из её логова...

Гости опять кричат «Горько!», Женя не участвует в поцелуе, но уже не сопротивляется.

– Пока не отомщу, – как ни в чём не бывало, продолжает фразу Глеб, прерванную поцелуем.

– Каким образом? – опять бледнеет Женя.

– Придумаю, когда достану. Мечь – это холодное блюдо, – цедит сквозь зубы Глеб, продолжая улыбаться.

И это несоответствие формы и содержания пугает Женьку до дрожи в коленях.

– Лишу родительских прав! Отправлю мальчишку в детдом! – импровизирует Глеб, в то же время понимая, что для Екатерины это не наказание.

– Вы не посмеете! Я Вам не позволю! – взвизгивает Женька, выходя из образа счастливой невесты.

– Ещё раз меня подставишь, – шипит Глеб ей на ухо, больно сжимая под столом руку, – начну процедуру прямо завтра.

Женька наклоняется к его уху, чтобы гостям не было видно выражение её лица, и шепчет:

– Дорогой, ты не представляешь на что способна женщина за своё дитя!

И выпрямляется на стуле с самой, что ни на есть, счастливой улыбкой на лице. С искрящимся взглядом, полным уверенности в себе, в своих силах. И в этот момент, действительно, становится похожа на Екатерину. И только Глебу видно, сколько в этих глазах ненависти, обращённой к нему.

Произошедшая с Женькой перемена радует Глеба. Во-первых, он уверяется в том, что свадьба теперь пройдёт до конца без сучка, без задоринки. Он, правда, уже и сам подстраховался, велел хозяину ресторана спаивать гостей всеми возможными видами алкоголя. И план его успешно осу-

ществляется, свадьба уже явно пошла вразнос, но с Женькиной поддержкой всё равно будет надёжнее. Во-вторых, понимает, что нашёл кнопку, на которую надо нажимать, чтобы делать «жену» покладистой. Только опять запутывается, чей же, всё-таки, Ярик сын – Екатерины или Женьки?

Гости, умиляющиеся картиной двух голубков, которые не могут оторваться друг от друга, постоянно о чём-то шепчутся, держатся за руки под столом, от полноты чувств, от радости за влюблённых новобрачных и рождение новой счастливой семьи снова кричат «Горько!» Женька вскакивает первой и с готовностью открывает рот для поцелуя, но едва Глеб прикасается к её губам, больно прикусывает ему нижнюю губу. «Вот стерва!» – почти восхищённо думает Глеб.

12

Женя и сама не заметила, с какого времени стала ощущать себя счастливой. Наверное, с успешной операции Ярика. Со второй? Или сразу с первой? Перед второй была тревога – заплатит Глеб или не заплатит? Он молча заплатил, и тревога ушла.

А, может ещё раньше, когда не стал её домогаться? Сразу определил в отдельную комнату и ни разу за эти 5 месяцев не попытался нарушить её личностное пространство. Он её вообще не замечал. Женя поначалу старалась не попадаться ему на глаза, шугалась по углам, но вскоре осмелела, пе-

рестала шарахаться, почувствовала себя свободно. Хотя, какая свобода, если твоя жизнь ограничена забором загородного дома, а Ярику в больницу можно позвонить только с городского телефона, поскольку своего мобильного она была лишена в первый же день «семейной жизни»? И всё твоё общение – это люди, постоянно живущие здесь: Сергей Семёнович, садовник Михаил, Антонина Алексеевна, Марина Николаевна и Мария Васильевна. Да-да! Ни уборщицу, ни кухарку Глеб не уволил. То ли забыл, то ли побоялся быть отравленным кулинарными изысками свежееиспечённой «жены».

Домой Глеб приходил только ночевать. Если не очень поздно – обязательно заходил в детскую пообщаться с Анютой. Женя ещё раз убедилась, что отцом он, действительно, был хорошим, любящим. И не таким, уж, монстром, как пытался ей себя представить. Во всяком случае, с Яриком контакт нашёл быстро, когда между операциями тот жил в доме 3 месяца.

Правда, Женькины деньги, те самые триста тысяч, накопленные ему на операцию, забрал, не побрезговал мелочевкой. Пренебрежительно кинул в верхний ящик стола и спросил – «Всё?». Женя так и не поняла, к чему относился этот вопрос, но кивнула утвердительно. А он отпустил её взмахом руки, мол, – вали отсюда!

Это «Всё» и ещё «Спасибо за вкусный ужин» были единственными словами, сказанными Глебом Женьке за 5 меся-

цев. Правда, за ужин он поблагодарил Марию Васильевну, а когда та сказала, что ужин готовила Катюша и благодарить надо её, только взглянул и кивнул.

Женя не считала, что она сделала что-то особенное. Просто когда в её жизни появился Ярик, пришлось освоить кухню, а из всего многообразия блюд выбрать то, что было вкусно, питательно, максимально безвредно и быстро в приготовлении. Одним из таких блюд была куриная грудка в лодочке из фольги¹⁴. А, поскольку надо было занять себя чем-то в течение дня (уроков-то не было – ни выезжать из дома, ни приглашать учеников к себе Глеб не разрешил, а языками с Анютой занималась Антонина Алексеевна), Женя крутилась на кухне. (Мария Васильевна в свою епархию молодую хозяйку допустила, в отличие от Марины Николаевны, которая категорически не позволяла участвовать в уборке. А к Антонине Алексеевне Женя и сама не навязывалась – во-первых, не хотела ломать под себя учебный процесс, а во-вторых, боялась, что Глеб может уволить уже не нужную няню, и тогда Женя останется без единого человека, с которым можно поговорить по душам). И ещё с удовольствием помогала в саду дяде Мише. В качестве ученицы. Не столько по велению сердца, сколько для занятия свободного времени.

И как убивают время настоящие жёны богатых бизнесменов? Ну, почитала (хотя в их любви к такому времяпрепровождению Женя сомневалась). Ну, посмотрела телевизор. Потрындела по телефону (этого Женя была лишена, да и

не любила). Массаж, маникюр, педикюр, макияж, причёска. Господи! Скука смертная! Да, и не будешь этим заниматься каждый день. Ах, да, ещё шопинг! Вот, уж, по нему Женя совсем не скучала, поскольку он никогда не входил в её интересы. Нужно что-то – забежал, быстренько купил и побежал дальше.

В загородном доме же процветал шопинг онлайн. И, слава богу, что он был в руках Антонины Алексеевны. Женя хоть и ощущала себя в доме Глеба приживалкой, не смотря на статус жены (господи, ну какая жена!), ничего у него не просила, но какие-то траты всё равно были необходимы. Те же прокладки закончились через месяц. С какими глазами она бы просила у него денег на подобное? Катерине он, небось, сразу выдал бы карточку с неограниченным кредитом, а ей, «Катюше», какая карточка? И так, последнее время как-то странно стал на неё поглядывать. К добру это было или к худу, Женя не понимала. То ли он раздумывал над очередной тратой на Ярика, то ли над её дальнейшей судьбой. Ведь приближалась дата, которую он определил первым рубежом их «семейной жизни» – полгода.

Ни о каких рубежах Глеб не думал. Он вообще забыл все угрозы, которыми мучил Женьку на свадьбе. Увольнять никого и не собирался. Люди у него работали давно, все были проверенные, почти семья. Женька по его плану должна была сидеть безвылазно дома, так что никакого разоблачения

он не боялся. А даже если и случится утечка, так прекрасно! Появится отличный повод развестись, мол, это афёра сестриц-близняшек, обманули ослеплённого любовью мужчину. Женька против не пикнет, она ради Ярика на всё готова. Но всё же, чтобы разоблачение Женьки-Екатерины не произошло раньше времени, он поговорил с Анютой специально при няне. Поставил трёхлетней малышке взрослое условие – если она хочет, чтобы с ними жила тётя Женя (а она её, действительно, сразу узнала, бросилась навстречу, ухватила за ноги с радостным криком: «Тетя Женя вернулась! Тетя Женя вернулась!»), то должна называть её «тетей Катей». «Почему? – задала закономерный вопрос Анюта, – Я не хочу «тётей Катей». Вопрос «Почему» Глеб спихнул на няню и саму Женьку – «Они тебе объяснят». Антонина Алексеевна поспешила вмешаться: «Анюточка, это игра такая. Ты же знаешь, что у каждой игры есть свои правила? Вот папа тебе объясняет правила новой игры, где тетя Женя будет играть тетю Катю». Глеб кивнул головой: «А если тётей Катей называть не будешь, тётя Женя сейчас же уедет». Анюта заупрямилась: «Я не хочу тетю Катю. Я хочу... я хочу... Катюшу». На этом «компромиссном» варианте они договорились.

И отдавать Ярика в детский дом Глеб не собирался. Екатерину лишил бы родительских прав не задумываясь, но, поскольку, для неё это наказанием не было, то и думать тут было не о чем. Хотя, о самой Екатерине думал много. Не хотел думать, вспоминать, но не получалось. Застывал иногда

прямо посреди разговора от жаркой волны воспоминаний, тело тут же реагировало, возбуждалось, горело желанием. И никто не мог её заменить, затмить. Ни бывшие любовницы, ни её бледная, унылая копия.

Да и как тут забудешь, если информация о ней поступала с завидной регулярностью. Ждать, когда соберётся полная картина, у Глеба терпения не было. Он велел сразу же докладывать ему любую информацию по мере её поступления и сам укладывал всё по порядку.

Первым выяснился вопрос – куда умотала Екатерина из Москвы. Оказалось, совсем не в Лондон, а в Париж. С одной стороны отпустило, что не к Вандербилту, а, значит, они не любовники. С другой стороны, в Париж Глеб хотел повезти Екатерину сам. Но самым болезненным стало сравнение дат – Екатерина приобрела билет из Москвы в Париж на следующий день после того, как они согласовали дату их свадьбы! Они признавались друг другу в любви, любили ночи напролёт, шептали ласковые слова, а она уже *знала*, что уедет! Глеб скрежетал зубами от её коварства и своего бессилия.

Не сложным оказалось и начать распутывать клубок переплетений судеб сестриц от самого зачатия. Почти от зачатия, с его 16-й недели. По Свидетельству о рождении Женьки легко нашёлся роддом, где их мать рожала. Место проживания родителей даже не пришлось вытрясать из Женьки, поскольку по их полным именам и их номерам телефонов из

изъятого у неё мобильного, услужливый интернет выдал их адрес и то, что там же они жили и до рождения близняшек, и там же живут сейчас. Гинекологическое отделение поликлиники, где наблюдалась во время беременности мать Екатерины и Женьки, тоже было на месте. Дальше всё было делом техники и денег.

В карте вставшей на первичный учёт беременной, сразу же был указан странный диагноз – синдром плацентарной трансфузии. Это что ещё такое? Глеб полез в интернет и нашёл там таких ужасов! Попросту говоря, один ребёнок питался за счёт другого, что могло привести того к гибели, но и сам мог умереть, объевшись. Не трудно было догадаться, кто кого ел. В карте ещё лежала бумага с отказом на избавление от ослабленного плода и с согласием на экспериментальную операцию – «фетоскопическая коагуляция анастомозов». Блин, язык сломаешь, пока выговоришь! Про неё Глеб уже не стал ничего выяснять в интернете, чтобы ночью кошмары не снились. Главное, что операция помогла, и на седьмом месяце беременности было сделано кесарево сечение. Родились две девочки, близнецы. 3кг 250г и рост 49см – Екатерина. 1кг 260г и рост 38см – Евгения.

Дальше про детский сад и школу было не очень интересно, кроме одного зигзага. Почему-то в пятом классе родители перевели Женьку в другую школу. Оно и к лучшему оказалось, потому что троечница Женька (Екатерина училась на «отлично») сразу подтянулась по учёбе до хорошистки, а по

литературе, русскому языку и иностранному выбилась в отличницы.

После школы сёстры разъехались в разные города. Екатерина в Москву, Женька в Санкт-Петербург. Отличница Екатерина никуда не поступила, во всяком случае, документ хоть о каком-нибудь её образовании сыщики не нашли. А вот Женька поступила в РГПУ им. А.И.Герцена, окончила его с красным дипломом, имея уже в багаже не один, а целых 3 иностранных языка, и тут же получила работу в издательстве Вита Нова.

Чем занималась Екатерина в Москве, на какие средства жила, пока было не понятно. Отрывочные сведения о её кратковременных местах работы общей картины не давали. Но не работа Екатерины волновала Глеба. Он искал однозначного ответа на вопрос – чей сын Ярик? По документам, изъятым его людьми из квартиры, которую снимала в Кургане Женька, следовало, что мать Ярослава Эдуардовича Измайлова Екатерина. В графе «отец» его Свидетельства о рождении стоял прочерк, отчество не понятно откуда взялось, фамилия матери. Но мало ли что можно написать на бумаге? Сыщики поглубже копнули Женьку и дали однозначный ответ – она никуда не выезжала из Питера и каждый день ходила на работу в период рождения Ярика. Значит, Екатерина.

Жизни сестриц не пересекались до того момента, когда Женька, ни с того, ни с сего продала квартиру в Питере (меж-

ду прочим, всего за четыре месяца до этого погасив ипотечный кредит), уволилась с работы и переехала к сестре с племянником в Москву.

Следующий существенный момент, который накопили сыщики, это отъезд Екатерины в Бельгию. Разыскивать её следы за границей было гораздо труднее и затратнее, чем на родине, и Глеб отложил их на потом, бросив все силы своих помощников на период в Москве между приездом Женьки и отъездом Екатерины. Где-то на этом отрезке произошла та автомобильная авария, о которой говорили обе сестрицы, но так по-разному.

Следующими пришли сведения о телефонном разговоре между сёстрами в день бегства Екатерины. Сергей Семёнович с IT-инженерами задействовали смекалку, и нашли запись с видеокамеры Шереметьева, где была запечатлена Екатерина, разговаривающая по телефону с Женькой (время уточнили по мобильнику последней). Потом была проведена титаническая работа по вычленению разговора из неумолчного шума аэропорта. И даже приглашён специалист, умеющий читать по губам, поскольку было несколько провалов в разговоре из-за всё перекрывающих объявлений о посадках на рейсы. О чём говорила Женька, можно было понять только по ответам Екатерины, а что говорила она сама, чёрным по белому было написано в отчёте.

Вот где Глеб получил под дых. Неужели он ещё на что-то надеялся? Выходит, да, если его так скрутило, что он пред-

почёл надраться в хлам, чтобы уйти в несознанку. «Зануда», «князёк местного разлива», «захолустный городишко», «повешу себе на шею его капризную девчонку». Такими эпитетами она награждала человека, перед которым разыгрывала влюблённую, так презрительно говорила о его дочери, Аюте. А потом и вообще предложила Женьке забрать его себе, как будто он вещь какая-то никчёмная! Так и сказала: «... возьми его себе! Дарю без-возд-мезд-но. Зануда и моралистка – прекрасная пара!» И то, что в постели он «вполне себе ничего», и она осталась довольна, отнюдь, не утешало. Наоборот, Глеб чувствовал себя не просто обманутым и преданным, а полным ослом с длиннющими ушами.

А на следующий день ещё и выговор получил от Женьки за матерные слова, которые орал при детях. Глеб ничего не помнил. Но даже, если это так и было, какое она имеет право указывать ему как себя вести в его собственном доме? Кто она такая? Ишь ты, смелая какая вдруг стала! И Глеб послал Женьку к чёрту, обозвал занудой, моралисткой, синим чулком и бледной молю, но от мата воздержался.

Запой продолжался неделю с ночёвкой на рабочем месте и закончился только тогда, когда от него потребовалось разрешение на проведение действий устрашающего характера, подводящих под уголовную статью. Его ребята и так уже с расследованием увязли по самое не балуйся, но пока это можно было квалифицировать как административные правонарушения и отмазать с помощью денег. А вот похищение

людей и их запугивание до неизвестно какого предела, грозило уже уголовной статьёй с наказанием в виде лишения свободы сроком до 5 лет.

Пробел в сведениях о жизни сестёр, во время которого могла произойти авария, сыщики восстановили с помощью социальных сетей. Катерина вела себя в интернете достаточно активно до своего отъезда за границу. Выкладывала фото с экзотических мест отдыха, во время шопинга, на фоне машин, в обнимку с разными мужиками. Странно только, что ни сведений о сыне, ни его фотографий на её страничках не было.

Женька была зарегистрирована только на Одноклассниках. Регулярно переписывалась и поздравляла с праздниками внушительное количество людей. После переезда в Москву через сеть настойчиво начала искать тех, кто был связан с медициной и юриспруденцией сам или через знакомых. Нашла врача – своего одноклассника Константина Корчагина и адвоката Александра Морозова – общего их с Катериной одноклассника. После этого переписка одноклассников в сети прекратилась. Видимо, общение перешло в телефонный формат. Выяснить предмет разговоров можно было только двумя путями – либо протрясти Женьку, чего Глеб не хотел, либо протрясти Корчагина и Морозова.

Корчагин разговаривать с кем бы то ни было наотрез отказался, сославшись на врачебную тайну. Мало того, попытался предупредить Женьку о наезде неизвестных личностей,

интересующихся ею, но, поскольку телефона она была лишена, у него ничего не вышло.

Корчагину Глеб велел больше не докучать. И так понятно, для чего его искала Женька – для неофициальной консультации о здоровье Ярика, поскольку официально к врачам никто не обращался. Сыщики это тщательно проверили. Гораздо интереснее было узнать – для чего сёстрам понадобился юрист. Вот его Глеб разрешил расколоть любыми методами.

Морозов, адвокат, сначала хорохорился, но припугнутый физическими пытками, выдал такое, от чего у Глеба волосы встали дыбом – и об аварии, в которой была виновата исключительно Екатерина, и о пренебрежении здоровьем собственного сына из-за чего 4-х летний малыш стал калекой, и об огромной сумме взятки, которая была уплачена, чтобы уголовное преследование в отношении Екатерины Алексеевны Измайловой было прекращено. Авария была, но теперь её как бы и не было. Вот на что пошли деньги за Женькину квартиру под Питером!

Женька, оказывается, появлялась в Москве ещё раз, за месяц до окончательного переезда. И этот первый приезд был примерно через 2 месяца после аварии. Вот такие вот дела... Выходит, Екатерина врала по-чёрному, а Женька не договаривала, боясь навредить сестре. Как начала ещё в утробе матери подпитывать сестру-эгоистку, так и продолжает это делать до сих пор.

Как бы то ни было, но поведение Женьки невольно заставило Глеба уважать её как личность. Как самоотверженную мать. Ведь Глеб тоже был родителем, нежно любящим своё чадо. И пусть это никоим образом не возбуждало его интерес к ней, как к женщине, но он стал поглядывать на Женьку уже без раздражения и равнодушия.

¹⁴ – рецепт куриной грудки в лодочке из фольги

Ингредиенты:

куриная грудка – 3шт

помидор – 1шт

сыр – 100г

сметана – 3 ст.л,

соевый соус – 2 ст.л

соль, перец, копченая паприка, прованские травы, сушеный чеснок, кунжут

Способ приготовления:

На курином филе сделать глубокие надрезы, посолить и поперчить. Приготовить смесь из сметаны и соевого соуса.

Помидоры и сыр нарезать пластинками.

В отверстия на грудке поместить помидоры и сыр, полить смесью сметаны и соевого соуса, посыпать любыми из перечисленных приправ на ваш вкус.

Поместить куриное филе в лодочки из фольги либо из пергаменты и запечь в духовке при температуре 200 градусов 30-40 минут

13

Лёшка позвонил Глебу, когда тот ещё не отошёл от недельного запоя и находился не в самом хорошем расположении духа. Друзья не общались со дня свадьбы. Лёшка, конечно, всё понимал – молодожёны, медовый месяц и всё такое, но предстоял его день рождения, и уж тут-то Глеб с женой не отвертятся от приглашения.

Глебу идти никуда не хотелось, но и друга обижать не хотелось тоже, так что пришлось согласиться. Была надежда, что «Катюша» (а теперь её в доме только так и называли, пришлось и Глебу перестроиться, чтобы не ляпнуть нечаянно «Женька», хотя ему это уменьшительно-ласкательное имя резало слух) откажется и тогда он пойдёт один, погуляет на славу, расслабится. Но «Катюша» с радостью согласилась. Её тоже можно было понять – сидеть в заточении в золотой башне не сладко, заточение оно и есть заточение.

К моменту праздника Глеб был совершенно в другом настроении, чем две недели назад, когда его приглашал Алексей. После запоя Глеба отпустило. Он уже спокойно воспринимал информацию о Екатерине и даже остановил дальнейшее расследование – а на фига? Мстить женщине – мелко и затратно. Всё главное для себя он уяснил. Ярика он долежит в любом случае, просто будет считать потраченные на него средства благотворительностью. И «Катюшу» пора отпустить на свободу. Она-то уж точно ни в чём не виновата. Пусть живёт своей жизнью, пусть вернётся Женька. И ему пора возвращаться к нормальной жизни, а то бизнес запустил, Анюту забросил, а когда был последний раз с женщиной в постели уже и не вспомнишь.

День рождения главы семьи отмечался в том же загородном поместье, что и юбилей её прекрасной половины. Глеб порадовался за себя, что место, которое «подарило» ему знакомство с Екатериной, не заставляет его сердце сжиматься от боли. Вот только от ночёвки категорически отказался, сославшись на детей (Ярика отпустили из клиники после второй операции). Повод был формальным, поскольку на самом деле не хотелось ночевать на той же кровати, где бурно начинался их с Екатериной роман, и на полу ночевать не хотелось (не мальчик уже!), а ведь придётся уступать мягкую постель «Катюше».

Юбилея у Алексея в этом году не было, и потому народу на празднике было существенно меньше, чем у Аллы. Родственники, друзья и близкие коллеги по работе, вот и всё. Все как-то разбрелись по территории, играла тихая музыка, было по-домашнему уютно, без суеты. Глеб с «Катюшей» поздравили именинника и разошлись в разные стороны. Всё, что нужно было знать «Катюше» о двухдневном юбилее Аллы, где Екатерина была переводчицей сэра Вандербилта, Глеб ей рассказал, девушка она была не глупая, разберётся, что сказать и как увести разговор в сторону от опасной темы.

Глеб забрался в беседку, уселся в уютное плетёное кресло с бокалом вина и просто наслаждался последними тёплыми деньками осени. Вокруг было так красиво и умиротворяюще спокойно. Так вот крутишься в бизнесе и не замечаешь окружающей красоты, а жизнь проходит, в следующем году уже у него юбилей – 45. Почему-то эта цифра ужасно пугала Глеба. Казалось, что от неё гораздо ближе до пятидесяти, а это вообще край жизни, чем было от сорока, когда он ощущал себя ещё молодым, полным сил. В эту первую пятилетку пятого десятка он впервые стал отцом, и казалось, что не в последний раз. Была какая-то наивная вера, что дети склеют их семью, которая растекалась в разные стороны, как убежавшее молоко. Но дети не случились, Аня осталась единственным ребёнком. Если бы жена не погибла в авткатастрофе, они бы обязательно разбежались. А молоко он

научился подогревать так, что оно не убегало...

– Привет, дружище! Вот куда ты забрался! Не помешаю? – прервал мысли Глеба Лёшка.

– Да ладно тебе, садись!

– Спасибо за приглашение! – шутовски поклонился Лёшка, и Глеб, поняв весь комизм ситуации, когда гость что-то разрешает хозяину, рассмеялся, а Лёшка подхватил.

– Как она, жизнь молодая? – поинтересовался Алексей.

– Да так, по всякому, – осторожно ответил Глеб, не решив, стоит ли уже подкладывать основания в их предстоящий с «Катюшей» развод.

– Что, поссорились? – сочувственно спросил Алексей.

– Не без этого – подтвердил Глеб, решив, что лишними эти слова не будут.

– Ты извини, что я лезу. Если не хочешь говорить – давай сменим тему.

– Да не о чем просто говорить, ерунда всякая.

– Ну, и отлично! А то Алла уже расстроилась. Знаешь, как у них, у женщин, чуть что – сразу трепыхаться начинают. Ты куда-то слинял. Катюшу молодежь окружила. Не боишься, кстати, что уведут?

– А что, есть опасность? – поинтересовался Глеб, делая вид, что пытается встать с кресла.

– Да шучу я, шучу! Не разберёшься, наkostenяешь всем подряд, а там мой сын в первых кавалерах.

– Это Сашка, что ли? Он же пацан совсем. Сколько ему,

четырнадцать, пятнадцать?

– Двадцать уже.

– Ё-моё! Какие же мы старые уже с тобой, Лёха. Постой, а его что, не было на юбилее Аллы? Я что-то его не помню.

– Да ты разве кого-нибудь замечал тогда, кроме Екатерины?

– Это было так очевидно? – расстроился Глеб, который считал, что они оба вели себя крайне осторожно и скрытно.

– Да, ладно! Не смущайся! Накрыло, бывает! Всё же хорошо закончилось. Правда, мы тогда с Аллой попереживали за тебя. Рады, что ошиблись.

– Не понял, это ты сейчас о чём? – насторожился Глеб.

– Да понимаешь, – замялся Алексей, – та Екатерина и эта Катюша, они как два разных человека. Тогда, на юбилее, она нам показалась расчётливой, хладнокровной хищницей. И красота её такая была, ну, как сказать... И манящая, и отгаликивающая одновременно. А сейчас что-то неуловимо изменилось. Глаза что ли? Мягкость в них, женственность. Внутренний свет, что ли, вырвался наружу? Прости, что так не правильно её поняли. А ты молодец, что разглядел. Или это ваша любовь её так изменила? Мы уже на свадьбе не могли с Аллой понять, что происходит. И ты был не ты, и она – не она.

– Ты меня заинтриговал, – сказал Глеб, поднимаясь с кресла и пряча за насмешкой своё внутреннее смятение, – пойду, посмотрю – та она или не та? Вдруг, где-то по дороге

и вправду подменили, а я и не заметил?!

«Катюшу» Глеб обнаружил, действительно, в окружении молодых ребят. Он остановился поодаль и стал наблюдать. Пацаны лет восемнадцати-двадцати, видимо, сокурсники Сашки, старшего сына Алексея и Аллы, выглядели как павлины, распушившие хвосты перед павой. Глеб напряг слух и через некоторое время понял, что они читают стихи, похоже, на французском. «Катюша» без всякой игры, с искренней заинтересованностью в глазах смотрела на говорившего, и каждый из них спешил подхватить эстафетную палочку её внимания, чтобы блестящие эти глаза обратили свой взор на него. Едва кто-то замолкал, тут же начинал говорить другой. А, если начинали несколько человек одновременно, «Катюша» лёгким прикосновением руки выбирала следующего счастливого.

Пристальный взгляд Глеба, наконец, обратил на него внимание «Катюши». Она дождалась паузы в стихах, с улыбкой что-то сказала, встала и пошла по направлению к Глебу. Пять пар глаз с завистью смотрели на человека, который обладал правом молча, одним взглядом, призвать их Музу к себе.

– Такие хорошие ребяташки! – подходя, с улыбкой сказала «Катюша». – Учатся в Смоленском Государственном Университете на факультете иностранных языков. Такое чисто парижское произношение. Мы читали стихи.

– Это я понял. Не понял только кого и про что.

– Бодлера¹⁵. Про любовь, конечно.

– А мне прочтёшь что-нибудь?

«Катюша» кивнула головой и начала певуче, с мягкой картавинкой:

– Que diras-tu, ame, seule dans la nuit...

– Стоп-стоп-стоп! – остановил её Глеб, – Очень красиво, но я ничего не понимаю. На русском можешь?

«Катюша» улыбнулась и без паузы перешла на родной язык:

Что скажешь ты, душа, одна в ночи безбрежной,

И ты, о сердце, ты, поникшее без сил,

Ей, самой милой, самой доброй, самой нежной,

Чей взор божественный тебя вдруг воскресил?

Ей славу будем петь, живя и умирая,

И с гордостью во всем повиноваться ей.

Духовна плоть ее, в ней ароматы рая,

И взгляд ее струит свет неземных лучей.

В ночном безмолвии, в тиши уединенья,

И в шуме уличном, в дневном столпотвореньи,

Пылает лик ее, как факел, в высоте,

И молвит: «Я велю – иного нет закона, -

Чтоб вы, любя меня, служили Красоте;

Я добрый ангел ваш, я Муза, я Мадонна!»

– Красиво! – задумчиво произнёс Глеб.

В первый раз за более чем полугодовое знакомство они говорили между собой по-человечески. И никакого напряжения или неловких пауз между ними не было.

Хозяева позвали гостей за стол, и дальше праздник пошёл по накатанной колее – обильный стол, тосты за именинника, звон бокалов, звяканье вилок о тарелки. Поскольку по легенде Шестопаловым надо было пораньше вернуться домой из-за детей, то перед танцами им пришлось уехать, о чём Глеб крепко жалел. А «Катюше», кажется, всё понравилось. Она сидела в машине с мягкой улыбкой на губах. «Что скажешь ты, душа, ей, самой милой, самой доброй, самой нежной, чей взор божественный тебя вдруг воскресил?» всплыли в памяти Глеба прочитанные ею строчки. Может, и правда, не всё так хреново, как казалось ему ещё месяц назад?

¹⁵ – Шарль Пьер Бодлер – французский поэт, критик, эссеист и переводчик XIX века. Основоположник декаданса и символизма. Классик французской и мировой литературы.

Удивительно, как зависит восприятие человека человеком в зависимости от мнения общества. Помните, как Крота убедило его окружение в уродстве Дюймовочки, вопреки его собственному восхищению её красотой? Примерно такое же случилось и с Глебом. Только наоборот. Он сам изначально, сравнивая сестер-близняшек, одну считал красавицей, королевой, богиней, а вторую – бледной копией, бесцветной молью. Но вот услышал одно восхищённое мнение о «Катюше», второе, заметил интерес к ней противоположного пола, сердечное и доброжелательное отношение к ней тех, с кем уже давно жил бок о бок. Да, в конце концов, любовь Анюты и Ярика! «Детей не обманешь!», – слышал он не единожды. Начал приглядываться сам, и сам не заметил, как влюбился.

Женька замечала взгляды, которые бросает на неё Глеб, но, как человек неискущённый в перипетиях взаимоотношений мужчины и женщины, не смотря на свой 29-летний возраст как человек в чём-то даже наивный, приписывала их размышлению мужа о той дурацкой ситуации, в которую они попали со своим браком. Не мог же этот фиктивный, по сути, брак продолжаться вечно? Как человек с высоким уровнем самоорганизации, Женька хотела определённости. Когда развод? Возьмёт ли Глеб на себя до конца не только лечение Ярика, но и его последующую реабилитацию? Сколько денег она ему должна? И в какие сроки он потребует их

вернуть? В зависимости от ответов на эти вопросы, она и построит планы на будущее. Планы, в которых уже не будет в её жизни ни Глеба, ни Анюты. И на это тоже надо найти силы и время, чтобы смириться, унять боль в сердце и тоску в душе. Женька и сама не заметила, как влюбилась в Глеба, и даже пока не осознавала этого.

Она долго собиралась с духом, и, наконец, решилась на серьёзный разговор. Женька пристроилась поджидать его на открытой веранде, но Глеб, как назло, задерживался на работе, что в последнее время с ним бывало не часто. Погружённая в себя, Женька не заметила, как стемнело и ощутимо похолодало, пока ей на плечи не опустился тёплый плед, и голос Глеба произнёс за спиной:

– О, этот мягкий мрак, податливый поток беззвездной ночи, ночи темной!

Женька вздрогнула. От неожиданности. И покраснела. И ей стало жарко, но не от заботливо укутавшего её пледа, а от этих строчек. Конечно, она узнала стихотворение Бодлера «Что обещает её лицо» и прекрасно понимала, что две последние его строчки, которые воспроизвёл Глеб, относятся, отнюдь, не ко времени суток, а совершенно, совершенно к другому...

Глеб очень обрадовался, увидев «Катюшу», ожидающую его на веранде. Наконец-то! Первый знак её заинтересованности в нём! Он уже давно чувствовал волны тепла, исходя-

щие от «Катюши» в его сторону. Но... Почти также доброжелательна она была и ко всем остальным. Не видел он ни одного намёка на флирт – ни огонька в её глазах, манкости во взгляде, особого поворота головы, приоткрывающихся губ, зовущих к поцелую. Всего того кокетливого, глубинного, на уровне инстинктов, что включается в женщине чтобы привлечь мужчину, который ей нравится. Разрешить ему подойти к ней. Овладеть ею.

– Пойдём в дом! – сказал Глеб, обнимая «Катюшу» за плечи и приподнимая с кресла, – Замёрзнешь!

Женька послушалась. Дала увести себя с веранды. Не заметила, что они пришли в *е е о* спальню. Не возражала, когда он скинул на пол плед и начал греть своим дыханием её околоченные руки. И только когда он начал их целовать, хрипло спросила:

– Что ты делаешь?

– Согреваю тебя, – каким-то особым голосом, от которого у Женьки волна тепла прошла сверху донизу, ответил Глеб, и потянулся к её губам.

– Не надо, – прошептала Женя и в последний момент отвернулась, не дав их губам соединиться.

– Почему? – спросил Глеб, мягко разворачивая её голову к себе, – Ты же хочешь меня!

– Нет!

– Хочешь!

– Нет!

– Да! – и, не дав девушке снова произнести «Нет!», завладел её губами.

Женька уже не могла сопротивляться этой нежной силе, не могла оставаться равнодушной. Она ответила на поцелуй.

– Вот видишь, – прошептал Глеб, когда у обоих закончился воздух, и пришлось прервать поцелуй, прислонился лбом к Женькиному лбу и потёрся кончиком носа о её кончик, – твоё тело говорит само за себя!

– Это ничего не значит, – продолжала упрямо сопротивляться чувствам Женька, – Это... Это...

– Что «это»? – передразнил Глеб.

– Это голые инстинкты! – выпалила Женька.

– Не такие, уж, и голые! – рассмеялся Глеб и лукаво добавил, – Но мы это исправим!

И с этими словами властно привлёк её к себе, запечатал рот поцелуем, и каким-то кружением, почти в вальсе, довёл до кровати. Женька уже ничего не соображала. Тело запылало адским пламенем, когда она оказалась прижатой сверху его телом. Глеб отклонился, сбросил на пол пиджак, освободил шею от удавки галстука и начал расстёгивать пуговицы сорочки. Но остановился. Поймал Женькин взгляд, удержал, зафиксировал его и приказал:

– Расстегни ты!

Женька как сомнамбула подчинилась, подняла руки и, не отрывая взгляда от глаз Глеба, начала расстёгивать пуговку за пуговкой. А Глеб начал расстёгивать пуговицы её рубашки

мужского покроя, в которой она обычно ходила дома. Справился. Откинул полы сорочки в стороны и залюбовался открывшейся картиной. Лёг на бок, опираясь на локоть, чтобы было лучше видно. Обвёл ладонью оба бугорка её груди. Прорекламентировал:

– «...эта плоть – твоя; смотри и веруй всласть:

Она перед тобой – нагая!

Найди на кончиках налившихся грудей

Два бронзовых огромных ока...»

Наклонился и, сначала осторожно и ласково, а потом, углубляясь и терзая языком, поцеловал обе торчавшие верушки. Отклонился, остался доволен результатом, и двинулся рукой дальше, к животу.

– «...Под гладким животом, что бархата нежней,

Смуглее, чем жрецы Востока...»

Рука его миновала живот, забралась под пояс Женькиных домашних брюк и каким-то неуловимым, ловким полукруговым движением сняла брюки вместе с трусиками с её бёдер.

– «...Разглядывай руно: в нем каждый завиток —

Брат шевелюры неумной,

О, этот мягкий мрак, податливый поток

Беззвездной Ночи, Ночи темной!»

Разглядывать долго руно не получилось. Оба уже были на грани. И перепрыгнули её одним махом вместе.

15

Глеб инспектировал один из своих объектов, находящихся на завершающей стадии строительства, когда раздался звонок по экстренной связи. Была у них с Сергеем Семёновичем такая связь на случай непредвиденных обстоятельств.

– Глеб Николаевич, тут Екатерина Алексеевна требует пустить её в дом.

Глеб удивился. Если бы подобная проблема возникла полгода назад, то она имела бы место быть, и то в виде – «Екатерина Алексеевна *просит выпустить* её из дома». Но никак не «требует» и «впустить».

Словно отвечая Глебу на незаданный вопрос, начальник службы безопасности продолжил:

– Не знаю, откуда – из Лондона или из Парижа.

«Вот так, так! – развеселился Глеб, – Пропавшая «жёнущка» вернулась! А Семёныч молодец! Догадался правильно сформулировать!»

– Впусти. И обеспечь её нахождение в доме *исключительно* в моём кабинете. Понял?

– Сделаем, Глеб Николаевич!

Сергей Семёнович отпустил такси, на котором приехала Екатерина, и сопровождал её в рабочий кабинет шефа. Екатерина, было, возмутилась, что её приняли как пленницу, но Сергей Семёнович сослался на распоряжение хозяина и предложил ей обсудить этот вопрос с ним.

– Я что, не могу пообщаться даже с сыном и сестрой?!

– Ярослав сейчас на реабилитации, а Евгения Алексеевна отсутствует.

Что означает отсутствие Женьки, Катерина не поняла, по её сведениям сестра жила в доме на правах жены, её правах, Екатерины, между прочим. И вряд ли этот брак оставался фиктивным, зная темперамент Глеба, он уже давно затащил её в постель. Ну, с сестрой-самозванкой и этим псом-охранником она обязательно разберётся позже. А сейчас придётся набраться терпения. Посидим, подождём Глеба. Недолго осталось. Прискочит, как миленький! И она решила не унижаться, названивая Глебу по телефону.

Женя возвращалась из Реабилитационного центра, где проводывала Ярика (после снятия конструкции Илизарова со второй ноги, он раз в месяц на неделю ложился в центр на коррекцию), и на съезде с шоссе на просёлочную дорогу, ведущую к дому, с трудом разъехалась с такси. Удивилась. Кто бы это мог быть? Друзья Глеба и партнёры обычно приезжали на своих машинах.

Охранник у ворот на её вопрос о гостях промычал что-

то невразумительное, да ещё и посмотрел на неё как на пришельца из космоса или привидение. Женя не стала у него ничего выпытывать, поскольку увидела выходящего из дома Сергея Семёновича и поспешила к нему навстречу.

– Сергей Семёнович, у нас гости?

– Екатерина Алексеевна приехала, – не стал скрывать информацию начальник службы безопасности.

– Катя вернулась! – обрадовалась Женька, – Где она?

Сергей Семёнович замялся на мгновение, но, всё-таки, решил ответить:

– Глеб Николаевич распорядился проводить её в свой кабинет.

– А он что, уже дома?

– Нет.

– Что же она там одна сидит! Человек с дороги, устал, может, кушать хочет. Пойду, распоряжусь.

– Кхм, – смущённо кашлянул Сергей Семёнович, – Глеб Николаевич распорядился дожидаться его в кабинете.

– Да поняла я, поняла, – отмахнулась Женька, – Но морить Катерину голодом он же не распорядился!

Сергей Семёнович задумался и решил не препятствовать «Катюше». Звонить по этому поводу хозяину не стал. Тот чётко дал понять – Екатерину из кабинета не выпускать, но насчёт того, чтобы никого к ней не впускать, такого распоряжения не было. И он отправился вслед за «Катюшей», чтобы нажать на секретную кнопку включения записи видео-

камеры в кабинете хозяина. Видеокамерами поместье было напичкано по внешнему периметру, а в доме установлены только в двух зонах – детской, для контроля над нянями и учителями Анюты (с появлением Антонины Алексеевны не работали) и в кабинете шефа для страховки при переговорах. Глеб Николаевич недаром распорядился держать гостью именно там. А, если он его не правильно понял, так потом сам сотрёт запись и всё. Делов то!

– Тебя тут что, в прислугах держат? – съязвила Екатерина, когда Женька вошла к ней с полным подносом еды, – Или ты сама себя туда определила?

– Здравствуй, Катя! – не ответила на провокацию Женька. Екатерина хмыкнула и принялась за еду.

– Ну, и как тебе на моём месте? – поинтересовалась гостья, когда заморила червячка.

– Нормально, – спокойно ответила Женя.

– И только то? Я жажду подробностей!

– Что ты хочешь узнать? Когда ты сбежала, Глеб попросил меня сыграть твою роль. Да ты об этом, по всей видимости, и сама знаешь.

– Конечно, знаю! Не знаю только – ты к нему в постель сама прыгнула или он заставил?

– А тебя только это интересует? О здоровье сына узнать не хочешь?

– О, господи! Тебя даже могила не исправит! Святоша! Без твоих нотаций обойдусь! Ежу понятно, что не за просто

так тебя «попросили». Наверняка ты выторговала деньги на лечение Ярика.

– Ты так говоришь, как будто я совершила что-то постыдное. А, между тем, именно ты меня подставила.

– Ну, так считай, что я пришла исправить ситуацию.

– Каким образом? Что ты имеешь в виду?

– Жена – я, а ты можешь быть свободна. И чем быстрее ты уберёшься из *нашего* дома, тем будет лучше. Для тебя в первую очередь!

Женька опешила от напора сестры, растерялась. Да, Катерина никогда не была образцом доброты, но и такой жестокой никогда не была.

– Я думаю, что надо дождаться Глеба, – пробормотала она.

– Э-э-э, да ты, я вижу, влюбилась, дурочка! – рассмеялась Катерина, – Неужели ты думаешь, что он предпочтёт тебя мне? Не смехи мои седины! Что ты против меня? Оттого, что он пустил тебя в свою постель, ты из бревна в гибкую лозу не превратилась. Кроме того, мы с ним муж и жена, он принял моего сына... Впрочем, можешь оставаться, если тебе так хочется. Только подумай, кем ты будешь в этом доме? Приживалкой? Прислугой? Если тебе так хочется унижаться – пожалуйста! Слушай! А я, кажется, поняла! Ты – садомазохистка¹⁶! Будешь подглядывать, как мы будем любить друг друга, и слюни пускать. Или надеешься третьей к нам пристроиться?

На этом выдержка Женьки закончилась, она разрыдалась

и выскочила из комнаты. Столько гадостей, сколько она наслушалась за 5 минут от сестры, она не слышала за всю свою предыдущую жизнь. Женька торпедой промчалась через зал, где смотрела телевизор Антонина Алексеевна, и закрылась в спальне. Обеспокоенная женщина пошла вслед за ней и долго упрашивала открыть дверь.

Но Женька не откликнулась и вышла из комнаты только тогда, когда сама себе приказала закончить истерику и начала рассуждать логически. Как ни удивительно, пришла к тому же выводу, что и сестра – ей надо уезжать из этого дома. И немедленно! Она, действительно, и не жена Глебу, и не мать Ярику. Она любит Анюту, и Анюта любит её, но Анюта ребёнок, за неё решает отец. А что решит Глеб, когда увидит Катерину, Женя не знала. Они ни разу не говорили о своих взаимоотношениях, о своих чувствах. О *своих* – Глеба и Жени. Он даже ни разу не назвал её по имени – «Женя». Даже в постели, когда они были наедине, она всегда оставалась для него «Катюшей». Это ли не знак, что он, не смотря на предательство и ложь, до сих пор любит Катерину?

Женька решительно вытерла лицо и вышла из комнаты. Там её сторожила Антонина Алексеевна (она уже знала о приезде Екатерины):

– Далеко ли собралась?

– Я уезжаю. Антонина Алексеевна, берегите Анюту. Побойтесь о Ярике, ладно?

– Да, ты что, с дуба рухнула? – рассердилась Антонина

Алексеевна, – Твоя профурсетка-сестра появилась, и ты сразу бежишь? Не пуцу! Не позволю!

– Бессмысленно всё это. Она права. По документам жена она. И мать тоже. А я кто? Временный заместитель. Мы с Глебом так изначально и договаривались.

– Да ты хоть дождись его! Мало ли о чём вы договаривались год назад?!? Сколько за это время воды утекло!

– Не могу, Антонина Алексеевна, так больно, так больно! Вы же не всё знаете... Вы, хоть, меня не мучайте. Я и так еле держусь.

– Ну, и куда ты пойдёшь, на ночь глядя?

– Сниму номер в гостинице или на вокзале переночую, а там решу.

– Ещё чего, на вокзале ночевать! – решительно возразила Антонина Алексеевна, – На-ка, возьми ключ от моей квартиры, там пока поживи! Может это и правильно, пусть Глеб Николаевич сам эту кашу расхлёбывает. Только дай мне слово, что не исчезнешь в неизвестном направлении!

Женька обречённо кивнула и позволила проводить себя вниз. Оделась, как сомнамбула, дошла до ворот и застыла без единой мысли в голове. Предупреждённый Антониной Алексеевной, Сергей Семёнович вызвал такси и сам озвучил адрес таксисту.

Наблюдая за понурой фигурой сестры из кабинета, у Екатерины в душе шевельнулось нечто вроде сожаления. Что-то

она увлеклась и переиграла. Женька так смешно сдувалась на глазах, что Екатерина не смогла остановиться. «Да ладно! – подумала она легкомысленно, – Весь мир театр и люди в нём актеры¹⁹. Встряхну это болото, а как уеду, им хоть что вспомнить будет!» Потому что оставаться она не собиралась.

Просто у неё образовалась парочка свободных дней между двумя заказами на работу переводчицы с эскортом¹⁸ в России, и она решила навестить Глеба и сестру. И заодно поразвлечься. Секс с ним, действительно, был очень даже на уровне, так что она не прочь была повторить. И посмотреть на реакцию Женьки. То, что свадьба состоялась, узнала из местной газетёнки, найденной в интернете. То, что в роли невесты вместо неё, Екатерины, выступила Женька, догадаться было не трудно. А вот как там у них варится всё внутри, откуда узнаешь? Стало любопытно.

¹⁶ – вид атипичного интенсивного и устойчивого сексуального интереса, заключающегося в достижении полового удовлетворения посредством душевного или физического страдания, причиняемого партнёру или самому себе в процессе партнёрских взаимоотношений (*из Википедии*)

¹⁹ – традиционно, автором этой крылатой фразы считается Уильям Шекспир, но первоисточником его слов на самом деле были сочинения римского писателя Гая Петрония – его строка из сочинения в переводе с латинского звучит

так: "Весь мир занимается лицедейством". А фраза «Весь мир играет комедию» на латинском языке до сих пор украшает здание театра «Глобус», для которого Шекспир и писал свои пьесы. У Шекспира в пьесе «Как вам это понравится?» дословно эта фраза звучит так:

«Весь мир – театр.

В нем женщины, мужчины – все актеры.

У них есть выходы, уходы.

И каждый не одну играет роль.

Семь действий в пьесе той.

Младенец, школьник, юноша, любовник,

Солдат, судья, старик...»

¹⁸ – девушка, оказывающая платные услуги бизнес-эскорта – делового сопровождения важных персон на каком-либо мероприятии, где не принято появляться одному, на официальных приемах, корпоративах и в иных публичных местах. Чаще всего – элитная профессиональная проститутка, отличающаяся привлекательной внешностью, интеллектом, изысканной одеждой и аксессуарами, знанием иностранных языков и тщательно составленной легендой о социальном положении.

16

После известия о возвращении Екатерины Глеба трясло и мотало из стороны в сторону как при езде на бешеной скоро-

сти по колдобинам. Первым порывом было кинуться домой и покончить с ней одним махом. Потом подумал – эге, нет уж, пусть потомится в одиночестве, ожидая встречи с ним.

Когда узнал об отъезде Женьки, хотел тотчас же броситься за ней вслед. Что ж так сразу ретировалась, едва Екатерина появилась на горизонте? Неужели этот год с ним ничего для неё не значит? А потом решил, что так даже лучше, без неё. Не даст ведь она ему расправиться с сестрой, пожалеет гадину, и он не сможет ей отказать. А расправиться надо было окончательно и бесповоротно, чтоб раз и навсегда, чтобы духу Екатерины в их жизни больше не было.

Развестись – не проблема, а вот как быть с Яриком? Сын ведь ей не нужен, но может принципиально забрать пацана, лишь бы сделать больно Жене. Прижать к ногтю, чтобы сама отказалась от родительских прав? Возможно... Но захочет ли этого Ярик?

А как хорошо, что довёл дело до конца с расследованием аварии! Вот она папочка, дождалась своего часа. Из неё и выжмем максимум того, что отвадит Екатерину от появления в их с Женей и детьми жизни до конца её дней. Надо будет только в памяти всё освежить и проверить посаженных на крючок свидетелей – не соскочили бы.

А вот заграничные дела Екатерины расследовались ни шатко, ни валко. На них Глеб внимание своих сотрудников не акцентировал. Надо бы исправить ситуацию. Екатерину в этой жизни интересует только её собственное Величество,

а оно обеспечивается деньгами. Их-то и надо бы у неё пощипать, ощутимо так пощипать, чтобы надолго запомнила «князька местного разлива», так она, кажется, о нём говорила? И не ради мести, а ради будущего для Ярика.

И Глеб позвонил Сергею Семёновичу, чтобы отдать распоряжение о возобновлении расследования. «Сделаем, Глеб Николаевич!», как всегда пообещал старый служака. Обещал и выполнял. «Семёныч, родной, не подведи и на этот раз!» А сам отправился к Ярику.

Ярик обрадовался приходу Глеба. Какой день у него сегодня хороший – и мама Женя (он её так всегда называл про себя) и дядя Глеб (хотелось бы называть его «папой», но этого Ярик не смел даже в мыслях) его навестили. Потому что, честно говоря, каждый раз отправляясь на очередной этап лечения в больницу, Ярик боялся, что его тут и оставят, больше не приедут, домой не заберут. Но тут оказалась новая беда.

– Ярослав! Ярик! Твоя мама вернулась, – беря его за руки, сказал Глеб.

Ярик вздрогнул, напрягся и отвернулся в сторону. Спросил тихо, еле слышно:

– Вы меня ей отдадите?

– Что значит «отдадите»? Ты же не вещь, чтобы тебя кому-нибудь отдавать. Просто, если она захочет тебя у нас забрать, я не смогу этому помешать. Она ведь твоя мама. По-

нимаешь? Но, если ты мне скажешь, что хочешь жить с нами – со мной, Женей, Анютой, я буду за тебя бороться.

Ярик кинулся к Глебу, крепко-крепко обхватил его ручонками за шею и сквозь набегающие слёзы страстно прошептал:

– Не отдавайте меня ей! Я с вами хочу!

Глеб и сам едва сдерживал слёзы.

– Ну-ну, малыш, успокойся! Ты же у нас мужчина! Ты же будешь держаться как мужчина, да?

Он гладил вздрагивающее хрупкое тело ребёнка, ребёнка, перед которым ставил взрослые вопросы, но иначе не мог. Так сложились обстоятельства.

– Ну, что, успокоился?

– Я не буду больше плакать никогда-никогда, – с испугом в глазах, заискивающе сказал Ярик, – Только заберите меня к себе!

– Ярослав, – строго, но не холодно произнёс Глеб, осторожно вытирая слёзы с его щёк большими пальцами, – мужчине не стыдно плакать, когда у него сердце разрывается от горя. Стыдно, когда мужчины от страха, из-за трусости плачут. Понял? А теперь давай договоримся окончательно. Если ты хочешь остаться с нами, то я буду твоим папой, Женя – мамой, Анюта – сестрой. Но мамы Кати у тебя больше не будет. Никогда. Пока ты не вырастешь, и сам, уже взрослым, решишь – хочешь ты с ней общаться или нет. Договорились? Ты не спеши, подумай – да или нет?

Глаза у Ярика загорелись, чувствовалось, что слова так и рвутся с его языка, но он сдерживал себя, сколько мог. Выдержал паузу и с достоинством произнёс:

– Да!

– Ну, всё, сын! Вот это я и хотел от тебя услышать!

И Глеб обнял Ярика и поцеловал его вихрастую макушку. Взъерошил ему волосы и сказал:

– И ещё – я тебе буду звонить каждый день, приезжать, как только смогу, но ни Женя, ни Катя к тебе в клинику приходить не будут. Они ведь так похожи, врачи их не различат, а я не хочу, чтобы Екатерина сюда пробралась и выкрала тебя. Потерпишь?

Ярик кивнул головой, но в глазах его опять появилось испуганное выражение.

– Но вы меня отсюда заберёте? В больнице не оставите?

– Конечно, нет, сынок! Как твоё лечение закончится, я отправлю вас с Анютой и няней куда-нибудь вместе. А мы за это время уладим все дела с Екатериной. Договорились?

С тяжёлым сердцем уходил Глеб из клиники. Такая ярость бушевала в душе! Вот тварь! Дрянь! Ведь это ж надо было так довести пацана!

Ещё больше Глеб разозлился, когда просмотрел видеозапись разговора Екатерины с Женей. Не удивительно, что та сбежала, не оглядываясь. Потерпи, девочка моя. Я так прижму эту гадюку, что она не то, что в ужа без яда – в земляного червя, жука навозного, превратится.

Полночи, чтобы сбросить напряжение, Глеб колот дрова. Руки работали, спина ныла, пот валил градом, а голова была ясная, холодная, мысли колючие, жестокие...

17

Что-то пока всё происходило не так, как хотелось Екатерине. После выскочившей от неё в смятении Женьки, в кабинет долго никто не заходил. Терпение не являлось одной из добродетелей Катиного характера, и потому она возмутилась – какого хрена она покорно сидит в этой комнате? Екатерина решительно встала и пошла к выходу. Дверь оказалась заперта. Она что, в плену??? Или Глеб настолько боится потерять её вновь, что велел держать её взаперти до своего возвращения домой? И, кстати, пора бы ему уже вернуться!

В унисон Катиным мыслям в двери стал проворачиваться ключ. Но, к её разочарованию, это опять был начальник охраны, а не Глеб. Сергей Семёнович вежливо попросил Екатерину следовать за ним. Уважительное отношение со стороны слуги Екатерине понравилось – то-то, знай своё место, а то, ишь ты, уточнять он вздумал – пускать хозяйку в дом или не пускать! Понравилось и то, что её провели в спальню – идеально чистую и с огромной кроватью в центре, заправленной пахнущим свежестью бельём. Так вот из-за чего была задержка! Готовили достойную хозяйки комнату! И Екатерина великодушно простила Глебу время, прове-

дённное в запертом кабинете.

А дальше... Дальше ничего не было. Екатерина улеглась в постель, несколько раз меняла позы, выбирая наилучший ракурс, в котором её должен был застать Глеб, да так и заснула, не дождавшись его.

Зато он был первым, кого Екатерина увидела, когда проснулась. Глеб стоял, сложив руки в замок и опираясь плечом на притолоку двери. Глядел исподлобья. И был таким сексуальным, что у Екатерины вылетели из головы все претензии, которые она хотела обрушить на его голову.

– Иди ко мне! – сказала она, откидывая край одеяла, – Я соскучилась!

– Ещё бы! – усмехнулся недобро Глеб, – Целый год не виделись!

– Ты тоже заставил себя ждать! – возразила Екатерина.

– Одевайся! – не стал развивать тему, кто кого дольше ждал, Глеб, – Жду тебя в столовой на завтраке.

И ушёл.

«Какие мы обидчивые!» – пожалала плечами Екатерина. Но расстраиваться по этому поводу не собиралась. Знала, что стоило ей до него дотронуться, игриво провести пальчиками по спине, ласково погладить по щеке, и мужчина растает, воспламенится, и все барьеры между ними будут сметены. И он превратится в страстного, но вполне управляемого любовника.

Стол в столовой был накрыт на двоих, слуг было не видно.
– А где Аня? – поинтересовалась Екатерина.

Ей, в общем-то, было фиолетово¹⁹, где находилась его дочь, но надо же было показать свою заинтересованность?

– А какая тебе разница, где находится моя «капризная девчонка»?

Екатерина насторожилась. Она уже, конечно, не помнила, что она говорила год назад, но Глеб явно цитировал её слова. «Женька!» – догадалась Екатерина. Кто кроме сестры мог налить в уши Глеба про неё гадости? Правда, на эту святошу не похоже. Но, с другой стороны, влюблённая женщина, а Женька, в церковь не ходи, обтекала по Глебу, ещё и не на такое была способна!

Екатерина решила сменить тему и спросила о сыне:

– Как дела у Ярика?

– А они тебя интересуют? – колко ответил вопросом на вопрос Глеб.

– Я его мать! – сказала Екатерина, начиная закипать.

– Что-то не очень ты об этом думала, когда сбегала из нашего «захолустного городишки».

«Ну, точно – Женька! Предательница!» – окончательно убедилась Екатерина.

– И всё-таки? – произнесла она холодно.

– Сделали три операции. Удачно, – решил ответить Глеб, – Сейчас на реабилитации. Ходить будет.

– Спасибо большое, – как можно проникновеннее сказа-

ла Екатерина и потянулась накрыть своей ладонью руку Глеба, – Я нисколько в тебе не сомневалась.

Глеб руку убрал и холодно произнёс:

– Пригодился «князёк местного разлива»?

– Я не понимаю! Ты как будто меня в чём-то упрекаешь? – возмутилась Екатерина, – Если есть ко мне претензии – скажи прямо! Мы всё обговорим, разъясним и пойдём дальше.

– В светлое и счастливое *совместное* будущее? – съехидничал Глеб.

– Всё будет так, как ты захочешь! – проворковала Екатерина, томно потянулась, как ласковая кошечка, посмотрела зазывным взглядом с поволокой.

Только все её ухищрения уже не действовали на Глеба, он знал их истинную цену.

– Пойдём! Покажу тебе документы, а потом скажу, чего я хочу! – сказал он, как отрезал, и поднялся из-за стола.

В кабинете на столе перед Екатериной оказались две папки. Глеб уселся напротив неё и пододвинул левую папку. Она раскрыла её, и документы поплыли у неё перед глазами. В папке находилось дело об аварии четырёхлетней давности. То дело, за уничтожение которого она заплатила бешеные деньги, почти всё, что у неё было накоплено на тот момент.

Там было всё. И аккуратная подборка документов, собранная следователем, с показаниями потерпевших и её признательными показаниями. (Шантаж – дело очень соблазнительное и самая лёгкая форма получения шальных денег, что

не раз уже было проверено тёртым следаком, действительно изъявшим дело Измайловой Е.А. из официальных документов и отложившего его на «потом», на «старость», для создания подушки безопасности после выхода на пенсию).

И свеженькая фотография её искорёженной машины, которую в утиль под каток обещал отдать Сашка Морозов. И его свидетельские показания, где он со вкусом описывал – когда, по какому поводу и с какой просьбой обратилась к нему Екатерина. И как с ним расплатилась. (Сашка тоже собирался шантажировать одноклассницу, не собираясь вляпываться в противоправные действия по уничтожению улики. Только, в отличие от следователя, «взятку» рассчитывал получить натурой – горячим, опытным телом Екатерины).

И заключение врача об осмотре 4-х летнего Ярослава Смирнова через 3 месяца после аварии, подписанное Константином Корчагиным. (Бумага была «липой», поскольку одноклассник Женьки сотрудничать с людьми Глеба категорически отказался. Снимки и описание неправильно сросшихся костей ног Ярика были скопированы с документов из Реабилитационного центра, куда поместила племянника Женька уже после отъезда Екатерины за границу, а подпись Корчагина и его личная печать врача были перенесены методом фотошопа с рецептов, которые он выписывал своим пациентам)

Строчки документов расплывались перед глазами Екатерины, но она держалась. А вот когда в её руках оказалась

бумага с тестом ДНК на отца Ярика, её скрутил животный страх. На заре её карьеры эскортницы, заехав как-то в гости к родителям в Пензу, она попала в руки местного криминального авторитета. Академик²⁰, заплатив хrustы²¹, посчитал, что может делать с амарой²² всё, что ему угодно. И насиловал – как хотел, когда хотел, сколько хотел. Хитрости Екатерины на него не действовали. Её мольбы о пощаде вызывали только презрение. Её крики боли доставляли дополнительное удовольствие. Её покорность обеспечивалась страхом перед угрозой пойти в общак, для общего пользования ещё около двадцати мужиков, болтающихся в берлоге²³.

То, что Екатерина выжила, и то, что Академик, пресытившись, отпустил её на свободу – было чудом. И уроком ей на всю оставшуюся жизнь. Нет, проституцию она не бросила (чем ещё она могла зарабатывать себе на сытую и красивую жизнь, не работой же продавщицы или официантки?), но стала очень осторожной, тщательно проверяя клиентов, прежде чем дать согласие на вызов.

Многодневное насилие не осталось без последствий. Екатерина забеременела. Как только это поняла – отправилась на аборт. Но сделать его ей не позволили. Увели прямо из гинекологического кабинета и популярно объяснили, что с наследниками Академика надо обращаться трепетно, но при этом не дай бог кому-нибудь обмолвиться, кто отец. Екатерина испугалась и рванула обратно в Москву, посчитав, что

в многомиллионном городе сможет затеряться или туда не дотянутся руки местечкового авторитета.

Пока металась, время для аборта было упущено. Она решила родить и оставить ребёнка в роддоме. Но и этому не суждено было сбыться. Сына она родила ночью, а уже утром ей в палату принесли букет цветов с запиской – «Назови Ярослав». Екатерина поняла, что скрыться не удалось, она «под колпаком» и смирилась...

Последним в первой папке лежал листочек с перечислением статей Уголовного Кодекса, которые она нарушила, и указанием сроков наказания: статья 327 «Вождение транспортного средства с поддельными документами» – до 2-х лет исправительных работ, статья 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности» – лишение свободы на срок до 2-х лет и возмещение материального ущерба потерпевшим, статья 125 «Оставление в опасности» – лишение свободы на срок до 2-х лет, статья 291 «Дача взятки» – лишение свободы на срок до 2-х лет со штрафом в размере от 5-кратной до 10-кратной суммы взятки, статья 159 «Мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину» – лишение свободы на срок до 5-и лет.

Первые четыре статьи, указанные в бумаге, Екатерине были знакомы. Гад Морозов просветил. А вот 159-я – это было что-то новенькое. Она спросила о ней Глеба. Тот с охотой

пояснил:

– Ваша с сестрицей афёра со свадьбой. Думаешь, я это спущу на тормозах?

– Со свадьбы сбежала, не спорю. Но причём тут афёра? Насколько я понимаю, ты сам заставил Женьку выступить в моей роли?

– А у меня найдётся масса свидетелей, что я слыхом не слыхивал о подмене. И я сам, и все гости на свадьбе, и все мои слуги были уверены, что она – это ты. Пока вы не решили обратно поменяться местами, и тут-то мы вас и подловили. Как тебе такая версия событий?

– Но ведь тогда и Женька пострадает? И в даче взятки она участвовала...

– И что? Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору только усугубляет их положение и увеличивает наказание.

– А я думала...

– Что «думала»? Что я так и останусь ослом с килограммами лапши на ушах? – рассмеялся Глеб.

Екатерина думала, что между Женькой и Глебом всё сладилось. И это она считала некой гарантией, что ничего плохого Глеб ей не сделает, побоясь зацепить тем самым и Женьку. Но, видимо, это только Женька влюбилась в Глеба, а он её просто использует.

– Что ты хочешь? – хрипло спросила Екатерина после паузы.

– Вот это деловой разговор, – продолжил веселиться Глеб, – Вот здесь то небольшое, что я от тебя хочу, – сказал он, пододвигая ближе к Екатерине правую папку.

Документов во второй папке было, действительно, не много – всего три листочка. Согласие на расторжение брака между Измайловой Екатериной Алексеевной и Шестопаловым Глебом Николаевичем. Заявление об отказе от родительских прав Измайловой Екатерины Алексеевны по отношению к Измайлову Ярославу Эдуардовичу. И длинный перечень материальных претензий на весьма крупную сумму, включающий в себя: алименты на несовершеннолетнего Ярослава Измайлова, накопившиеся за последние четыре года; возвращение денег Измайловой Евгении Алексеевне за проданную квартиру; скрупулёзно подсчитанная сумма, на которую были приобретены подарки Екатерине до свадьбы; стоимость самой свадьбы; стоимость оплаченного лечения и реабилитации Ярика; стоимость содержания в течение года Ярика и Женьки. И, наконец, вишенка на торте – возмещение морального ущерба, которое Глеб оценил суммой в 5 раз превышающей сумму всех предыдущих трат.

– У меня нет таких денег, – помертвевшим голосом произнесла Екатерина.

– Ну как же «нет»? – возразил Глеб, – А квартира в Париже? А если ещё хорошенечко подумать? Может, ещё что найдётся?

Глеб не знал, есть ли ещё что за душой Екатерины. В ма-

териальном плане, конечно, в духовном и так было понятно, что ничего там нет. Одна пустота. Вакуум. Но по её реакции понял, что есть. А, значит, Семёнычу не придётся перебирать пустую руду.

У Екатерины, и правда, был ещё счёт на кругленькую сумму в банке и вилла на Лазурном берегу. Всего этого она добилась непосильным трудом, собственным телом и мозгами, и не собиралась за просто так отдавать наглому князьку местного разлива.

– Да я лучше в суд пойду! – прошипела Екатерина, – И ещё не известно, чем он закончится! Найму хорошего адвоката, он вмиг дело развалит. Аварию за давностью лет и рассматривать не будут – компенсацию пострадавшим я выплатила, а Ярик... Откуда мне знать, может, ты сам ему ноги переломал в моё отсутствие? Следователю не с руки во взятке признаваться. Женька никогда против меня свидетельствовать не будет... Так что хватит с тебя моего согласия на развод и лишение родительских прав.

– Значит, деньги на «хорошего» адвоката у тебя есть, а на выплату компенсации нет? – задумчиво произнёс Глеб, попутно размышляя о том, что он несколько не удивлён согласию Екатерины перестать числиться матерью и её отчаянно-неприятно денежных потерь, – Позволь я тебе объясню, что будет с тобой, если ты не согласишься на *все* мои условия, – издевательски добавил он, – У меня тут недалеко есть один подвальчик... Такой, знаешь, звуконепроницаемый. Я

тебя туда помещу, и буду посещать раз, скажем, в неделю, подкармливать, чтоб не сдохла. И сидеть тебе в нём пока не согласишься на всё. Пока все деньги до копейки не отдашь. А долг-то расти будет! Содержание, проценты за неустойку, ну, и так далее. А сдохнешь или с ума сойдёшь, так всё равно мне всё достанется. Наследников твоих всего двое, и те в моей власти.

– Ничего у тебя не выйдет, – как-то неуверенно возразила Екатерина, – Меня искать будут и найдут.

– Кто? Родители? Ты когда им последний раз звонила?

– Женька, – обречённо прошептала Екатерина, понимая, что с родителями не общалась уже года три-четыре, а то и больше – с тех пор, когда сбежала от Академика из Пензы, а это значит больше восьми лет.

– Женьке я скажу, что ты сбежала за границу. Она поверит, ведь тебе не впервой сваливать на неё свои проблемы, не так ли? И потом, выбирая между тобой и Яриком, как думаешь, кого она предпочтёт? То-то! – усмехнулся победно Глеб, глядя на понуро сидящую перед ним Екатерину, – Ну, что? Сразу в подвальчик или ещё подумаешь в комфортной обстановке? Прочувствуешь, так сказать, чего будешь лишена?

– Подумаю, – пробурчала Екатерина.

Но когда они вышли из кабинета, что есть силы оттолкнула Глеба, и побежала по лестнице вниз к центральному выходу. Глеб за ней не последовал. Такой исход переговоров

он предполагал как один из возможных вариантов, а потому предпринял предупреждающие меры. Все двери, к которым подбегала Екатерина оказывались закрыты. Она орала, стучала ногами, колотила кулаками в стекло. Всё без толку – в доме никого, кроме них с Глебом не было. Хозяин отправил всех домашних слуг в недельный отпуск, а дочь с няней – на городскую квартиру. То, что происходило в доме, не видно было с улицы из-за тонированных стёкол. Звук изнутри не проникал наружу. Екатерина металась по этажам как загнанный заяц, уже не соображая, где она находится, пока не залетела в спальню, где провела предыдущую ночь. Дверь за ней захлопнулась. Зайчик попался в клетку. Откуда-то сверху голос Глеба произнёс: «Вижу, ты всё-таки решила подумать о моих условиях в комфорте!»

Екатерина в отчаянии бросилась на кровать и разрыдалась.

Одно тревожило Глеба – простит ли его Женя, если когда-нибудь узнает, как он обошёлся с её сестрой?

¹⁹ – фиолетовый цвет в психологии указывает на содержательность внутреннего мира, самодостаточность личности и ее отстраненность от окружения. Поэтому возникновение фразеологизма «мне фиолетово», т.е. «абсолютно безразлично, неинтересно, все равно» очень логично – человек сосредоточен на том, что происходит внутри него, и все

остальное ему фиолетово. Фиолетовый – это цвет, к которому нельзя быть равнодушным, но сам он при этом остается холодным и безучастным.

²⁰ – на блатном жаргоне – «опытный преступник, авторитет»

²¹ – на блатном жаргоне – «деньги»

²² – на блатном жаргоне – «проститутка»

²³ – на блатном жаргоне – «квартира главаря»

18

Если бы Женьку кто-нибудь спросил, что она делала целый день вчера и сегодня ночью, она бы не смогла ответить. После появления Катерины Женька чувствовала себя разбитой, уничтоженной. Как будто ехала на высокой скорости и вдруг переднее колесо попало в неприметную ямку на дороге, велосипед перевернулся, Женька сделала кульбит в воздухе и шмякнулась о землю. Среагировать, сгруппироваться не успела, так это было неожиданно. И вот лежит она на дороге, понимает, что живая, а шевельнуться боится, а вдруг всё переломано? И как тогда жить дальше? Кто поможет встать? Одна она осталась. Совсем одна. Без родных, любимых людей. Без цели в жизни...

И тут, о, чудо! Звонок в дверь. Поневоле приходится встать и тащить себя к двери. Но с каждым шагом к Жень-

ке возвращается жизнь. Потому что кто ещё там, за дверью, может быть кроме Глеба?!

– Ох, Женя-Женечка, что ж теперь будет-то, а? – с такими словами в собственную квартиру входит Антонина Алексеевна.

– Как там у вас дела? – с жадным интересом спрашивает Женька.

– Да какие дела?! – всплёскивает руками Антонина Алексеевна, – Как сажа бела! Глеб Николаевич злой, как чёрт. С утра ни свет, ни заря всех разогнал. Нас вот с Анютой в городскую квартиру отправил. Надолго – не сказал. Впопыхах в машину вещи покидали и отчалили. Ох, Женечка, зря ты, всё-таки, уехала. Ведь сладилось у вас всё последнее время. Приехал бы, поговорили, глядишь, и уезжать не пришлось бы.

– А обо мне он спрашивал? – с робкой надеждой интересуется Женька.

– Я спросила – «А как же Женечка?». А он мне, с горечью так – «А где она, Женя? Вы её видите? Я что-то нет. Была и вся вышла» Только по дороге велел к тебе заехать, пакет передать. На, вот, держи!

Женька крутит в руках пакет, не решаясь открыть его при Антонине Алексеевне.

– А кто же в доме остался?

– Он да Екатерина. Вдвоём.

– А Ярик? У него же через неделю курс заканчивается.

Катерина готовить не умеет. И убраться в доме не захочет. И как же ребёнок?

– Не знаю, – хмурится Антонина Алексеевна, – Катерина мать, всё-таки. Да и Глеб Николаевич мальчика не бросит на произвол судьбы. Как-нибудь разберутся. По-семейному. Ну, ладно, пошла я, а то там, в машине, Аня спит. Проснётся в незнакомом месте – испугается. Как обустроимся на новом месте – позвоню.

Антонина Алексеевна обнимает Женю и уходит. Женьку больно резануло по сердцу сказанное ею «по-семейному», относящееся не к ней, Женьке, а к Катерине и Глебу, и потому она не сразу соображает, что телефона-то у неё нет. Как отобрал его ещё перед свадьбой Глеб, так и не возвращал. Сидючи дома, он был Женьке не нужен, а в гости они с Глебом всегда вместе выходили. Но, может, телефон в пакете? И Женька торопливо разрывает упаковку пакета. Там находятся: её личные документы и деньги. Накопленные ею 300 тысяч. Не тронутые им, и в том же конверте. Ни её старого телефона, ни документов Ярика в пакете нет.

И Женька понимает, что её вычеркнули из жизни и Глеба, и племянника, и Анюты, и даже сестры. У них начинается новая жизнь, в которой она не нужна, объявлена персоной нон грата. И Женька садится на пол, и горько-горько плачет.

Через 3 недели Женька уехала из Калуги. Вернулась в любимый Питер после четырёх лет отсутствия. Вернулась, что-

бы начать опять всё с нуля, поскольку в Нова Вита её не ждали, и крыши над головой не было. Она могла бы спокойно прожить в Калуге даже без работы целый год – много ли ей одной надо? Но решила разрубить этот узел судьбы одним махом.

Принятию столь кардинального решения способствовали 2 обстоятельства. Первое – её не пустили в клинику к Ярику. Она пошла к нему на следующий день после визита Антонины Алексеевны, но ей сказали – «Пускать никого не велено, извините!»

А второе – она обнаружила, что беременна. И это наиболее счастливейшее событие для любой настоящей женщины придало ей силы, вернуло смысл её существования, отодвинуло на задний план обиды, разочарования и боль от неразделённой любви.

19

Как Глеб ни торопился, справиться с Екатериной удалось только за 7 месяцев. Бумаги о разводе и отказе от родительских прав она подписала быстро, хватило одной ночи в подвале. (В разводе и сама Екатерина была заинтересована. Мало ли, попадётся какой-нибудь удачный вариант замужества, не век же ей эскортничать, а тут тащись в Россию, разбирайся с этим фиктивным браком. А отказ от родительских прав на Ярика избавлял Екатерину от обязательств перед Аристо-

кратом. Если что, она не причём, бывший муж заставил отказаться от ребёнка, к нему все вопросы) А вот за деньги сражалась как львица. Глеб несколько раз сажал её в подвал и возвращал обратно в спальню. Она соглашалась на всё, но как только попадала в комфортные условия, тут же начинала торговаться.

Глебу, в общем-то, было наплевать на её деньги, но он прекрасно понимал, что Екатерина, как ребёнок, испытывающий границы терпения родителей, стоило ему уступить хоть на толику, тут же сядет на шею. В случае с Екатериной это означало, что она постарается отомстить, отыграть назад то, что потеряла, будет портить им с Женей жизнь до конца своих дней. Екатерину надо было так напугать, так убедить в собственном могуществе, чтобы она не смела и помыслить приблизиться к их семье, обходила их по крутой дуге. Дрожала от страха. Как от Академика, которого бояться было уже незачем. Его приشلёпнули больше года назад во время бандитских разборок. Тем, кто знал об ещё одном его наследнике, если и были ещё живы, выгоднее было молчать, чтобы не попасть под разборки остальных. Но Екатерина не знала об избавлении от лап Академика, и страшилась его тени до трясучки.

Окончательно сдалась Екатерина через 3 месяца. Что было последней каплей её терпения – найденная Семёнычем вилла на Лазурном берегу и страх, что следующим этапом тот выйдет на её счета в банке? Длительное отсутствие сек-

са, из-за чего она лезла на стенку? Её растолстевшее из-за отсутствия движения тело, не влезающее в шмотки? Её поплывшее без косметических процедур и ножниц парикмахера отражение в зеркале? Видимо, всё вместе.

Ещё 4 месяца ушло на продажу квартиры в Париже и виллы на Лазурном берегу, оформление бумаг о передачи недвижимости покупателям и перевод денег на счета Глеба. Завершающим аккордом Глеб лично посадил Екатерину в самолёт до Лондона. «Я тебя ненавижу!», – сказала она ему на прощание. «А я тебя обожаю! – с издёвкой ответил он, – Но не дай бог, чтобы ты ещё раз встретила мне на пути». Сказанное с улыбкой от уха до уха и арктическим холодом в глазах, пробрало Екатерину до дрожи.

Глеб дождался вылета Каткиного самолёта, а потом переехал из Шереметьево в Домодедово, откуда ближайшим рейсом отправился в Питер. К Жене.

20

То, что Женя вернулась в Питер, Глеб знал. То, что за долгие месяцы разлуки в её жизни мог появиться другой мужчина, допускал (ничего, отобьём!). Но то, что она окажется беременной, глубоко, так сказать, беременной, было для него полной неожиданностью.

Женька ожидала прихода хозяйки квартиры. Разговор предстоял неприятный. Хозяйка настаивала на разрыве до-

говора аренды – не хотела жилищку с ребёнком. Женька надеялась её уговорить. Но вместо хозяйки на пороге оказался Глеб. Тот, кого она очень хотела, но не надеялась увидеть.

– Я так понимаю, что ставить меня в известность ты не собиралась? – спросил он, кивая на её огромный живот.

У Женьки вертелось на языке спросить – и как бы она это сделала? Телефон он ей не вернул, его номера она наизусть не знает. После того, как запретил пускать её к Ярику, унижаться, бегая за ним по офису или стоя перед закрытыми воротами загородного дома? Нет, уж, увольте! Но всего этого Женька не сказала, потому что ответ был коротким и одним и тем же в любом случае. Так зачем же опускаться до объяснений?

– Нет.

– Какого чёрта ты берёшь на себя решения, если это касается нас двоих?

– А ты по какому праву каждый раз на меня наезжаешь? – закусила удила Женька. У неё вообще последнее время между мыслями, чувствами и их выражением расстояние было короткое, – Ты мне кто?

А, действительно, кто? Да никто – ни сват, ни брат, ни муж, ни любовник. Но это пока. Глеб очень хотел стать для Жени всем. И побыстрее. А потому планировал объясниться и тотчас же вернуться вместе с ней домой, к детям. А тут такое дело... Как теперь возвращаться? На самолёте быстро, но опасно. В машине растрясёт. Разве что на поезде?

– У тебя какой срок? Рожать когда?

– Что, хочешь удостовериться твой это ребёнок или нет? – съязвила Женька.

– Какие же вы с сестрой... Характеры вредные – не дай бог! – возмутился Глеб.

Женька аж задохнулась от обиды. Не за себя! Он скоро отцом станет, а единственное, что его волнует, это взаимоотношения с бабами (то, что она одна из этих самых «баб» Женьку ничуть не смутило). Ясно же, что с Катериной поспорился, вот и примотал к ней, Жене. Женская логика отягощённая беременностью.

– Послушайте, Глеб Николаевич! Я не обязана выслушивать Ваши инсинуации. Катитесь к своей жене и ей читайте нотации!

И захлопнула дверь перед носом Глеба.

А потом наблюдала за ним из окна. Глеб уселся на детские качели и машинально раскачивался мыском ботинка о землю. Глядя на его поникшую фигуру, Женьке даже его жалко стало. И чего она на него наехала? Он, правда, сам первый начал. Но она могла бы сдержаться, как мудрая женщина?! И не поговорили толком. Не из-за ссоры же с Катериной он проделал путь от Калуги до Питера в восемьсот километров?!

А Глеб улыбался. До его осознания, наконец, дошло, что скоро он снова станет отцом. Ребёнок от любимой женщи-

ны... Зачатый любовью, а не ради попытки скрепить семью, как Анята. Анята, любимая дочка. Аняте уже 4 года, а он всё помнит, как будто было это только вчера... И, в тоже время, так давно, в какой-то другой жизни...

Свой ужас, когда ему сообщили об аварии, в которую попали его жена и годовалая малышка. Своё облегчение, когда ему сказали, что дочка не пострадала, а за жизнь его жены борются врачи. Свою растерянность, когда надо было кормить Аняту (Чем? Чем, прости господи, кормят годовалых малышей? И как?), менять ей подгузники (по ощущениям Глеба, еда проскакивала через крохотное тельце ребёнка не задерживаясь, как вода из рассечённого надвое коня барона Мюнхаузена, а на вес, так выходило даже больше, чем съедлось) и одновременно заниматься похоронами жены и не выпускать из поля зрения свой бизнес. Все его предыдущие «страдания» во время беременности жены, её капризы, её слезливость, её ревность и бессонные ночи после рождения ребёнка, показались ему тогда сущими пустяками.

А кто Жене помогал, когда ей, вдруг, среди ночи, вынь да положь, как хотелось малосольных огурчиков? А кто подхватывал её, когда она теряла сознание? А кто успокаивал её, убеждал в своей любви, когда она плакала после того, как замечала в зеркале очередное пятно на своём лице или распухший нос?

Чёрт, сколько же всего он уже пропустил! И первое УЗИ, на котором вообще ещё ничего не понятно. И округливший-

ся Женькин живот – вроде беременность уже точно есть, но внешне ничего не видно, и вдруг, в одночасье, вот же он – твёрдый, натянутый, какой-то сияющий изнутри. И первое шевеление ребёнка. И повторный снимок, где уже ясно видна головка, ручки, ножки. Только пол не понятен. Шифруется, хитрюга! И кого он за всё это должен благодарить??? Екатерину! Чёрт, и здесь ей удалось ему подгадить!

Но больше он не намерен терять ни дня! Слава тебе, господи, что успел до родов! И Глеб решительно встал с качелей...

Женька увидела, как Глеб решительно уходит, и испугалась, что никогда-никогда его больше не увидит. Заметалась по квартире в поисках одежды... Надо обязательно его догнать. Вопрос жизни и смерти!

Глеб только поднёс руку к звонку, как дверь распахнулась. На пороге стояла какая-то всклокоченная Женя и смотрела на него округлившимися от страха глазами.

– Давай начнём сначала? – спросил её Глеб.

Женька не поняла, к чему относился вопрос – к неудачно начатому разговору или вообще к их вывернутым сикось-накось отношениям, но в любом случае была рада, что Глеб вернулся. Она отступила на шаг от двери и сделала приглашающий жест рукой. Глеб осторожно обошёл по дуге её большой живот и двинулся в кухню. И там поспешил выло-

жить перед ней два документа – о разводе и о лишении Екатерины родительских прав.

Первый Женя восприняла равнодушно, во всяком случае, никакие эмоции на её лице не отразились. А второй вывел её из себя, у неё задрожали руки, и листок с постановлением суда пошел мелкой рябью.

– Где сейчас Ярик? – спросила она глухим голосом, поднимая на Глеба глаза, помертвевшие от тревоги за племянника.

– Дома, – недоумённо ответил, озадаченный её реакцией, Глеб.

– Дома – это где?

– Дома, это – дома, с Анютой, – уточнил Глеб.

– Ты усыновил его? – воскликнула Женя.

– Не дали, – вздохнул Глеб, – Пока только опеку разрешили оформить.

– Ой! – скривилась от боли Женя и схватилась за спину.

– Ты чего? – испугался Глеб.

– Пинаются футболисты, – пояснила Женя, ласково глядя одной рукой живот, – Последнее время так больно по почкам бьют, аж, искры из глаз.

– Постой! Ты сказала «футболисты»?

– Ага! Их двое! Мальчики! – кивнула Женя, и её счастливая улыбка осветила кухню.

– Женя! Женечка! – кинулся к ней Глеб.

Присел, прижался щекой к её животу, обхватил руками.

Женя заплакала. Положила свои руки на непокорный ёжик его волос. Она столько раз мечтала об этом... Столько раз воображала, как бы было, если бы они были вместе, не расставались, были семьёй. Как бы он обрадовался, узнав о её беременности. И вот это свершилось.

– Ух, ты, толкнулся, – пришёл в восторг Глеб, почувствовав удар изнутри, и поднял сияющие глаза на Женю, – Ты плачешь? – заволновался он, – Больно?

– Нет-нет! Всё хорошо! – поспешила успокоить его Женя, – Ты вернулся, и всё хорошо!

– Так когда, всё-таки, роды? Мы сможем вернуться в Калугу?

«Так вот почему он спрашивал о сроках, – поняла Женя, – Волнуется, как я дорогу перенесу». И ей стало стыдно за свою грубость.

– У нас ещё целый месяц впереди, – сказала она, продолжая ласково гладить его волосы, не могла оторваться от него хоть на миг.

– *Всего* месяц! – возразил Глеб, мгновенно возвращаясь к облику делового бизнесмена, – Свадьба. Найти самый лучший роддом. Для начала надо ещё домой на чём-то добратся, а ты говоришь – много времени.

И он начал названивать по телефону, отдавая распоряжения. В первую очередь Сергею Семёновичу и Антонине Алексеевне – о подготовке комнаты для малышей и поисках самого опытного гинеколога и самого лучшего роддома. По-

том на Московский вокзал о покупке двух билетов на ближайший поезд до Калуги в вагон СВ. В Центральный ЗАГС Калуги об организации выездного бракосочетания на ближайшие выходные.

Когда со звонками было покончено, взглянул, наконец, на Женю. Та сидела нахмурившаяся, со сдвинутыми бровями и плотно сжатыми губами. «Что обещает её лицо?», – как нельзя кстати вспомнил он название стихотворения Бодлера.

– Что с тобой? Что опять не так?

– Всё не так! Меня обвиняешь, что я решаю за двоих, а сам? Может, у меня дела есть, и я не могу с бухты-барaxyты уехать? А свадьба? Ты даже не спросил, выйду я за тебя замуж или нет!

– Чёрт! Точно! Совсем забыл! – весело хлопнул себя по лбу Глеб, развернулся и выбежал из кухни.

А Женя так и осталась сидеть на табуретке, недоумённо хлопая ресницами. Совсем не такую реакцию она ждала от Глеба.

Глеб, между тем, уже вернулся на кухню. Бережно помог Жене подняться с табурета, и прямо глядя в её темные глаза, как будто пытался загипнотизировать, спросил:

– Ты выйдешь за меня замуж?

Не дожидаясь ответа, закрыл её рот поцелуем.

– Ты же выйдешь за меня замуж?! – почти потребовал Глеб, когда у обоих закончился воздух.

И снова не дал Жене возможности ответить словами,

опять прижался к её губам ртом. И длил, и длил поцелуй, пока не почувствовал, что она окончательно оттаяла, размягчилась, растеклась.

– У меня ноги подкашиваются, я сейчас упаду, – прошептала Женя, тяжело дыша, когда Глеб, наконец, освободил её губы.

– Ничего! Теперь у тебя есть я! Я никогда не позволю тебе упасть, – сказал Глеб ей на ушко, твёрдо и, в тоже время, осторожно прижимая её к себе, – Пойдём-ка, сядем!

Они уселись на диван, и Женя уютно устроилась в его объятиях, положив голову на его плечо.

– Ты не давал мне говорить, – произнесла она, отдышавшись.

– Я подготавливал почву для правильного ответа, – парировал он.

– Вообще-то, в семье правильно, когда оба слушают и слышат друг друга, а не продавливают своё мнение без совета с супругом.

– Это из серии «сейчас я узнаю своё мнение у жены»? – скривился Глеб.

Женя хоть и не видела его лица, но прямо-таки ощущала его недовольство. Вот, уж, у кого зловредный характер. Домостроевец, и только!

– Глеб, послушай! – сказала серьёзным тоном Женька, отодвигаясь от его горячего тела, которое путало её мысли, и заглядывая ему в лицо, – Я люблю тебя, и мечтаю выйти за

тебя замуж, но у нас ничего не получится, если ты и дальше будешь обращаться со мной, как с подчинённой, а не с равноправным партнёром. Понимаешь?

Глеб сглотнул, услышав простое и безыскусное признание в любви, глубоко вздохнул и ответил:

– Мне не нравится твоё сравнение нас с партнёрами, как на работе...

– А семья и счастье это и есть трудная совместная работа.

– Пусть так! Не будем спорить о формулировках. И... Я постараюсь учитывать твоё мнение. Только у меня сразу это не получится.

– Так, может, давай прямо сейчас и попробуем?

– Э, нет! Сначала хочу услышать «да». Закрой глаза. Ну, закрой глаза, пожалуйста. Вот так. Хорошо. Твои веки тяжелеют, – как завзятый гипнотизёр протяжно произносит Глеб, – Тело расслабляется. Ты погружаешься в сладкий сон о нашей будущей жизни. Да?

– Да! – эхом повторяет Женька, и не выдерживает, смеётся и открывает глаза.

– А ты сказала – «да»! – смеётся вместе с ней Глеб.

Шутки – шутками, но на её безымянном пальце левой руки поблёскивает всеми цветами радуги кольцо с бриллиантом изумительной чистоты. Женька недоумённо смотрит то на кольцо, то на Глеба, и не может понять, как кольцо так незаметно могло очутиться на её пальце.

А Глеб, как ни в чем не бывало, начинает деловито «со-

ветоваться»:

– Прямой поезд до Калуги отправляется ежедневно в пятнадцать тридцать. Какие у тебя возражения против отправления завтра?

– На самолёте быстрее, – аргументирует Женька.

– Исключено. Перегрузки. На девятом месяце это опасно. Сразу говорю, что машина тоже отпадает – растрясёт, что мы на трассе делать будем? Поезд – безальтернативно. Что тебе надо успеть сделать в Питере до отъезда?

– Собрать вещи, – как примерная ученица начинает перечислять Женька, – сняться с учёта в консультации, отдать ключи хозяйке квартиры...

Больше ничего не вспоминается, и она морщит лоб и даже закусывает губу, в тщетной попытке набрать аргументов побольше. Глеба всё это ужасно умиляет и немного смешит. Умиляет, потому что он любит Женю, и эту складочку на её лбу, предвестницу скорой морщины, тоже любит. А смешно ему, потому что... Да просто ему весело, ведь она сказала «да», и от этого ему море – по колено.

– Я тебе вещи за пять минут соберу. С учёта в консультации можно сняться по телефону или интернету. А хозяйка сама примчится, как только скажем, что уезжаем. Долг за квартиру есть?

– Нет! – машет головой Женька, – Уплачено за три месяца вперёд.

– Забей на деньги, – морщится Глеб, – Давай поедem зав-

тра, а? Нам уже СВ забронировали. Представляешь, мы с тобой только вдвоём. Вагон мерно качается, колёса постукивают о рельсы. Гранёный стакан чая в металлическом подстаканнике. А в нём чайная ложечка позвякивает. В четыре часа ночи мы уже в Калуге. Ярик, Анюта утром просыпаются, а их папа с мамой уже дома. Представляешь, как они обрадуются?

Женька так ярко представляет себе эту соблазнительную картину, что соглашается без звука.

– Так, переходим к следующему, – тут же продолжает дожимать ситуацию Глеб, – свадьба в ближайшие выходные. Нет, если, конечно, ты хочешь пышную свадьбу с морем гостей, с пупсами на лимузинах, ты только скажи...

– Прекрати ёрничать! – возмущаясь, перебивает его Женька, – Какие гости, какие лимузины в моём положении? Кроме того, такая свадьба у нас уже была.

– Вот и я о том же! Дети, домочадцы, парочка друзей и выездная регистраторша. Быстро. Скромно. По-домашнему. Мы приедем в среду. Роспись в воскресенье. Да у нас куча времени на организацию!

– Друзья, дети и домочадцы – это, конечно, хорошо, – тихо говорит Женька, – Но у меня, между прочим, ещё живы родители. Первая свадьба была спектаклем, а эта хочу, чтоб была настоящей. Может, давай отложим на после родов?

Глеб на секунду задумывается, а потом решительно машет головой:

– Нет! Надо чтобы дети родились уже в браке. И потом, какая свадьба с малышами? Придётся откладывать на целый год. А вот про твоих родителей я как-то упустил... Они же в Пензе? Насколько я помню, это около десяти часов на машине. Давай так – мы с ними созвонимся прямо сегодня. К каким выходным – этим или следующим, они согласятся приехать, на те и назначим. Договорились?

– Договорились! – кивает головой Женя.

Ей, конечно, хочется ещё покапризничать. Например, потребовать свадебное путешествие в Париж. Но она сама себя останавливает – ну какое путешествие с четырьмя детьми на руках? Лет так через десять, может быть. Не раньше.

– Итак, из проблем осталась одна хозяйка. Надеюсь, ты не сомневаешься в обаянии своего мужа, и мы эту проблему устраним на «раз»?

Уж, в чём-чём, а в обаянии Глеба Женька ничуть не сомневается, особенно, когда он смотрит на неё так ласково, с лукавым блеском в глазах и мальчишеской задорной улыбкой.

– Ну, что, как мои первые ученические успехи?

20

На следующий день Глеб и Женя выехали домой. Свадьбу сыграли в ближайшие выходные. На ней присутствовали – дети, домочадцы, Алексей с Аллой и родители Жени. Глеб

наизнанку вывернулся, но уговорил родителей Жени приехать. Не то чтобы он так, уж, стремился настоять на своём. Больше боялся вопросов Жени о сестре, о том, как, какими способами добился от неё развода и отказа от родительских прав, и потому торопился вступить в права мужа, считая, что, уж, со штампом в паспорте Женя никуда от него не денется, чтобы он там не совершил в прошлом. А Женьке и в голову не приходило об этом спрашивать. Она была уверена, что Катерина сама сбежала от Глеба, пресытившись скучной семейной жизнью.

21

В свадебное путешествие супруги отправились гораздо раньше, чем Женька рассчитывала. Ярику исполнилось 12 лет, Анюте – 8, близнецам Косте и Кириллу – по 3. Вся эта разношёрстная компания свалилась на плечи бабушки и дедушки, которые к этому времени окончательно перебрались из Пензы в Калугу по настоянию дочери и, особенно, зятя, и Антонины Алексеевны, которая совмещала в одном лице домоправительницу, няню, педагога и бабушку, став по-настоящему родным человеком.

Конечно, можно было и детей с собой захватить. Сводить в Диснейленд, в парк Франция в миниатюре, в музей восковых фигур Гревен. Но Глебу хотелось побыть с женой наедине. Большая шумная семья это здорово, но иногда уто-

нительно. Хочется и отдохнуть. А с детьми они ещё успеют и в Париж, и в Прагу, и в Лондон слетать.

Столкнуться в Париже с Екатериной Глеб не опасался. Он, уж, постарался довести до сведения её французских работодателей о незакрытом на неё уголовном деле в России. Да они и сами, после того, как она подвела их, не явившись к клиенту, и исчезла почти на год, не стали бы продлевать с ней контракт.

Екатерина это понимала, и потому, как только смогла снять свои накопления со счетов швейцарского банка, покинула Европу, перебравшись в Канаду – идеальное место с двумя государственными языками (английский и французский), которые она знала в совершенстве. Да и конкуренция среди девушек славянского происхождения здесь была на порядок ниже...

Париж встретил супругов прохладной пасмурной погодой. Женя с жадным интересом принялась рассматривать пейзажи за окном такси и, чем дальше, тем больше разочаровывалась. И дело было не в погоде, а в том, что за стеклом мелькали серые коробки зданий, остовы каких-то металлических конструкций, как будто они ехали по промышленной свалке. Нет, понятно, конечно, что аэропорт не находится в центре города, но ведь и Пулково далеко от Сенатской площади Санкт-Петербурга. Но у нас, когда едешь, такой заброшенности нет – поля, развязки, гипермаркеты, вынесенные

за черту города, памятники, цветники, а потом, как-то сразу, начинается цивилизация.

Женька искоса взглянула на мужа, заметила хитрое выражение его лица, мелькнувшее и тут же сменившееся маской спокойствия, как только он заметил её взгляд, и успокоилась. Опять сюрприз готовит, – поняла она. Не смотря на отсутствие любви к точным наукам, Женькино сознание было чётко структурировано, жизнь заставила самоорганизоваться. А Глеб, вопреки тому, что был успешным бизнесменом, был склонен к авантюрам, спонтанным решениям и обожал сюрпризы.

Его лукавый взгляд стал понятен, когда замелькали кварталы города. Ещё до того, как они высадились из такси около своих апартаментов, Женька влюбилась в Париж. Их встретил импозантный высокий француз с ярко-красным шарфом, небрежно намотанным на шею. Ещё бы беретку на голову и кисти с палитрой в руки, и получился бы расхожий типаж художника с Монмартра. Француз был хозяином квартиры, которые гордо именовались апартаментами, и по фотографиям из Букинга выглядели, действительно, шикарными и просторными. А на деле оказались двумя маленькими проходными комнатухами. Впрочем, в квартире всё необходимое было – кухня со всеми благами цивилизации, каким-то непонятным образом втиснутыми в пространство не более четырёх квадратных метров, душ, туалет. Много ли им, двоим, надо? А сама квартира располагалась во внутрен-

нем дворе четырёхэтажного дома с крохотным дребезжащим лифтом. Всё это очень напоминало дворы-колодцы Питера, с той разницей, что в любимом Женькой городе всё было просторнее и выше. Как будто Питер сжался раза этак в 2, и получились типичные жилые кварталы Парижа.

Метро Парижа Женьке не понравилось. В нём не было ничего красивого – одинаковые станции с разными названиями, темные, зачастую выкрашенные в чёрный цвет низкие тоннели переходов, запутанные пересадки, в которых даже ей, с её знанием французского, было трудно разобраться. Куда там парижскому метро до великолепных, просторных, наполненных воздухом и богато украшенных станций-дворцов московского метрополитена! В Париже к метро относились просто как к виду транспорта, одному из, трамваю, спущенному с поверхности под землю.

А вот когда они вышли на поверхность, здесь Женьку ждал культурный шок! Париж был красив до умопомрачения²⁴! И неважно, шли они по центральным улицам или сворачивали на тесные боковые улочки. Жилые дома эпохи Наполеона III, украшенные лепниной и витыми решётками балконов, рисунок которых не повторялся даже от этажа к этажу одного дома, мирно соседствовали с современными зданиями, такими как Центр Жоржа Помпиду²⁵, больше похожего на нефтеперегонный завод, чем на музей современного искусства во всех его проявлениях (изобразительное и декоративное искусство, танец, музыка и т.д.). А перед Цен-

тром на одной площади Стравинского располагался одноимённый экстравагантный фонтан, представляющий собой множество необычных металлических механизмов, двигающихся посредством воды, и церковь XVI века Сен-Мерри²⁶. Из церкви Глеб и Женя услышали высокий, чистый женский голос. Но, когда зашли внутрь, увидели, что ангельский голос принадлежит... мужчине. И это несоответствие было так символично для Парижа – сочетать не сочетаемое, доводить эклектику до уровня гармонии.

Глеб щедро дарил жене Париж, прогуливаясь вместе с ней по длинному зелёному ковру сада Тюильри, тянущемуся от площади Согласия до распростёртых объятий Лувра, и в тенистом, украшенном скульптурами французских королей и низенькими изящными решётками вокруг пруда, Люксембургском саду. Между прочим, среди королевских особ находится и наша Анна Ярославна (помните фильм «Ярославна, королева Франции»?), младшая дочь киевского князя Ярослава Мудрого, выданная замуж за французского короля Генриха I, мать будущего короля Филиппа I, лишённая королевского титула из-за того, что вышла второй раз замуж после кончины венценосного супруга.

Взявшись за руки, они медленно поднимались по кривым улочкам Монмартра мимо его многочисленных памятников, которые как-то скромно, без помпезности и выпячивания, обнаруживались за очередным поворотом: покровителю Парижа – святому Дионисию²⁷, держащему в руках

собственную отрубленную голову. Человеку, проходящему сквозь стену – герою рассказа писателя Марселя Эме²⁸. Памятник создан, между прочим, знаменитым актёром Жаном Маре. Мимо старейшего в Париже кабаре «У проворного кролика», которое перед этим имело пугающее название «Кабаре убийц», а началось всё со скромного кабака, называвшегося «Встреча воров».

Наивысшей точкой, во всех смыслах, путешествия по Монмартру стала белоснежная²⁹ базилика Сакре Кёр – Святое Сердце. Расположенная на самом высоком холме Парижа – 150м от уровня Сены, она доминирует над городом и, кажется, над окружающей действительностью.

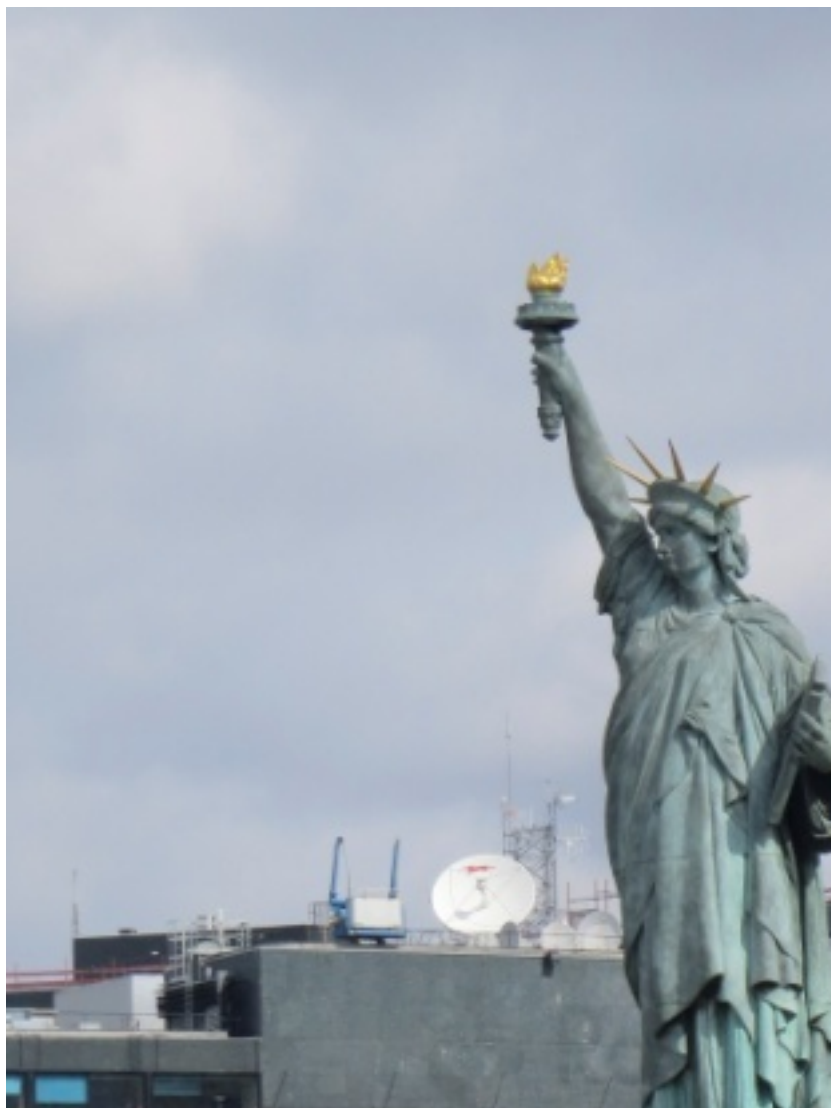
А потом они спустились вниз, с небес даже не на землю, а ещё ниже – на воду, и прокатились на кораблике по Сене под её мостами – многочисленными, не похожими друг на друга, имеющими каждый своё лицо. Пешеходный мост Леопольда Седара Сенгера³⁰, покрытый древесиной экзотических бразильских деревьев табебуя, которая придаёт ему лёгкий и тёплый вид, металлические перила которого украшены замками любви. Самый красивый и богато украшенный мост Александра III, заложенный в ознаменование Франко-русского союза. В центре мостовых арок расположены нимфа Сены с гербом Франции и нимфа Невы с гербом императорской России. В декоре отделки присутствуют фигуры пегасов, ангелов и 17-метровые фонарные столбы, над кото-

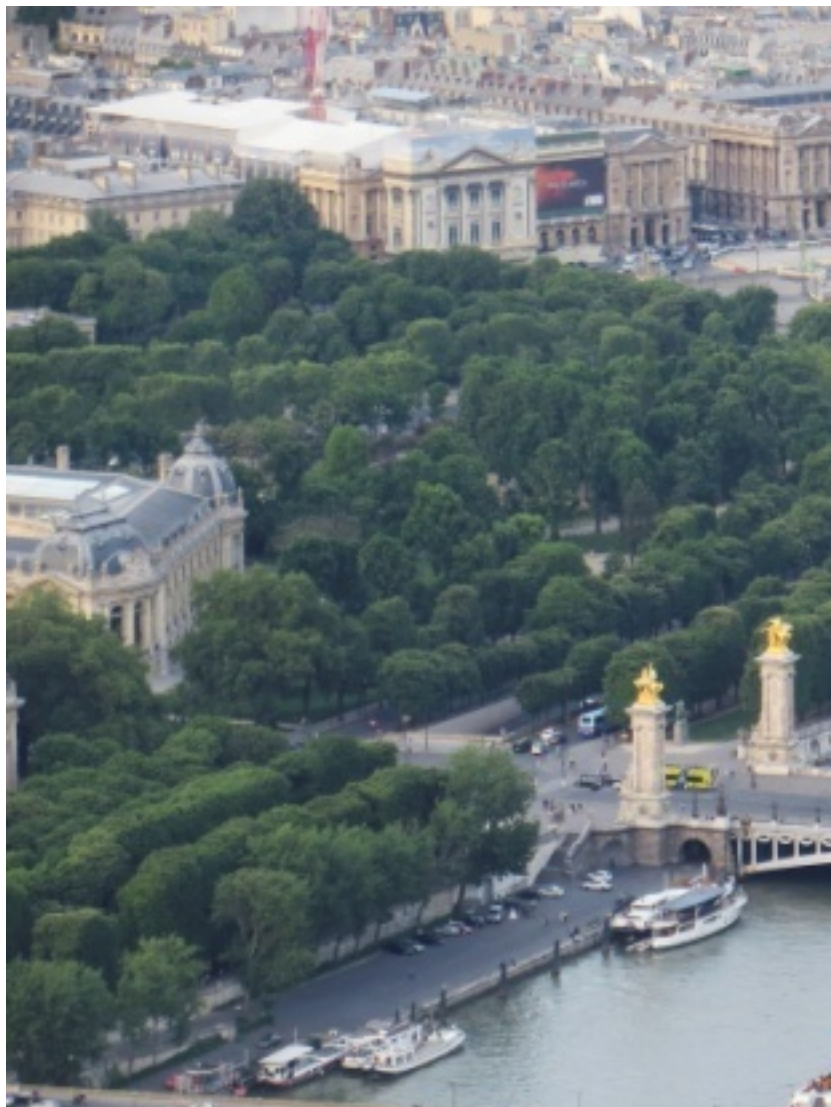
рыми парят бронзовые фигуры, символизирующие Науку, Искусство, Промышленность и Сражение. Щедро украшенный скульптурными композициями двухэтажный мост Бир-Хакейм – Электричество, Торговля, Наука, Труд, чугунные фигуры моряков со стилизованным гербом Парижа и кузнецы, которые клепают щит с вензелем Республики Франция – «RF». Более скромный, но также украшенный аллегорическими статуями работы скульптора [Жана-Антуана Энжальбера](#) – Париж, Навигация, Изобилие и Торговля, мост Мирабо. Но зато с него открывается великолепный вид на Лебяжий остров со статуей Свободы³¹, за плечами которой возвышается Эйфелева башня.

На Эйфелевой башне они тоже побывали, конечно. Быть в Париже и не побывать там, разве такое возможно?! Полюбовались с её высоты Марсовым полем и садом Трокадеро, изящной, почти идеально ровной дугой Сены, прямыми лучами проспектов, разбегающихся от Триумфальной арки на площади Шарля де Голля.

А попрощаться с Парижем решили у Большой арки района Дефанс. Вернее, так решил Глеб, поскольку Женя в этом путешествии была исключительно ведомой. Дефанс – это деловой и жилой квартал, застроенный современными высотками. Только зданий выше 90 м, а это 25-этажные дома, там 46! В самом высоком на данный момент – Tour First, 52 этажа и 231 м. Но, может, раньше район и производил неизгладимое впечатление, то теперь, после постройки в нашей столице Международного делового центра Москва-Сити, где самое высокое здание возвышается на 354 м, отнюдь нет.

На смотровую площадку Большой арки они не попали. Она была закрыта на ремонт. Но и с высоких ступенек, ведущих к подножию арки, открывался великолепный вид на стрелку бульваров, плавно переходящих один в другой, через Триумфальную арку, Египетский обелиск и третью арку Парижа на площади Каррузель до острия стеклянной пирамиды перед Лувром.

Глеб сидел на верхней ступеньке, ел мороженое в вафельном рожке (наше намного вкуснее!) и размышлял над тем, что как-то он подустал от впечатлений. А ещё... Ещё ужасно соскучился за детьми. Вот, уж, чего он от себя не ожидал, так это того, что ему будет не хватать их вечной суеты и шума!

– Скажи, – обратился он к жене, – а, если ты снова забеременеешь, опять будут близнецы?

Женька, сидевшая облокотившись на его согнутое колено

и тоже евшая мороженое (наше намного вкуснее!), вздрогнула от созвучности их мыслей. Она тоже думала о детях. О том, как бы ей направить мысли мужа так, чтобы они всегда ездили в отпуска вместе с детьми. Очень она за ними соскучилась!

– Не знаю, – растерянно ответила она, – Может быть. А что?

– Тебе не кажется, что надо ликвидировать дисбаланс – одна девочка и три мальчика? Если бы близнецы, то одним махом – раз, и ещё две девочки!

Женька развернулась к мужу и заглянула в его лицо с таким выражением... с таким выражением, от которого у него забурлила кровь, голова поплыла, а тело запылало.

Красавица моя, люблю сплошную тьму

В ночи твоих бровей покатых;

Твои глаза черны, но сердцу моему

Отраду обещает взгляд их.

Твои глаза черны, а волосы густы,

Их чернота и смоль – в союзе;

Твои глаза томят и манят:

*«Если ты, Предавшийся пластичной музе,
И нам доверишься, отдашься нам во власть,
Своим пристрастьям потакая,
То эта плоть – твоя; смотри и веруй всласть:
Она перед тобой – нагая!
Найди на кончиках наливишихся грудей
Два бронзовых огромных ока;
Под гладким животом, что бархата нежней,
Смуглее, чем жрецы Востока,
Разглядывай руно: в нем каждый завиток —
Брат шевелюры неумной,
О, этот мягкий мрак, податливый поток
Беззвездной Ночи, Ночи темной!»*

Что обещало ему её лицо? Счастье! Счастье без конца и без края. Женя, Женечка моя!

²⁴ – современный облик Парижа сформировался в период царствования Наполеона III, благодаря градостроительным преобразованиям префекта департамента Сены барона Ж.-Э. Османа. Он осуществил коренную перепланировку Парижа, прорезав город магистралями и проложив бульвары на месте беспорядочных трупоб. Было построено множество зданий, ставших украшением столицы. Некоторые архитектурные памятники были перестроены, отреставрированы, либо передвинуты. Тогда же началось строительство современного водопровода и канализации.

²⁵ – здание представляет собой стеклянный параллелепипед очень больших для центра Парижа размеров: оно имеет длину 166 м, ширину 60 м и высоту 42 м. Оригинальная идея архитекторов была в расположении всех технических конструкций (арматурные соединения, все трубопроводы, лифты и эскалаторы) снаружи здания, что позволило высвободить максимум полезной площади в 40 тыс. м². Арматурные соединения выкрашены белым цветом, вентиляционные трубы – синим, водопроводные

– зелёным, электропроводка – жёлтым, а эскалаторы и лифты – красным. Центр Помпиду включает в себя парижский Музей современного искусства, библиотеку, Центр

промышленного дизайна, [Институт исследования и координации акустики и музыки](#), концертные и выставочные залы, несколько кинозалов, смотровые площадки.

²⁶ – строительство церкви, начатое в первой половине XVI века, продолжалось до века XVII, когда была возведена колокольня. И дальше неоднократно перестраивалась и реконструировалась. К настоящему времени историческую ценность представляют: окно, с которым связано имя священника Жана Бопера, одного из судей Жанны д'Арк, красивый орган и колокол – старейший в Париже, отлитый в XIV веке и переживший Революцию, в отличие от менее удачливых собратьев из других храмов, которых пустили на переплавку.

²⁷ – согласно легенде, Дионисий пришёл на территорию современного Парижа с проповедью христианской веры в те времена, когда здесь находилось языческое поселение. Властям не понравились христианские идеи, и Дионисий вместе со своими сподвижниками был обезглавлен. А после казни, он взял свою голову и прошеествовал с ней ещё несколько километров, по пути продолжая проповедовать, к месту, где впоследствии основали поселение Сен Дени (святой Дионисий)

²⁸ – герой рассказа обладал уникальной способностью проходить сквозь стены и пользовался ею, навещая возлюбленную, которую держал взаперти ревнивый муж.

²⁹ – материалом для строительства базилики стал уни-

кальный камень из недр Шато-Лондона, который становится ещё более белоснежным под действием дождевой воды.

³⁰ – мост назван в честь первого президента Сенегала, после того как Сенегал обрёл независимость и перестал быть колонией Франции.

31

– одна из первых статуй французского скульптора Фредерика Огюста Бартольди. По всему миру установлено около 100 статуй Свободы

–

в Великобритании, Японии, Аргентине, Тайвани, Бразилии, Мексике, Китае, Германии, Чехии, Ирландии, Норвегии, Испании, Перу, Косово.

Самая первая – во французском городе Клегерек. Самая маленькая – 30см, на родине скульптора в городе Кольмар, она является деталью памятника её автору Бартольди. Самая большая (в 4 раза больше парижской) – на острове Свободы в США, символом которых она является.

4 июня – 25 июля 2021г